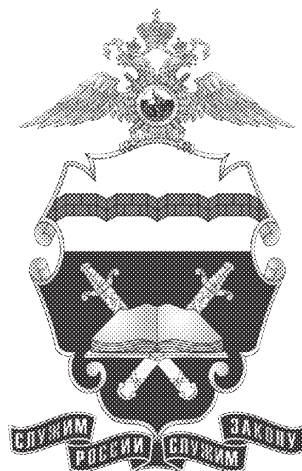

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 32

№ 2(101) апрель – июнь 2026 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 32**

No. 2(101) april – june 2026

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук (Омск, Россия)
В. В. Николюк, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. Н. Гордеев, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. С. Дежнев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

- Е. А. Жукова** — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
А. В. Литвинов, кандидат технических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент
(Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Л. А. Пупышева, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
А. А. Хамдамов, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
В. В. Хилjuta, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор **А. В. Литвинов**

Редактирование **Е. А. Жукова**

Корректурa **Л. И. Замулло**

Компьютерная правка и верстка **П. В. Ярославцева**

Перевод **Ю. И. Алферова**

Авторы эмблем **Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц**

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, 7, ОМА МВД России.

Бесплатно.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 29.06.2026. Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 12,1. Усл. печ. л. 13,4. Заказ № 199.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2026

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Science
(Omsk, Russia)
V. V. Nikolyuk, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow,
Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Science (in Law), Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. N. Gordeev, Doctor of Science (in Law), Professor (Tashkent,
the Republic of Uzbekistan)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Science (in Law), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnev, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Science (in Philosophy) , Professor
(Moscow, Russia)
M. S. Desyatov, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

- O. A. Diser**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Belgorod, Russia)
E. A. Zhukova — *executive secretary* (Omsk, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
A. V. Litvinov, Candidate of Technical Sciences, Associate-Pro-
fessor — *editor-in-chief* (Omsk, Russia)
V. F. Lugovik, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, Candidate of Science (in Law), Associate-
Professor (Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, Candidate of Science (in Law), Associate-Pro-
fessor (Sevastopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Moscow, Russia)
L. A. Pupyshova, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
A. A. Khamdamov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
V. V. Khilyuta, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Moscow, Russia)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education

«Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief A. V. Litvinov

Editing E. A. Zhukova

Proofreading L. I. Zamullo

Desktop publishing P. V. Yaroslavtseva

Translation Yu. I. Alferova

Authors of the Emblems E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Free of charge.

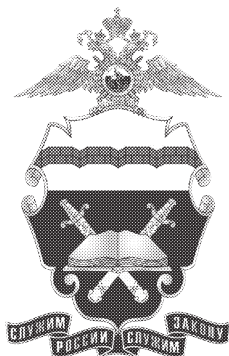
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 29.06.2026. Circulation 50 items. Published sheets 12,1. Printed sheets 13,4. Order No. 199.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2026

№ 2(101) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2026

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	•	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	•	Counteracting Delinquent Behaviour
Молчанова Т. В. Прогнозирование рисков криминализации экономической деятельности, обусловленной введением ограничительных мер	121	Molchanova T. V. Forecasting the Risks of Criminalization of Economic Activity caused by the Introduction of Restrictive Measures
Тамбовцев А. И., Павличенко В. В. Способ получения оперативно-розыскной информации как основание классификации оперативно-розыскных мероприятий	128	Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Method of Obtaining Operational Detective Information as the basis for the Classification of Operational Detective Measures
Сафронов Д. М. Международно-правовые стандарты при осуществлении уголовного судопроизводства в особых условиях	136	Safronov D. M. International Legal Standards for Criminal Proceedings under Special Conditions
Сучков А. И. Механизм спровоцированного дорожно-транспортного происшествия при исследовании опасности для движения и момента ее возникновения	141	Suchkov A. I. The Mechanism of Provoked Road Traffic Crime in the Study of the Danger to Traffic and the Moment of its Occurrence
Право и государство	•	Law and State
Абызова Е. Р. К вопросу о субъекте и объекте персонализированного права	147	Abyzova E. R. To the Question of the Subject and Object of Personalized Law
Бельтюков Е. С., Мурин Д. А. Прокурорский надзор как фактор эффективности правоприменительной политики современного российского государства в условиях внедрения единых мер поддержки участников специальной военной операции: опыт Омской области	154	Bel'tyukov E. S., Murin D. A. Prosecutor's Supervision as a Factor in the Effectiveness of the Law Enforcement Policy of the Modern Russian State in the Context of the Introduction of Uniform Measures to Support Participants of the Special Military Operation: the Experience of the Omsk Region
Луговик В. Ф., Бучакова М. А. Реализация конституционных идей в оперативно-розыском законодательстве: состояние и перспективы	161	Lugovik V. F., Buchakova M. A. Implementation of Constitutional Ideas in Operational Detection Legislation: State and Prospects
Голод Е. П. Доверие как детерминанта обеспечения легитимности права	169	Golod E. P. Trust as a Determinant of the Legitimacy of Law
Лановая Г. М. Роль стимулирования деятельности правоприменителей в соответствии с «буквой закона» в обеспечении реализации целей закона	175	Lanovaya G. M. The Role of Stimulating the Activities of Law Enforcement Officers in accordance with the "Letter of the Law" in Ensuring the Implementation of the Goals of the Law
Плетников В. С. Правоприменение перед вызовом релятивизма	180	Pletnikov V. S. Law Enforcement facing the Challenge of Relativism
Пожарский Д. В. Правовая политика: понятийная неопределенность и пределы классификации	184	Pozharsky D. V. Legal Policy: Conceptual Uncertainty and Limits of Classification
Юридические ретроспективы	•	Juridical Retrospect
Демидова И. А. Исторические правовые памятники в формировании правовых традиций на белорусских землях	189	Demidova I. A. Historical Legal Monuments in the Formation of Legal Traditions on Belarusian Lands
Нестеров Е. А. Контроль и надзор в контексте государственного управления: взгляд русских «государственников» XIX — начала XX веков	195	Nesterov E. A. Control and Supervision in the Context of Public Administration: the View of Russian Proponents of the Strong State of the 19 th — early 20 th Centuries
Диссертационный процесс	•	Dissertation Process
Миронова Г. Н. Отзыв официального оппонента на диссертацию Е. А. Ширишановой «Взяточничество в органах внутренних дел: криминологический анализ»	201	Mironova G. N. Official Opponent Review of the Dissertation "Bribery in the Law Enforcement Bodies: Criminological Analysis" prepared by E. A. Shirshanova
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	•	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский и методологический инструментарий	•	Philosophical and Methodological Toolkit
Большаков Е. В., Тимошук А. С. Синтетическая эмоционально-трансцендентальная теория морали и права	205	Bolshakov E. V., Timoshchuk A. S. Synthetic Emotional-Transcendental Theory of Morality and Law
Буткевич С. А. Противодействие русофобии в трансформирующемся мировом сообществе: детерминанты, угрозы и механизмы нейтрализации	211	Butkevich S. A. Combatting Anti-Russian Sentiment in a Transforming World Community: Determinants, Threats, and Neutralization Mechanisms
Килимник Е. В. Националистическая идеология и политические перспективы современной Украины	217	Kilimnik E. V. Nationalist Ideology and Political Prospects of Modern Ukraine
Ковалев А. А. Идеология в XXI веке как мотив идеологической войны	225	Kovalev A. A. Ideology in the 21 st Century as a Motive for Ideological War
Информация для авторов	230	Information for Authors

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

ПРАВОНАРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ COUNTERACTING DELINQUENT BEHAVIOUR

УДК 343

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-121-127

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Прогнозирование рисков криминализации экономической деятельности, обусловленной введением ограничительных мер

Татьяна Витальевна Молчанова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии¹,

✉ molcha@yandex.ru

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

Введение не имеющего аналогов внешнеторгового санкционного режима в отношении России в 2022 г. инициировало процессы глубокой структурной деформации экономических отношений. Данные процессы спровоцировали формирование качественно новой среды, характеризующейся высокой правовой неопределенностью, разрывом финансовых связей и изменением в целом структуры внешнеэкономических отношений. В представленной статье на основе методологии криминологической рискографии осуществляется попытка частичного прогнозного моделирования и картографирования зон повышенного криминогенного риска, относимых к преступлениям в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ). Фокус исследования смещен с анализа ретроспективной статистики к прогнозированию возможно нарождающихся угроз, детерминированных новыми экономическими реалиями: легализацией параллельного импорта, внедрением альтернативных платежных систем и монополизации собственности в условиях процесса импортозамещения.

Ключевые слова: прогнозирование, криминологическая рискография, преступления в сфере экономической деятельности, экономические санкции, прогнозное моделирование, риски, угрозы, правовой режим, криминализация

Для цитирования: Молчанова Т. В. Прогнозирование рисков криминализации экономической деятельности, обусловленной введением ограничительных мер // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 121–127.

Forecasting the Risks of Criminalization of Economic Activity caused by the Introduction of Restrictive Measures

Tatiana V. Molchanova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminology¹,

✉ molcha@yandex.ru

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The introduction of a unique foreign trade sanctions regime in 2022 against Russia initiated processes of deep structural deformation of economic relations. These processes provoked the formation of a qualitatively new environment characterized by high legal uncertainty, a break in financial ties and a change in the structure of foreign economic relations in general. In the presented article, based on the methodology of criminological risk mapping, an attempt is made to partially forecast modeling and mapping of areas of increased criminogenic risk related to crimes in the field of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation). The focus of the study is shifted from the analysis of retrospective statistics to predicting possible emerging threats determined by new economic realities: the legalization of parallel imports, the introduction of alternative payment systems and monopolizations of property under conditions of import substitution processes.

Keywords: forecasting, criminological risk mapping, economic crimes, economic sanctions, forecast modeling, risks, threats, legal regime, criminalization

Citation: Molchanova T. V. Forecasting the Risks of Criminalization of Economic Activity caused by the Introduction of Restrictive Measures. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 121–127 (In Russ.).

Комплекс международных ограничительных мер, введенных в 2022 г., по своему характеру и масштабу приобретающий черты структурного финансово-технологического противодействия, стал фактором, принципиально изменившим условия осуществления экономической деятельности в России. Основное правовое последствие его введения заключается не в непосредственном причинении материального ущерба¹, а в формировании состояния устойчивой правовой неопределенности.

Национальное правовое поле, адаптируясь к изменившимся внешним условиям путем принятия специальных правовых режимов (включая допуск товаров в рамках параллельного импорта² и установление особого порядка валютного контроля), неизбежно породило значительные пробелы и противоречия в регулировании³. Эти сегменты правового поля, характеризующиеся отсутствием четких законодательных критериев, непоследовательностью правоприменительной практики и затрудненным контролем за сделками, объективно формируют благоприятную почву для противоправной деятельности, создавая предпосылки для возникновения и распространения новых форм экономических преступлений.

С учетом комплексного влияния экономических санкций, введенных против России, и ответных мер государства прогнозные криминологические тренды в сфере криминальной экономической деятельности (глава 22 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ)) приобретают качественно новую специфику и глубину. Санкционный режим выступает не просто внешним фоном, а мощным криминогенным и криминообразующим фактором, трансформирующим традиционные схемы и создающим принципиально новые ниши для противоправной деятельности.

Ключевой структурный сдвиг в мировой экономике, заключающийся в системной перестройке международного разделения труда и логистических потоков, объективно формирует условия для возникновения масштабных противоправных деяний. Данные преступления отличаются комплексным характером, затрагивая одновременно сферы регулирования, связанные с движением капитала, таможенным администрированием, валютным контролем, корпоративным правом и иными отраслями законодательства, что существенно повышает их латентность и сложность квалификации.

В сложившихся условиях произошел резкий рост сложных схем санкционного обхода⁴, который инте-

¹ Например, для льготного кредитования малого и среднего бизнеса дополнительно выделено 9 млрд рублей. Это позволит предоставить бизнесу финансовую поддержку на общую сумму 100,7 млрд рублей до конца 2022 г. (О выделении в 2022 году Минэкономразвития России бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации для взноса в уставный капитал акционерного общества «Российский банк поддержки малого и среднего предпринимательства»: распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2022 г. № 1491-р. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). С 2023 г. расширяются параметры поддержки регионов на модернизацию и развитие промышленности. Объем возмещения затрат предприятий на приобретение нового оборудования увеличится с 20 % до 50 %, а сумма субсидирования вырастет в два раза — с 10 млн до 20 млн рублей на каждого заявителя. Кроме того, увеличены объемы компенсации расходов с 50 % до 80 % на оплату услуг ресурсоснабжающих организаций по подключению к коммунальной инфраструктуре и на уплату первого взноса при заключении договора лизинга оборудования. Это позволило увеличить темпы обновления производственных мощностей в регионах, простимулировало инвестиционную активность предприятий (О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства РФ от 2 июня 2022 г. № 1012).

² О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 (далее — постановление Правительства РФ № 506).

³ Резервный фонд Правительства РФ за счет дополнительных нефтегазовых доходов, полученных в 2022 г., увеличен на 551,4 млрд рублей. Средства будут задействованы в том числе для реализации мероприятий, направленных на обеспечение стабильности развития экономики в условиях внешних ограничений (О внесении изменений в показатели сводной бюджетной росписи федерального бюджета на 2022 год: распоряжение Правительства РФ от 7 июня 2022 г. № 1473-р).

⁴ С 15 июня 2022 г. российские торговые сети покупают или арендуют площади ушедших из России иностранных торговых компаний, даже если доля российской сети на рынке субъекта Российской Федерации превысит установленное законом 25-процентное ограничение (О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 154-ФЗ).

гировался в существующие составы преступных деяний, предусмотренных в том числе главой 22 УК РФ, но с новой мотивацией и масштабом. Следовательно, предметом прогнозной криминологической оценки в рамках уголовно-правовой охраны экономической деятельности выступает не ретроспективная картина зарегистрированных преступлений, а комплекс действующих социально-экономических и правовых условий, которые системно детерминируют возникновение и эволюцию качественно новых, технологически оснащенных и латентных форм противоправного поведения, посягающих на охраняемые законом общественные отношения в сфере экономики, составляющие родовой объект преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ.

Ключевым правовым последствием введения международных ограничительных мер стало структурное изменение трансграничного движения капитала, выразившееся в его вынужденной локализации и дроблении по географическим и обусловленным внешней политикой правовым системам. Санкции сформировали и отсутствие четких правовых ориентиров, которые породили идеальную среду для образования новых видов преступных деяний в сфере экономической деятельности. В связи с этим необходимо не просто предполагать будущие векторы криминальной деятельности, но и определять конкретные их формы и виды. Как мы ранее отмечали в своих исследованиях, статистическая криминология, находясь на пересечении экономики, права и социологии, предоставляет инструменты для выявления закономерностей прогнозирования динамики преступлений и оценки эффективности мер противодействия [1, с. 168–178].

В рамках данной статьи предметом исследования станут лишь отдельные преступления, предусмотренные главой 22 УК РФ. Мы сконцентрируемся на отдельных, наиболее значимых векторах криминальной деятельности, выбор которых обуслов-

лен их возрастающей распространенностью и качественным изменением под влиянием внешних факторов.

Прогнозируемые векторы криминализации экономической деятельности

Экономические санкции, выполняя двойную функцию блокирования законных каналов и создания стимулов для поиска альтернатив, становятся системным катализатором, трансформирующим ландшафт легализации (отмывания) денежных средств (ст. ст. 174, 174¹ УК РФ). Вместо традиционных схем с фирмами-однодневками возникают сложные гибридные конструкции, основанные на использовании компаний-резидентов «дружественных» юрисдикций (государств ЕАЭС⁵, Азии), для симуляции легальной «транзитной торговли»⁶. Это позволило формально соответствовать локальному регулированию при обходе ограничительных мер, а риск сместился к деятельности транснациональных институтов, где, как отмечают эксперты-аналитики, криптопреступность в 2025 г. приняла организованный, сервисный характер, а государства стали активнее использовать криптовалюты как финансовую инфраструктуру.

К 2025 г. подпольная криптосреда окончательно вышла из состояния хаотичного рынка серых схем и превратилась в выстроенную систему с устойчивыми ролями и отлаженными сервисами. По данным нового отчета Chainalysis, государства все чаще используют уже существующую криминальную инфраструктуру блокчейна, чтобы обходить международные ограничения и санкции, не создавая собственных механизмов с нуля. За год на адреса, связанные с незаконной деятельностью, поступило криптовалюты на 154 млрд долларов. Это в полтора раза больше предыдущей оценки за 2024 г. В Chainalysis связывают резкий рост прежде всего с активностью структур, находящихся под санкциями. В эту категорию входят как государственные схемы обхода ограничений, так и связанные с ними посредники⁷.

⁵ Евразийский экономический союз.

⁶ Определены требования к банкам, имеющим право открывать специальные рублевые счета типа «О» для расчетов с правообладателями из недружественных государств, а также правообладателями, прекратившими свою деятельность в Российской Федерации либо поддерживающими санкции. Устанавливаются также правила обмена информацией о таких счетах между уполномоченными банками. К таким банкам будут относиться кредитные организации с уровнем кредитного рейтинга не ниже уровня «А» по шкале агентства АКРА или не ниже уровня «ruA» по шкале «Эксперт РА» по состоянию на 1 июня 2022 г. Разрешение на перевод средств на счет правообладателя, находящихся на специальном счете типа «О», будет давать Правительственная комиссия по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации на основании рекомендации уполномоченных федеральных органов исполнительной власти в соответствии с их компетенцией (О реализации некоторых положений Указа Президента Российской Федерации от 27 мая 2022 г. № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» и внесении изменений в Правила выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и иных разрешений, предусмотренных отдельными указами Президента Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 6 июня 2022 г. № 1031).

⁷ \$154 млрд грязных денег — криптопреступность стала индустрией с сервисами, франшизами и техподдержкой. И это только разминка. URL: <https://www.securitylab.ru/news/567846.php?ysclid=mklg9ouq653284090> (дата обращения: 10.01.2026).

Стейблкоины, составляющие более 80 % незаконных транзакций, превратились в стержневой элемент этих схем. В отличие от классического банковского мониторинга, отслеживающего транзакции через централизованные системы, эти криптовалютные инструменты действуют иначе. Они образуют идеальный для обналичивания механизм: лишённые идентифицирующих признаков валюты децентрализованные финансовые сервисы и миксеры — все это вместе даёт недостижимую для банков анонимность и свободу перемещения средств по миру.

В России взрывной рост неконтролируемого P2P-сегмента на фоне правового вакуума, где криптобиржи не имеют статуса, а банки массово блокируют счета в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», сделал этот канал основным для притока и конвертации «грязных» денег через счета дропперов. Вследствие происходящего Банк России планирует ввести полноценное регулирование с лицензированием операторов и применением всех механизмов ПОД/ФТ к криптоактивам, а к 2027 г. — ответственность за нелегальный оборот, одновременно разрабатывая систему «Антидроп» для создания базы подставных лиц⁸. Россия остается одной из немногих стран СНГ, в которых отсутствует комплексное регулирование оборота криптовалюты. С одной стороны, совершать операции с криптовалютой в стране не запрещено, с другой стороны, не урегулирована деятельность криптообменников и бирж, отсутствует правовой статус у стейблкоинов и ряда других криптовалютных активов, а также не до конца проработано налогообложение.

Таким образом, в условиях санкций эволюция легализации (отмывания) денежных средств носит системный и технологически детерминированный характер, требуя для противодействия не только ужесточения национального регулирования и развития блокчейн-аналитики, но и беспрецедентного уровня международного сотрудничества при геополитическом размежевании для сохранения целостности финансовых систем перед лицом их фундаментальной трансформации.

Активное внедрение децентрализованных финансовых инструментов (DeFi), анонимных криптоактивов и межсетевых миксеров для проведения платежей и преобразования криминальных денежных средств ведет к неизбежному повышению актуальности рисков по отдельным узкоспециальным видам преступной деятельности, в том числе к изго-

товлению или сбыту поддельных платежных средств (ст. 187 УК РФ).

Криминальная направленность заключается в эволюции ст. 187 УК РФ: через использование криптовалют и миксеров в качестве высокотехнологичных инструментов, функционально замещающих законные платежные средства и специально предназначенных для анонимизации преступных доходов. В силу ограниченных временных рамок, установленных для осуществления комплексной правовой экспертизы контрагента и его активов, реализация полноформатного аудита сопряжена со значительными методологическими ограничениями. Данное обстоятельство объективно ограничивает возможность добросовестного участника оборота в полной мере установить юридическую чистоту сделки, финансовое состояние другой стороны и отсутствие скрытых источников в праве собственности.

Кроме того, в условиях действия международных ограничительных мер прогнозируется активизация противоправной деятельности в сфере внешнеэкономических отношений, выражающаяся в расцвете новых форм незаконного перемещения через таможенную границу и уклонения от уплаты таможенных платежей. Данные преступные деяния будут характеризоваться попытками незаконного ввоза или вывоза с территории Российской Федерации товаров, попавших под санкционные ограничения под прикрытием их происхождения из так называемых «дружественных» государств либо с использованием схем трансграничного перемещения товаров через промежуточную юрисдикцию на пространстве ЕАЭС. Подобные действия образуют состав преступлений, предусмотренных ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей» и ст. 200¹ УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов». Введенная для защиты финансовой безопасности и валютного контроля ст. 200¹ УК РФ криминализировала незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС денежных средств в крупном и особо крупном размере. Ее особая актуальность в прогнозируемом варианте обусловлена тем, что расчеты по незаконным операциям с санкционными товарами в условиях блокировки традиционных финансовых каналов могут осуществляться именно путем физической контрабанды крупных сумм наличных денежных средств или иных денежных инструментов.

Одним из криминогенных последствий введения ограничительных мер выступает стимулирование противоправных практик в сфере так

⁸ Что будет с регулированием рынка криптовалют в России в 2026 году. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/694e62239a7947ba7117a8b3?ysclid=mklh8xdplm563448154&from> (дата обращения: 10.01.2026).

называемого параллельного импорта⁹. Данный механизм, получивший формальное разрешение регулятора для отдельных категорий товаров, формирует обширную «зону правового риска», в которой внешне правомерная деятельность трансформируется в уголовно наказуемые деяния. К их числу относятся, прежде всего, незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК РФ), возникающее при обороте оригинального товара без согласия правообладателя, а также производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки (ст. 171³ УК РФ), если ввезенные товары подпадают под соответствующие требования.

В финансово-экономической сфере прогнозируемое ужесточение надзорной деятельности Банка России и Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации в отношении операций, относящихся к иностранным государствам и территориям, совершающим недружественные действия в отношении Российской Федерации¹⁰, вызовет разнонаправленные последствия. С одной стороны, ожидается рост статистических данных по выявленным преступлениям, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества (ст. ст. 174, 174¹ УК РФ), полученных преступным путем. С другой стороны, это неизбежно спровоцирует перемещение наиболее опасных нелегальных финансовых потоков в сегменты экономики с более низким уровнем прозрачности и контроля. Такая миграция будет выражаться в переходе к использованию анонимных криптоактивов, инновационных финансовых технологий, а также к вовлечению нерегулируемых финансовых посредников и построению многоуровневых трансграничных схем для сокрытия истинных бенефициаров и источников происхождения капитала.

Действие внешних ограничительных мер объективно способствует ускорению процессов усиления государственного контроля в стратегических секторах экономической деятельности и последующего перераспределения активов. В криминологическом измерении данный тренд формирует высокие риски криминализации юридических лиц, проявляющиеся в трех ключевых аспектах. Во-первых, процедуры выхода иностранных собственников и банкротства контролируемых ими юридических лиц создают широкие возможности для совершения преступлений, связанных со злоупотреблениями при банкротстве (ст. ст. 195–197 УК РФ), а также с незаконным образованием (созданием) юридического лица и незакон-

ным использованием документов для такого образования (ст. ст. 173¹, 173² УК РФ).

На практике данные механизмы нередко используются в качестве инструментария для осуществления «враждебных» корпоративных поглощений и противоправного отчуждения активов, маскируемого под законные юридические процедуры. Параллельно проводимая политика ускоренного импортозамещения, сопряженная с идеологическим давлением на предпринимательское сообщество под предлогом противодействия «непатриотичной» деятельности хозяйствующих субъектов, ведет к значительной интенсификации мер административного воздействия и правоохранительного контроля. Указанные обстоятельства также создают условия для использования уголовно-правовых норм об уклонении от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов (ст. 199 УК РФ) и о злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК РФ) не столько для защиты публичных и частных интересов, сколько в качестве инструмента принуждения и разрешения корпоративных конфликтов в пользу лояльных или административно-подконтрольных структур. Следовательно, санкционная политика выступает катализатором для системных угроз экономической безопасности, связанных с криминализацией корпоративного управления и избирательным применением репрессивного потенциала уголовного закона в конкурентном противостоянии.

Таким образом, санкции не просто увеличат объем экономической преступности, в частности, в сфере экономической деятельности, но и качественно изменят ее природу: она станет более гибридной, тесно переплетенной с геополитической и макроэкономической ситуацией, обладающей более развитыми международными связями, но более локализованной по методам противодействия.

Усиление санкционного режима в отношении хозяйствующих субъектов с иностранным участием, сопряженное с дестабилизацией макроэкономических условий, объективно формирует предпосылки для криминализации отношений юридических лиц, квалифицирующихся по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за незаконное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком (ст. 185³ УК РФ). Наиболее высокий уровень криминогенного риска сосредоточен в сегментах экономики, обладающих стратегическим значением для обеспечения государственного суверени-

⁹ Постановление Правительства РФ № 506.

¹⁰ О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации : указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81.

тета и обороноспособности, включая предприятия топливно-энергетического и оборонно-промышленного комплексов, а также операторов критической информационной и транспортной инфраструктуры, где корпоративный конфликт приобретает признаки гибридного воздействия с использованием механизмов уголовного права.

На основании изложенного можно с высокой степенью достоверности констатировать структурные сдвиги в криминальной сфере экономической деятельности, инициированные комплексом международных ограничительных мер и ускоренной цифровизацией экономики, включая предпринимательскую сферу отношений. Указанные факторы выступают катализатором фундаментальной трансформации экономической преступности, выражающейся в переходе от традиционных форм преступной деятельности к созданию сложных международных преступных сетей, которые беспрепятственно подстраиваются под новые условия сформировавшихся экономических отношений.

Их основным системным признаком выступает целенаправленное создание инструментов для обхода правовых ограничений, что осуществляется путем использования сложноструктурированных моделей корпоративного управления, что особенно важно, — интеллектуальных технологий, прежде всего, систем искусственного интеллекта. «Искусственный интеллект открывает путь к более глубокому пониманию сложных механизмов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, позволяя прогнозировать и предупреждать преступные деяния» [2, с. 31].

Особо подчеркнем, что активное внедрение искусственного интеллекта в экономическую (в том числе предпринимательскую) деятельность парадоксальным образом создает технологический базис для аналогичного скачка в противоправной сфере. По мнению специалистов, человеческая цивилизация и в прошлом переживала аналогичные технологические потрясения экономики: так, сотни миллионов фермеров в XIX и XX вв. превращались в фабричных рабочих. Но ни одно из этих изменений не происходило так быстро, как изменения, вызванные искусственным интеллектом [3, с. 132–139]. Алгоритмы машинного обучения начинают использоваться не только для оптимизации бизнес-процессов, но и для автоматического анализа регуляторных требований и поиска в них уязвимостей, генерации правдоподобных, но фиктивных данных и документов для обхода систем контроля, а также для управления распределенными сетями

контрагентов и транзакций с минимальным участием человека. Это приводит к возникновению принципиально новых рисков, таких как полностью автономные схемы уклонения от налогов или легализация (отмывание) доходов, а также использование генеративных моделей для заключения сделок.

В данных условиях сама институциональная среда, формирующаяся в зоне максимального санкционного риска, цифровой трансформации легального бизнеса и криминальной трансформации, порождает качественно иные угрозы, требующие необходимой и должной эволюции правовых и контрольных механизмов. Новые комплексные решения позволяют реализовать имеющийся потенциал импортозамещения, поддержать отечественных производителей, отстаивать интересы страны и общества [4, с. 132].

Резюмируя, обратим внимание, что существующая система прогнозирования и предупреждения преступности в сфере экономической деятельности, построенная в основном на том, чтобы реагировать на уже совершенные преступления и затем расследовать их по устоявшимся, часто поверхностным признакам, оказывается малоэффективной перед новыми, гибкими и скрытыми угрозами.

Следовательно, сложившаяся ситуация актуализирует необходимость не поверхностных изменений, а глубокой реконфигурации институциональных и методологических основ системы защиты экономической безопасности в целом. Основой новой системы должны стать комплексные методы заблаговременного выявления рисков. Их ядром должен быть не контроль статистических (формальных) показателей, а всеобъемлющий интеллектуальный анализ больших данных (BigData). Целью такого анализа является обнаружение неочевидных индикаторов риска, устойчивых моделей противоправного поведения и системных признаков, характерных для криминальной экономической деятельности. «Необходимо проработать вопросы законодательного урегулирования использования рассматриваемых технологий, поскольку в настоящее время эта сфера отношений фактически не затронута нормами отечественного законодательства. В частности, на законодательном уровне не проработаны вопросы юридической значимости применения искусственного интеллекта, больших данных и др. [5, с. 103]»¹¹.

В связи с этим необходимо уйти от привычной модели, которая лишь реагирует на случившееся, к созданию и внедрению гибкой и умной системы

¹¹ В настоящее время значительные изменения в законодательной базе по указанной проблеме фактически не реализованы.

защиты экономической безопасности. Ее главной задачей должна стать способность не просто фиксировать преступления, а предвидеть возможный ущерб и останавливать противоправную деятельность на

самых ранних этапах ее планирования и организации, что в конечном счете отвечает самой сути и защитной функции норм уголовного закона, содержащихся в главе 22 УК РФ.

Список источников

1. Молчанова Т. В. Эмпирическое исследование динамики и структуры преступности в сфере экономической деятельности: современные тенденции // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 4, № 72.
2. Ли Кай-Фу. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. 4-е изд. / пер. с англ. Н. Константиновой. М., 2021.
3. Молчанова Т. В. Перспектива искусственного интеллекта в изменении тренда преступности в сфере экономической деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 3(61).
4. Джураев А. Д., Скляр В. Д., Янковский П. С. Экономические санкции 2022 года в отношении России: принятые решения, последствия и перспективы // Journal of Economy and Business. 2022. Vol. 6-1(88).
5. Батоев В. Б. Использование предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // Общество и право. 2022. № 4(82).

УДК 343.102

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-128-135

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Способ получения оперативно-розыскной информации как основание классификации оперативно-розыскных мероприятий

Андрей Иванович Тамбовцев

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности в ОВД¹,

✉ bestcopat@mail.ru

Николай Владимирович Павличенко

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного права и процесса², ✉ pavlichenko.pro@mail.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

² Сочинский институт (филиал) РУДН имени Патриса Лумумбы (Сочи, Россия)

В статье рассматривается классификация оперативно-розыскных мероприятий по способу получения информации. Глубокий анализ познавательных аспектов оперативно-розыскной деятельности позволил классифицировать оперативно-розыскные мероприятия на следующие группы (классы), при которых информацию получают чувственно либо коммуникативно, технически, цифровым способом, материально, условно-материально, смешанно. При этом авторы отмечают, что оперативно-розыскное мероприятие «оперативное внедрение» не может быть классифицировано по перечисленным выше основаниям, так как при достижении цели данного мероприятия получается (приобретается) не информация, а возможность ее получения в дальнейшем. Соответственно, в данном случае говорить ни о характере самой информации, ни о способе ее получения невозможно ввиду отсутствия таковой.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, информация, способ получения информации, классификация

Для цитирования: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Способ получения оперативно-розыскной информации как основание классификации оперативно-розыскных мероприятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 128–135.

Method of Obtaining Operational Detective Information as the basis for the Classification of Operational Detective Measures

Andrey I. Tambovtsev

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Operational Detective Activity in Law Enforcement¹, ✉ bestcopat@mail.ru

Nikolay V. Pavlichenko

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Law and Procedure², ✉ pavlichenko.pro@mail.ru

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (St. Petersburg, Russia)

² Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Sochi, Russia)

The article considers the classification of operational detective measures according to the method of obtaining information. A deep analysis of the cognitive aspects of operational detective activities made it possible to classify operational detective activities into the following groups (classes), in which information is obtained sensually; in which information is obtained: communicatively, technically, digitally, materially, conditional-materially, mixed. At the same time, the authors note that the operational detective measure "operational penetration" cannot be classified according to the grounds listed above, since when the goal of this measure is achieved, not the information is received (obtained), but the possibility of obtaining it in the future. Accordingly, it is simply impossible to speak either about the nature of the information itself, or about the method of obtaining it since there is no information in this case.

Keywords: operational detective activities, operational detective measures, information, the way of obtaining information, classification

Citation: Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Method of Obtaining Operational Detective Information as the basis for the Classification of Operational Detective Measures. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 128–135 (In Russ.).

Оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ) носят выраженный познавательный характер, так как направлены на получение информации, необходимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Познавание, применительно к оперативно-розыскной деятельности, можно охарактеризовать как «обусловленный развитием общественно-исторической практики процесс отражения и воспроизведения действительности в мышлении; взаимодействие субъекта и объекта, результатом которого является новое знание о мире» [1, с. 1020]. Другими словами, оно объективно связано с получением неких знаний. Развивая этот тезис, профессор А. Г. Спиркин определяет термин «знание» как «данность, добытый факт» [2, с. 380]. Но насколько безошибочно это максимально лаконичное и обобщенное определение? Полагаем, что оно небезупречно! По крайней мере, применительно к теме нашего исследования.

Согласно справочно-энциклопедическим источникам факт есть «1) действительное, невымышленное происшествие, событие, явление; твердо установленное знание, данное в опыте, служащее для какого-либо заключения, вывода, являющееся проверкой какого-либо предположения; 2) действительность, реальность, то, что объективно существует» [3, с. 518].

В контексте изложенного представляется невозможным добыть факт, являющийся событием или происшествием! Можно добыть сведения о каком-то факте, событии или материальные объекты (в широком значении — следы) естественного или искусственного происхождения, подтверждающие это. Но не сам факт! И здесь приходится признать правоту воззрений профессора В. К. Зникина, доказавшего в своих концептуальных научных трудах, что ОРД сводится к организации системы поиска и получения информации [4, с. 442], с чем мы в целом солидарны.

При этом объективные и субъективные особенности оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в условиях противоборства сторон, обуславливают необходимость подбора, разработки, создания, адаптации познавательного инструментария в совокупности средств и способов их применения в максимально эффективных, а потому нередко не стандартных, не шаблонных, уникальных и не свойственных иным практикам и наукам формах. Точно и ярко описывает ситуацию следующее изречение: «Познавание предполагает творческое к себе отношение, придумывание хитрых приемов экспериментирования, изощренных методов наблюдения, чтобы как можно эффективнее вторгнуться

мыслью в то, что „лежит и ждет“, когда его найдут. В этом отношении познание похоже на поиск клада» [2, с. 384]. Вариативность ОРМ выступает прямым доказательством сказанному. Но практически бесконечный перечень вариантов и форм проведения почти всех ОРМ не следует отождествлять со способами (каналами) получения информации, которые взаимосвязаны с формами информации и во многом ими обусловлены, но которые имеют ограниченное объективной реальностью количество.

Ввиду того что ОРД и ОРМ могут осуществляться исключительно живым человеком, в своих рассуждениях о способах получения информации мы исходим из того, что ОРМ есть адаптированные под условия и задачи ОРД способы поиска и получения информации именно человеком — непосредственным исполнителем или иным участником ОРМ. И тут, как мы отмечали ранее, есть только два способа получения информации индивидом — чувственный и коммуникативный [5, с. 22–25].

Однако в процессе развития науки и техники были созданы технические устройства, являющиеся аналогами органов чувств человека либо его конечностей, но значительно превосходящие их по своим характеристикам — абсолютным и относительным порогам чувствительности, качеству восприятия, интенсивности, длительности, пространственной локализации ощущений и пр. В то же время технический прогресс разработал и внедрил в повседневную жизнь способы коммуникации, не связанные, как ранее, с обязательным непосредственным физическим контактом общающихся, а посредством разнообразных технических средств, не зависящих от места расположения и внешних условий. Иначе говоря, третьим способом получения информации в процессе ОРМ является технический, обусловленный сугубо техническим характером и самой информацией, и средств для ее обнаружения, получения, фиксации, обработки и хранения.

Таким образом, данные от природы и естественные для любого человека чувственные и коммуникативные способы получения информации дополнились еще и специально разработанными техническими способами, искусственно расширяющими возможности первых двух. Другими словами, рассуждая о способах (каналах) получения информации в процессе ОРМ, можно говорить только о трех их группах.

1. Чувственный способ получения информации, основанный на использовании возможностей естественных для любого человека органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса).

2. Коммуникативный способ получения информации, основанный на свойственных человеку способах вербального, невербального, знакового, кодового и пр.

3. Технический способ получения информации, основанный на использовании специальных технических средств (приборов, устройств) для поиска в окружающей среде технически трансформированной / измененной и / или по иным причинам физически недоступной для человека информации, и ее адаптации для понимания человеком.

Даже поверхностный взгляд на наименование и содержание ОРМ позволяет сделать достаточно обоснованный вывод о том, что различные ОРМ основаны на разных перечисленных выше способах получения информации.

Так, ОРМ «наблюдение», «исследование предметов и документов», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент» прямо указывают на чувственный характер получения информации в процессе их проведения, что, впрочем, не исключает «параллельного» использования и технических средств, дублирующих чувственные способы получения информации.

Оперативно-розыскное мероприятие «опрос» заключается в получении ответов на поставленные респонденту вопросы в ходе беседы. Формат, время, место и антураж беседы выбираются самостоятельно непосредственным исполнителем в зависимости от целого ряда обстоятельств. ОРМ «наведение справок» аналогично предполагает получение официальных устных или письменных ответов респондента (в основном — организации, учреждения, предприятия и т. п.) на поставленные таким же способом вопросы. Другими словами, и в том и в другом случае мероприятия имеют коммуникативный характер, хотя, бесспорно, оба мероприятия могут проводиться не напрямую, а с использованием технических средств — опосредованно.

Такие ОРМ, как «снятие информации с технических каналов связи», «получение компьютерной информации», а ситуативно и некоторые другие, изначально предполагают некий технический формат и самой информации, и способов ее получения.

Сказанное отражает наши научные воззрения на рассматриваемую предметную область. Однако дальнейшие исследования сущности ОРМ в контексте существующих социально-правовых и научно-технических реалий, проведенные с момента публикации процитированной монографии [5] по настоя-

щее время, а также собственная критическая оценка ранее предложенной классификации позволяют нам усомниться в безупречности наших прежних научных воззрений на способы получения информации (равно как и на саму природу / характер этой информации) и заявить о возможности некоторой корректировки (оптимизации) наших личных взглядов на способы получения информации, утративших со временем актуальность и нуждающихся в определенной ревизии.

Прежде всего хотим обратить внимание, что способы получения информации и способы ее фиксации (отражения или закрепления) — не одно и то же. Особенно в рамках оперативно-розыскной и тем более уголовно-процессуальной деятельности! Чувственная информация, полученная в ходе проведения какого-либо ОРМ, в сознании исполнителя может остаться исключительно как идеальная информация, как некие образы, представления, знания. Но, помимо этого, она может (а в некоторых случаях должна) иметь свое отражение в документах (объяснениях, протоколах, сводках и пр.), фотографиях, видео- или аудиозаписях. При этом ее описание априори рассчитано на гарантированную способность будущего читателя провести мыслительную аналогию, т. е. сравнить описание с имеющимся у него опытом и знаниями. В противном случае подобное описание (например, «жидкость с уксусным запахом») просто не может быть соотнесено читателем ни с чем, а потому — бесполезно.

Иначе говоря, при классификации информации по способу ее получения мы основываемся именно на природе информации и механизме ее получения реципиентом, а не на том, какие формы она приобретает потом и как оформляется в оперативно-розыскном мероприятии.

По большому счету, она может быть оформлена весьма ограниченным числом форм и способов: различными текстовыми вариантами (объяснение, рапорт, справка, сводка, акт, протокол, оперативно-служебные документы и т. д.); приложениями к изложенным выше документам в виде фотографий, аудио- или видеозаписей, компьютерных файлов, схем, планов; приложением обнаруженных и изъятых материальных объектов (орудий и следов преступления, похищенного имущества, документов со следами подделки и др.), а также обнаруженных в ходе ОРМ живых лиц и трупов.

Чувственная информация, будучи первичной для человека, является основой для создания мнения (знания) о наблюдаемом объекте, субъекте или событии и последующей его оценки с позиции оперативной ценности и значимости. Чувственная информация не может быть измерена в количественных показателях и оценивается в основном субъек-

тивно¹. В то же время чувственная информация, получаемая в процессе коммуникации (особенно, непосредственной, «живой»), представляется во многом дополнительной, дающей определенные косвенные признаки, свидетельствующие о физическом и психологическом состоянии респондента, его реакциях, чувствах, эмоциях и пр.

Все перечисленное указывает на то, что чувственный и коммуникативный способы получения информации не являются строго отдельными, изолированными друг от друга и свойственными только и исключительно конкретным мероприятиям. При проведении оперативно-розыскных мероприятий разного (чувственного и коммуникативного) характера оба эти способа получения информации должны использоваться во взаимодействии и взаимодополняемости.

Рассуждая о коммуникативном способе получения информации и соответствующих ему мероприятиях, отметим, что современному «техногенному» социуму свойственны не столько непосредственные, т. е. формы общения «вживую», сколько опосредованные. Будучи опосредованными разнообразными техническими устройствами, эти формы продолжают оставаться вербальными — голосовыми, текстовыми и знаковыми, со свойственными современным социальным, возрастным, национальным, региональным и другим группам особенностями.

В то же время с развитием цифровых технологий технический способ получения информации уже не кажется неделимо единым. Представляется возможным и целесообразным разделить все основанные на использовании технических средств способы получения информации на сугубо технические и цифровые. В основе такого деления, по нашему убеждению, лежат принципиальные различия технической и цифровой информации.

С нашей точки зрения, наряду с имеющимися у технической и цифровой информации общими спецификами, для цифровой информации характерны следующие особенности, выделяющие ее из категории технической информации: отличная от технической информации сущностная природа; искусственный (в том числе самопроизводный) характер возникновения / происхождения; особенная

среда (объекты) и формы существования (нахождения); особые инструменты (технологии) для работы с ней, объединяющие механические (так называемое железо) и программные (так называемый софт) инструменты; необходимость в специальных знаниях весьма специфического свойства (языки программирования, кодирования, криптографии), навыках и умениях и пр.

К оперативно-розыскным мероприятиям данной цифровой группы следует отнести «снятие информации с технических каналов связи», «получение компьютерной информации», а также целый ряд специальных оперативно-технических мероприятий, являющихся сетевыми или интернетными разновидностями традиционных ОРМ «опрос», «наблюдение», «оперативное внедрение», «оперативный эксперимент».

Кроме изложенного, некоторые оперативно-розыскные мероприятия представляются нам двойственными или полемичными с позиции того, какая именно информация в процессе их проведения является искомой, каким именно способом происходит получение такой информации. Это указывает на сложность или даже невозможность категоричного отнесения таких ОРМ к той или иной группе. К таким мероприятиям, по нашему мнению, следует отнести «сбор образцов для сравнительного исследования», «отождествление личности», «прослушивание телефонных переговоров»², «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», «оперативное внедрение», «проверочная закупка». Рассмотрим такие мероприятия.

Проведенный теоретический анализ целей и существующей практики проведения ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования», «проверочная закупка», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» свидетельствует, что их основной целью является обнаружение и изъятие (т. е. физическое получение или возмездное приобретение) некоего материального объекта (а в случае «обследования...» — обнаружение еще и живого разыскиваемого лица, трупа или останков). Исключение составляет проверочная закупка какой-либо услуги. Да, искомый объект может быть обнаружен с помощью органов

¹ Разумеется, у отдельных физических параметров, фиксируемых в том числе органами чувств человека, есть свои критерии, показатели и единицы инструментальных измерений. Так, физические параметры объекта могут быть описаны в единицах измерений (метры, килограммы, литры и пр.) и в аналогии с геометрическими фигурами (круглый, квадратный, цилиндрический и пр.). Сила звука измеряется в децибелах и герцах, оттенки цвета (длина волны) — в нанометрах, теплота или холодность цвета (цветовая температура) — в кельвинах, яркость (сила света) — в канделах, запах измеряется органолептически, на основе субъективного восприятия, вкус не имеет единой системы измерений. Однако полагаем, что за исключением специальных экспертиз эти показатели и единицы измерения в повседневной оперативно-розыскной, следственной, да и бытовой практике не используются.

² Несмотря на технический характер непосредственного проведения данного ОРМ, полагаем, оно имеет чувственную природу. Наши рассуждения об этом и аргументы будут представлены далее по тексту.

чувств или устройств, им аналогичных, но он по своей природе является материальным и нам интересен именно как материальный объект — разыскиваемое лицо, предмет (вещество), находящийся в ограниченном или нелегальном обороте, или потенциальное вещественное доказательство по уголовному делу. Следует признать, что целью и результатом указанных ОРМ является не просто информация как сведения о чем-то, а именно сам физический, т. е. материальный объект (независимо от его размеров, агрегатных состояний и прочих кондиций). Исходя из этого, мы считаем, что, помимо прочего, способ получения информации (в виде материального объекта) может быть еще и материальным, что следует выделить в самостоятельный класс (группу).

Вопросом, который не имеет своего решения в текущий момент и требует дальнейшей разработки, является оценка характера информации и соответствующего этому способа ее получения при «проверочной закупке» услуги. При проведении указанного ОРМ нас может интересовать сам факт оказания услуги, если она противозаконна, качество ее оказания, если оно не соответствует определенным требованиям или стандартам, если услуга легальна, а также связанные с этим прикладные вопросы. В чем именно заключается услуга (ее содержание и результат); в чем выражается и когда считается законченным (оказанным) факт оказания услуги?

В основе рассуждений и конечного решения об информационной природе услуги и способе ее получения, по нашему убеждению, лежат скорее экономические концепты товарно-денежных и торгово-экономических отношений, нежели общеправовые понятия о видах информации. Считаем, что понимание фундаментальных и при этом общепризнанных основ того, что именно является услугой и как это может соотноситься с продаваемым / покупаемым товаром, позволит сделать обоснованные выводы о характере получаемой информации и способе ее получения применительно к оперативно-розыскному мероприятию «проверочная закупка» услуги.

Нам, как юристам, интересными представляются положения одного из основополагающих нормообразующих документов в сфере оказания услуг — ГОСТ Р 50646-2012 «Услуги населению. Термины и определения»³ (далее — ГОСТ Р 50646-2012). Пункт 3.1.1 этого документа определяет услугу как

«результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственной деятельности исполнителя услуг по удовлетворению потребности потребителя услуг», а в соответствии с примечанием и упомянутой в нем ссылкой на ГОСТ ISO 9000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь»⁴ услуга — это «результат как минимум одного действия, обязательно произведенного (осуществленного при взаимодействии) между поставщиком и заказчиком (потребителем), как правило, нематериальный».

Кроме того, ГОСТ Р 50646-2012 подразделяет услуги, оказываемые населению, на материальные, нематериальные (социально-культурные) и смешанные. В соответствии с п. 3.1.2 материальная услуга — это «услуга по удовлетворению материально-бытовых потребностей потребителя услуг, оказание которой включает деятельность, осуществляемую по отношению к материальному продукту, в том числе предоставляемому потребителем».

На основании п. 3.1.3 социально-культурная (нематериальная) услуга — это «услуга по удовлетворению духовных, интеллектуальных, этических потребностей и поддержание нормальной жизнедеятельности потребителя, в том числе поддержание и восстановление здоровья, духовное и физическое развитие личности, повышение профессионализма».

К смешанным услугам относят услуги, «предусматривающие одновременное удовлетворение материально-бытовых и социально-культурных потребностей потребителей услуг»⁵.

Из анализа представленных определений официальных (т. е. введенных таким образом в правовое поле) государственных стандартов, можно сделать следующие значимые для наших рассуждений выводы.

1. Услуга является действием одного лица (группы лиц) или предприятия в отношении или в интересах иного лица (группы лиц) или предприятия.

2. Услуга способна выступать товаром — неовещественным продуктом товарно-денежных отношений.

3. Материальная услуга направлена на деятельностное изменение состояния, качества, количества неких материальных объектов, но сама по себе не имеет материального воплощения, т. е. ее природа все равно остается деятельностной, а не материаль-

³ ГОСТ Р 50646-2012 «Услуги населению. Термины и определения». Разработан Открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации». Внесен Техническим комитетом по стандартизации ТК 342 «Услуги населению». Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 ноября 2012 г. № 1612-ст.

⁴ ГОСТ ISO 9000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь». Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2015 г. № 1390-ст.

⁵ ГОСТ Р 50646-2012.

ной, хотя результат такой услуги может быть материальным и отражать качественно-количественные характеристики услуги, достаточные для ее потребительской или правовой оценки.

4. Нематериальная услуга не связана с воздействием на материальные объекты и реализуется исключительно деятельностью.

Учитывая именно деятельность, т. е. неосознаваемую природу услуги и одновременно ее способность выступать в качестве товара (условного предмета купли-продажи), мы считаем возможным получаемую при этом информацию определить как «условно-материальную» или «псевдо-материальную», которой будет соответствовать и аналогично названный способ получения информации.

Следующим исследуемым ОРМ является «отождествление личности». Отождествление, т. е. узнавание кого-либо, является все-таки мыслительным (аналитическим, сопоставительным) процессом опознающего лица. В данном случае когнитивность ОРМ определяется не чувственным или коммуникативным характером получения новой информации, а мыслительной деятельностью, приводящей к определению соответствия наблюдаемого лица имеющемуся в сознании опознающего субъекта образу этого же лица. При этом первичная информация об отождествляемом субъекте может быть получена отождествляющим субъектом как чувственно — путем непосредственного наблюдения, так и коммуникативно — по словесному описанию, имеющейся ориентировке и т. п.

Современной практике обеспечения транспортной и общественной безопасности и отчасти правоприменительной практике уже свойственно использование данных территориально ориентированных систем видеонаблюдения и мобильной связи для непроцессуального отождествления личности и данных сетевых электронных ресурсов (социальных сетей, электронной почты, форумов и т. д.) для непроцессуального отождествления личности, что, по сути, является автоматическим электронным вариантом проведения ОРМ «отождествление личности». Причем технически осуществляется не только поиск информации в социальных средах (видеонаблюдение, системы «Безопасный город» и пр.) или информационно-коммуникативных сетях, но и непосредственно само сопоставление изображений, фотографий, видеоматериалов.

Еще одним обстоятельством, не позволяющим категорично отнести «отождествление личности» к одной из групп по способу получения, является возможность его реализации с помощью служебно-розыскной собаки (далее — СРС). В своих предыдущих работах [5, с. 160; 6, с. 173–179; 7, с. 304] мы уделяли внимание этой проблеме и пришли к выво-

ду о возможности проведения ОРМ «отождествление личности» с применением СРС, но недопустимости дальнейшего использования полученных результатов иначе, чем тактически, для решения оперативно-розыскных задач. Мы против признания допустимым следственного действия «опознание», проводимого по запаховым следам с использованием СРС, и его результатов, несмотря на имеющуюся положительную не только следственную, но и судебную практику. В свете данной работы, учитывая, что формально служебно-розыскные собаки считаются разновидностью «специальных технических средств» [8, с. 80–81; 9, с. 166], следует признать, что и способ получения с их помощью информации должен быть признан формально техническим, хотя, конечно, он никак не связан с каким-либо техническим устройством.

В связи с этим полагаем, что по способу получения информации невозможно категорично отнести оперативно-розыскное мероприятие «отождествление личности» к одной из «изолированных» групп и целесообразно считать данное ОРМ мероприятием «смешанного типа».

Еще одним ОРМ, имеющим неопределенную или двойственную природу по способу получения информации, нам представляется «прослушивание телефонных переговоров». Казалось бы, само название данного ОРМ прямо указывает на его чувственный характер, однако, так ли это на самом деле?

Разумеется, данное ОРМ не предполагает банального восприятия на слух чьих-то переговоров по телефону, происходящих в непосредственной близости и физически допускающих возможность услышать содержание разговора. Это, конечно же, именно техническое прослушивание переговоров, ведущихся по линиям телефонной связи.

Ретроспективный анализ генезиса данного ОРМ свидетельствует, что на этапе зарождения и развития телефонной связи прослушивание могло осуществляться исключительно путем физического подсоединения к телефонной линии и непосредственного восприятия переговоров респондентов на слух через дополнительный динамик. Однако даже в этом случае прослушивание возможно исключительно посредством использования соответствующих технических устройств, обеспечивающих, во-первых, подключение к линии связи, во-вторых, преобразование электрического сигнала в звуковой, что все-таки указывает на технический, а не чувственный характер информации и способ ее получения.

Учитывая свойства современной телефонии способы трансформации звукового сигнала в иные (электрические, радио, оптические и пр.) формы и способы их передачи, возможности ко-

дирования и декодирования переговоров, их автоматической записи и последующего воспроизведения, следует признать и саму информацию, и способ ее получения именно техническими (допускающими и цифровые формы), а термин «прослушивание» — вынужденной данью традиции. Принимая во внимание имеющуюся у исполнителя возможность непосредственного прослушивания через динамик происходящих в настоящее время переговоров и «постфактум» прослушивания переговоров, записанных техническими средствами на какие-то носители, считаем данное мероприятие также смешанным по способу получения информации.

Оперативно-розыскным мероприятием, не имеющим единой формы получаемой информации и способа ее получения, мы считаем ОРМ «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений». В связи с очевидной необходимостью использования специальных технических средств в процессе проведения данного ОРМ ученые, занимавшиеся в разное время его проблематикой, относят его к категории специальных технических мероприятий [10, с. 36–41; 11, с. 105–109; 12, с. 144–148]. В то же время профессор Е. Н. Яковец справедливо отмечает, что специальные оперативно-технические средства используются именно для негласного и без видимых последствий вскрытия почтового отправления [13, с. 260–279]. Но при этом само ознакомление с содержимым почтового отправления может быть только чувственным (визуально, обонятельно, тактильно) либо коммуникативным (прочтение письменного (в том числе зашифрованного) послания). Данная особенность указывает на то, что, во-первых, получаемая в ходе ОРМ информация является не технической, во-вторых, способы ее получения могут быть смешанными — чувственными, коммуникативными, а учитывая вынужденное обязательное использование специальных технических средств, то и техническими (в части обеспечения доступа к информации).

Последним оперативно-розыскным мероприятием, представляющим сложность для классификации по способу получения информации, по нашему мнению, является «оперативное внедрение». Мы солидарны с учеными, исследовавшими ранее данное ОРМ и признающими его не когнитивный (познавательный), а вспомогательный характер [14, с. 213; 15, с. 71–76, 16, с. 39–43]. Другими словами, при достижении цели данного мероприятия приобретается не информация, а возможность ее получения в дальнейшем. Соответственно, говорить о характере самой информации и о способе ее получения невозможно ввиду отсутствия таковой. В связи с этим относить ОРМ «оперативное внедрение»

к какой-либо группе по способу получения информации представляется нереальным, так как получение информации, на наш взгляд, остается за его рамками.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что классификация оперативно-розыскных мероприятий по способу получения информации, наряду с теоретическим, имеет фундаментальное прикладное значение, поскольку она, преломляясь сквозь призму оперативно-розыскной практики, обуславливает выбор адекватных тактических приемов и технико-криминалистических средств фиксации данных в зависимости от канала восприятия и носителя информации, а также позволяет оперативному сотруднику не только корректно подобрать вид и режим работы специальной техники, но и обосновать релевантность применяемых методов природе формируемых следов.

С учетом этого считаем возможным разделить (классифицировать) все оперативно-розыскные мероприятия по способу получения информации на следующие группы (классы):

1) оперативно-розыскные мероприятия, при которых информацию получают чувственно: простые формы ОРМ «наблюдение», неинструментальные формы ОРМ «исследование предметов и документов», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент»;

2) оперативно-розыскные мероприятия, при которых информацию получают коммуникативно: простые формы ОРМ «опрос», «наведение справок»;

3) оперативно-розыскные мероприятия, при которых информацию получают технически: специальные технические мероприятия, являющиеся электронными разновидностями ОРМ «наблюдение»;

4) оперативно-розыскные мероприятия, при которых информацию получают цифровым способом: ОРМ «снятие информации с технических каналов связи», «получение компьютерной информации», ряд специальных оперативно-технических мероприятий, являющихся сетевыми или интернетными разновидностями таких традиционных ОРМ, как «опрос», «наблюдение», «оперативный эксперимент»;

5) оперативно-розыскные мероприятия, при которых информацию получают материально (в виде материального объекта, предмета, вещества): ОРМ «проверочная закупка» материального товара, «сбор образцов для сравнительного исследования»;

6) оперативно-розыскные мероприятия, при которых информацию получают условно-материально / псевдо-материально (в виде услуги): ОРМ «про-

верочная закупка» нематериального товара (услуги), ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования» в случае получения образца голоса;

«отождествление личности», «прослушивание телефонных переговоров», «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений»;

7) оперативно-розыскные мероприятия, при которых информацию получают смешанно: ОРМ

8) исключение составляет ОРМ «оперативное внедрение».

Список источников

1. *Советский энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М., 1983.
2. *Спиркин А. Г. Философия : учебник*. 2-е изд. М., 2006.
3. *Словарь иностранных слов*. 13-е изд., стереотип. М., 1986.
4. *Зинкин В. К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук*. Н. Новгород, 2006.
5. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий : монография*. М., 2021.
6. *Тамбовцев А. И. Теоретические проблемы применения служебно-розыскных собак в оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная деятельность в современных условиях : мат-лы межвед. науч.-практ. конф.* СПб., 2023.
7. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий : монография*. М., 2024.
8. *Хармаев Ю. В. Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие*. Улан-Удэ, 2015.
9. *Назаров С. В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие*. СПб., 2018.
10. *Чечетин А. Е. Некоторые проблемные вопросы правового регулирования контроля почтовых отправлений // Оперативник (сыщик)*. 2016. № 3(48).
11. *Стельмах В. Ю. К вопросу о понятии «оперативно-технические мероприятия» // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства : сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 2020.
12. *Курысев К. Н. Гласное и негласное проведение оперативно-розыскных мероприятий: анализ законодательства некоторых стран ближнего зарубежья // Вестник Владимирского юридического института*. 2023. № 4(69).
13. *Яковец Е. Н. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений как «интрузивное» оперативно-розыскное мероприятие // Эпомен*. 2021. № 60.
14. *Абдуллаева Н. Д. Оперативное внедрение в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук*. Иркутск, 2007.
15. *Алгазин И. И., Панюшин Д. Б. Оперативное внедрение: место в структуре оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2011. № 4(18).
16. *Шкабин Г. С. Понятие и уголовно-правовые признаки оперативного внедрения // Оперативник (сыщик)*. 2017. № 1(50).

УДК 343.13

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-136-140

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Международно-правовые стандарты при осуществлении уголовного судопроизводства в особых условиях

Дмитрий Михайлович Сафронов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса¹,

✉ dimsafronov@bk.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена вопросам международно-правового регулирования ограничений прав и свобод лица в особых условиях, связанных с введением специальных правовых режимов. Проведя анализ существующих нормативных положений, автор приходит к выводу о принципиальной возможности дополнительного ограничения прав и свобод человека в ходе уголовного судопроизводства в особых условиях и о существовании лишь определенного круга запретов, которые предоставляют широкое поле национальному законодателю для организации такого рода производства. Новизна предлагаемого материала состоит в обращении к первоисточникам — международно-правовым актам, что позволяет расширить теоретическую и нормативную основу для формирования уголовного судопроизводства в особых условиях в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, пределы ограничения уголовно-процессуальных прав, уголовно-процессуальные гарантии, национальная безопасность, особые условия

Для цитирования: Сафронов Д. М. Международно-правовые стандарты при осуществлении уголовного судопроизводства в особых условиях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 136–140.

International Legal Standards for Criminal Proceedings under Special Conditions

Dmitry M. Safronov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ dimsafronov@bk.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article is devoted to the issues of international legal regulation of restrictions on the rights and freedoms of a person in special conditions associated with the introduction of special legal regimes. Having analyzed the existing normative provisions, the author concludes that it is fundamentally possible to further restrict human rights and freedoms in criminal proceedings in special conditions and that there is only a certain range of prohibitions that provide a wide field for a national legislator to organize such proceedings. The novelty of the proposed material lies in the appeal to primary sources — international legal acts, which makes it possible to expand the theoretical and regulatory basis for the formation of criminal proceedings in special conditions in the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, limits of restrictions of criminal procedural rights, criminal procedural guarantees, national security, special conditions

Citation: Safronov D. M. International Legal Standards for Criminal Proceedings under Special Conditions. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 136–140 (In Russ.).

Деятельность государственных органов Российской Федерации может считаться успешно организованной только в том случае, когда осуществляющие ее органы готовы продолжить выполнять возложен-

ные на них обязанности как в условиях повседневной деятельности¹, так и находясь под воздействием обстоятельств социального, техногенного и природного характера. Это в полной мере касается органов,

¹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

осуществляющих уголовное судопроизводство, вынужденных функционировать непрерывно, в том числе в условиях введения военного положения², чрезвычайного положения³, контртеррористической операции⁴.

Такие специальные правовые режимы создают предпосылки для пересмотра уголовно-процессуальных процедур в целях обеспечения возможности их применения в изменившихся условиях. При таких обстоятельствах сложившиеся условия можно называть особыми [1, с. 12].

С учетом продолжающейся с 2022 г. уже более четырех лет специальной военной операции, возникновения иных чрезвычайных событий, в том числе террористической направленности, представляется целесообразным сформировать в российском законодательстве положения, которые могли бы позволить защищать и в рамках уголовного судопроизводства государственные интересы.

Следует заметить, что законодатель начал вводить в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) положения, регламентирующие уголовно-процессуальную деятельность в рамках лишь одного из режимов, именуемого в этом законе условиями военного времени. При этом принятые нормы касаются четырех групп вопросов: задержания (ст. ст. 5, 10, 94 УПК РФ), избрания мер пресечения до предъявления обвинения (ч. 2 ст. 100 УПК РФ), наблюдения командования воинской части (ч. 2¹ ст. 104 УПК РФ), приостановления производства по делу (п. 3¹ ст. 208 УПК РФ) и прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу либо заключением контракта, либо прохождением службы в военное время (ст. 28² УПК РФ).

Складывающаяся ситуация позволяет обратить внимание на следующие моменты. Принятые изменения не раскрывают особенностей уголовного судопроизводства, связанных с доказыванием в особых условиях. Формируемое регулирование не учитывает иные специальные правовые режимы, в рамках которых также корректируется порядок уголовного судопроизводства: режимы чрезвычайного положения и контртеррористической операции.

Не способствует положительной динамике и то, что до настоящего времени не сформированы теоретические представления о возможностях и пределах ограничения прав лиц в особых условиях. Перечис-

ленные обстоятельства в совокупности препятствуют формированию уголовного судопроизводства в особых условиях в своем единстве. В связи с этим проведем анализ существующего международного законодательства, в той или иной степени затрагивающего права и свободы лиц при осуществлении уголовного судопроизводства в особых условиях, что позволит обратить внимание на следующие его особенности.

Во-первых, с точки зрения международного сообщества права и свободы отдельного лица не являются неизбежными и в особых условиях могут быть дополнительно ограничены для защиты интересов общества и государства.

Так, во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (далее — Всеобщая декларация) государствами, ее подписавшими, было закреплено, что каждый человек имеет «обязанности перед обществом», и его права должны быть ограничены «с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (ст. 29). В Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт), было прямо установлено, что ограничение прав человека возможно «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой», предоставляя возможность такому государству «отступить от своих обязательств ... в такой степени, в какой это требуется остротой положения» (ст. 4 Пакта).

Несмотря на то что Российская Федерация более не обязана подчиняться решениям Европейского Союза и его органов власти, их нормативное регулирование исходит из тех же посылок.

Например, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной 4 ноября 1950 г., также закреплена возможность ограничения прав и свобод лица «в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц» (ч. 2 ст. 8; ч. 1 ст. 17). Ее действие прекратилось в России с 16 марта 2022 г.⁵

Принципиальную возможность ограничения прав человека в условиях, угрожающих нации, под-

² О военном положении : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

³ О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ.

⁴ О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

⁵ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ.

тверждал и Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) (п. 8.3 постановления ЕСПЧ от 21 июня 2016 г.)⁶.

25 февраля 2022 г. решением Комитета министров Совета Европы членство России в этом сообществе было приостановлено. В связи с этим 16 марта 2022 г. действие более 20 общеевропейских международных договоров на территории нашей страны было прекращено⁷.

Отметим, что в актах межгосударственного характера вопросы уголовного судопроизводства в особых условиях не затрагиваются, они носят более частный характер. Это следует из анализа Договора о коллективной безопасности⁸, в рамках которого принято решение о создании действенного универсального (многофункционального) инструмента данной системы — Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ [2, с. 28]; Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.⁹, Соглашения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств¹⁰ и т. д.

Таким образом, анализ международных правовых актов свидетельствует о принципиальной возможности дополнительного ограничения прав и свобод лица при угрозе безопасности общества и государства.

Во-вторых, обратим внимание на то, что исходя из анализа международных правовых актов, права и свободы одного лица не могут истолковываться как возможность оказания давления на группу иных лиц и общество в целом. Общественные интересы выступают ценностями более высокого порядка и им должны быть подчинены интересы отдельной личности.

В соответствии с Всеобщей декларацией: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» (ч. 1 ст. 29), «каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых

требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (ч. 2 ст. 29) [3, с. 10–13]. Согласно Пакту, каждый человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому принадлежит (абзац 5 ч. 1 Преамбулы к Пакту).

Таким образом, необходимость обеспечения общественного порядка и общего благосостояния выступает достаточным основанием для ограничения прав отдельного человека. Они связаны с такими подлежащими защите объектами, как «безопасность общества», «безопасность государства», «основы конституционного строя», т. е. объекты, составляющие в своей совокупности интересы национальной безопасности любого государства.

С учетом приведенных доводов имеются достаточные основания утверждать, что мировое сообщество отдает приоритет защите общественных интересов перед личными.

В-третьих, международное правовое регулирование прямо запрещает применение лишь двух действий, ограничивающих права лиц.

Первые состоят в применении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (ст. 5 Всеобщей декларации; ч. 2 ст. 4, ст. 7 Пакта). Такие действия могут выражаться в умышленном причинении боли или страданий, физических или нравственных, в целях передать сведения самим лицом либо иными лицами, либо наказать за действие, запугать или принудить к действиям либо удержанию от них по любой причине дискриминационного характера [4, с. 36–37], включая принуждение к даче показаний и необеспечение надлежащих условий содержания задержанного и арестованного [5, с. 6–11; 6, с. 22–26].

Вторые заключаются в применении смертной казни в странах, которые ее не отменили, на основании иного решения, чем окончательный приговор, вынесенный компетентным органом за совершение иных, чем самые тяжкие преступления (чч. 1, 2 ст. 6 Пакта).

В-четвертых, международное законодательство во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой, допускает возможность ограничения всех иных

⁶ Дело «Аль-Дулими и компания „Монтана Менеджмент Инк.“» (Al-Dulimi and Montana Management Inc.) против Швейцарии» (жалоба № 5809/08) // Прецеденты Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11.

⁷ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : проект Федерального закона № 279220-8.

⁸ О коллективной безопасности : договор вместе с Протоколом об исправлении текста договора о коллективной безопасности, подписанного в Ташкенте 15 мая 1992 года и Нотой МИД Республики Беларусь от 24 мая 1995 г. № 12/4913-н.

⁹ О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : конвенция (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.).

¹⁰ О порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств : соглашение (заключено в п. Бурабай (Республика Казахстан) 16 октября 2015 г.).

прав и свобод отдельной личности, за исключением двух оговоренных выше.

Анализ показывает, что, например, Пакт не запрещает ограничивать положения о презумпции невиновности (ч. 2 ст. 14 Пакта) [7, с. 45–48], принципе языка уголовного судопроизводства, праве на пользование бесплатной помощью переводчика (п. «f» ч. 3 ст. 14 Пакта), включая уведомление о предъявленном обвинении на языке, который лицо понимает (п. «a» ч. 3 ст. 14 Пакта); о правовой защите лица (п. «b» ч. 3 ст. 2 Пакта), включая необходимость предоставления ему достаточного времени и возможности для подготовки к защите и снесению с выбранным им самим защитником (п. «b» ч. 3 ст. 14 Пакта).

Серьезные отступления от общепринятых гарантий касаются уголовно-процессуальной деятельности, связанной с задержанием лица (его предварительным (полицейским) арестом) и заключением его под стражу.

Пакт допускает в особых условиях возможность устанавливать иные основания и порядок предварительного лишения свободы лица и ограничения права на личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 9 Пакта); не указывать причину ареста и не сообщать о предъявляемом обвинении (ч. 2 ст. 9 Пакта); не доставлять задержанного или арестованного по уголовному обвинению лица к судье или другому должностному лицу, которому предоставляется право осуществлять судебную власть (ч. 3 ст. 9 Пакта); отказаться от безотлагательной проверки законности его задержания (ч. 4 ст. 9 Пакта); не освобождать лицо, содержащееся под стражей и ожидающее судебного разбирательства, в связи с предоставлением гарантий явки (ч. 3 ст. 9 Пакта).

Кроме того допускается возможность ограничения права на неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции (ч. 1 ст. 17 Пакта).

Для преодоления чрезвычайного положения в государстве, угрожающего нации, может быть ограничено право изобличаемому лицу задавать вопросы показывающим против него свидетелям (п. «e» ч. 3 ст. 14 Пакта). При совершении преступлений, угрожающих общественной и государственной безопасности, также видится разумным и вовсе исключать предварительные досудебные встречи преследуемого лица с участниками уголовного судопроизводства, сохраняя в тайне как личность свидетельствующего, так и существо его показаний. Повышение степени защищенности таких лиц и их близких от осведомленных участников, имеющих противоположный интерес в деле, будет способствовать обеспечению их

безопасности и, в конечном итоге, позволит осуществить уголовное судопроизводство, защитив общество и государство.

В особых условиях международное законодательство допускает ограничение права лица на беспрепятственное следование своему мнению (п. «b» ч. 3 ст. 19 Пакта). Эта гарантия личной независимости одного лица против другого не должна ставить под угрозу независимость общества и государства. Поэтому убеждены, что каждое лицо обязано выполнить требование государства и помочь установить личность подозреваемого или обвиняемого¹¹. Полагаем, что складывающаяся ситуация обуславливает и право государства требовать от лица получения информации, когда защищаемый интерес шире, чем интерес отдельной личности.

Анализ положений Всеобщей конвенции и Пакта позволяет утверждать, что в особых условиях производство может осуществляться полностью либо частично без защитника, жизнь и здоровье которого сами могут находиться под угрозой, и в те сроки, которые органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, могут признать безопасными.

Положения международного законодательства допускают возможность на ограничение и ряда иных прав, в частности, быть судимым без неоправданной задержки (п. «с» ч. 3 ст. 14 Пакта); на разумный срок судебного разбирательства (ч. 3 ст. 9 Пакта); на рассмотрение любого уголовного обвинения, предъявленного ему компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ч. 1 ст. 14 Пакта); быть судимым в присутствии или через выбранного им самим защитника, иметь назначенного защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют (п. «d» ч. 3 ст. 14 Пакта) [8, с. 24–31]. Перечисленные права в особых условиях также могут быть ограничены.

Таким образом, отдельным государствам предоставляются очень широкие полномочия по формированию национального уголовно-процессуального законодательства в особых условиях.

Изученные и приведенные обстоятельства позволяют сделать следующие выводы.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации является законодательством исключительно мирного времени и содержит преимущественно стандартные правовые процедуры, не позволяющие эффективно действовать в особых условиях: условиях военного положения, чрезвычайного положения, контртеррористической операции. Такая ситуация обусловлена отсутствием уголовно-

¹¹ Об укреплении некоторых аспектов презумпции невиновности и права присутствовать на судебном процессе в уголовном производстве [рус., англ.] : директива № 2016/343 Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принята в г. Страсбурге 9 марта 2016 г.). Документ вступил в силу 31 марта 2016 г. Россия не участвует.

процессуальных норм, обеспечивающих возможность собирания доказательств в особых условиях и учитывающих их особенности.

Анализ норм международного права позволяет определить общие подходы к формированию национального уголовного судопроизводства в особых условиях. Прежде всего, оно обязано соблюсти два запрета: на применение пыток и обращения, унижающего честь и достоинство лица, и применение смертной

казни неуполномоченным органом в неустановленном порядке. Иные права и свободы лиц в особых условиях в интересах защиты общества и государства могут быть дополнительно ограничены.

Понимание перечисленных особенностей создает возможность для формирования правовой платформы в целях разработки уголовно-процессуального законодательства в особых условиях, соответствующего международным правовым стандартам.

Список источников

1. Сафронов Д. М. Особенности применения задержания в условиях военного положения // Российский следователь. 2024. № 8.
2. Андреев А. Ф. Правовое обеспечение деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности // Международное право и международные организации. 2018. № 4.
3. Эсендилов М. В. Роль международных правовых стандартов в обеспечении прав обвиняемого // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2.
4. Ервандян А. А. Уголовно-правовое регулирование защиты участников уголовного судопроизводства в нормах международного права // Международное публичное и частное право. 2013. № 4.
5. Вилкова Т. Ю. Принцип уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Адвокатская практика. 2015. № 5.
6. Вилкова Т. Ю., Россинский С. Б. Реализация права на уважение чести и достоинства личности при производстве освидетельствования в судебном следствии // Российский судья. 2015. № 3.
7. Демичев А. А. Презумпция невиновности как принцип российского уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1.
8. Головкин Л. Злоупотребление правом на защиту // Закон. 2015. № 7.

УДК 343.985.7

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-141-146

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Механизм спровоцированного дорожно-транспортного происшествия при исследовании опасности для движения и момента ее возникновения

Андрей Игоревич Сучков

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного следствия в органах внутренних дел¹,

✉ andr2892@mail.ru

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Орел, Россия)

Статья посвящена исследованию проблем правоприменения при расследовании спровоцированных дорожно-транспортных происшествий, квалифицируемых по ст. 264 Уголовного кодекса РФ. Анализируется неоднозначность толкования положений п. 10.1 Правил дорожного движения РФ, предписывающего водителю при возникновении опасности исключительно торможение. Рассматриваются ситуации, когда маневрирование (объезд препятствия-опасности) является единственным способом избежать аварии, однако влечет юридическую ответственность. Обосновывается необходимость формирования единого подхода к оценке действий водителя в состоянии крайней необходимости при исследовании механизма спровоцированного дорожно-транспортного происшествия в условиях опасности для движения и момент ее возникновения.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, опасность для движения, маневрирование, причинная связь, момент возникновения опасности

Для цитирования: Сучков А. И. Механизм спровоцированного дорожно-транспортного преступления при исследовании опасности для движения и момента ее возникновения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 141–146.

The Mechanism of Provoked Road Traffic Crime in the Study of the Danger to Traffic and the Moment of its Occurrence

Andrey I. Suchkov

Candidate of Science (in Law), senior lecturer at the chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Law Enforcement bodies¹,

✉ andr2892@mail.ru

¹ the Orel Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after V. V. Lukyanov (Orel, Russia)

The article is devoted to the study of law enforcement problems arising during the investigation of provoked road accidents qualified under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. Under consideration is the ambiguity of the interpretation of the provisions of paragraph 10.1 of the Road Traffic Rules of the Russian Federation, which prescribes the driver exclusively braking in case of a danger. Some situations are examined when maneuvering (avoiding obstacles-hazards) is the only way to avoid an accident, but entails legal liability. When studying the mechanism of a provoked traffic crime in conditions of danger to traffic and the moment of its occurrence the author argues it necessary to establish a unified approach to the assessment of a driver's actions in case of emergency.

Keywords: traffic crime, danger to life, maneuvering, causal relationship, moment of hazard arising

Citation: Suchkov A. I. The Mechanism of Provoked Road Traffic Crime in the Study of the Danger to Traffic and the Moment of its Occurrence. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 141–146 (In Russ.).

Обеспечение безопасности дорожного движения является приоритетной задачей государства [1, с. 98]. Однако аварии не всегда вызваны непосредственным столкновением автомобилей: нередко действия участников дорожного движения вынуждают водителей совершать маневры, приводящие к ущербу, ранениям и гибели людей. В таких случаях речь

идет о бесконтактных дорожно-транспортных происшествиях (далее — ДТП).

С точки зрения А. П. Онучина, этапы развития ДТП включают: исходную стадию (состояние транспортного средства, водителей, инфраструктуры); начальную стадию (возникновение опасности и реагирование); возникновение опасной ситуации (угроза

аварии); варианты развития обстановки; управляемую обстановку (возможность предотвратить последствия); неуправляемую обстановку (потерю контроля); финальную стадию (последствия) [2, с. 24].

Указанные этапы применимы и к спровоцированному ДТП (бесконтактному).

В такой ситуации одному автомобилю создается помеха, вынуждающая водителя реагировать с причинением вреда иным лицам. Типичный пример: «подрезание» при нарушении правил перестроения. Второй водитель, уходя от столкновения, экстренно тормозит или меняет траекторию, что может закончиться наездом, столкновением, съездом в кювет или опрокидыванием. Последствия определяются скоростью, интенсивностью движения, погодой и другими факторами.

Уголовные дела по фактам несоблюдения правил дорожного движения (далее — ПДД), повлекшего по неосторожности тяжкие телесные повреждения либо гибель потерпевшего, расследуются по правилам ст. 264 УК РФ. Объективную сторону данного состава формируют:

- а) нарушение правил дорожного движения (или эксплуатации транспортного средства (далее — ТС));
- б) последствия в виде тяжкого вреда здоровью либо смерти одного или нескольких лиц. Диспозиция указанной нормы является бланкетной, отсылая к другим нормативным актам.

М. А. Боева обоснованно указывает, что состав преступления по ст. 264 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) — материальный, поэтому ответственность по ней возможна только при одновременном наличии двух обстоятельств: общественно опасных последствий (вред жизни или здоровью) и доказанной причинной связи между действиями виновного и наступившим результатом [3, с. 171]. Более детально данный вопрос регламентирован постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 25¹. Так, пункт 5 указанного акта предписывает при выяснении причин аварии обязательно устанавливать не только сам факт нарушения, но и конкретные пункты ПДД (правил эксплуатации), которые были нарушены, а также характер причинной связи между этими нарушениями и наступившими последствиями. Кроме того, Пленум разъясняет, что при нарушении ПДД двумя и более участниками каждый из них подлежит ответственности по ст. 264 УК РФ при условии доказанности причинной связи его действий с последствиями. В связи с этим именно установление

причинно-следственной связи через анализ ПДД применительно к обстоятельствам ДТП обеспечивает принятие законного решения о привлечении к ответственности либо отказе в нем, исключая необоснованное обвинение.

Как справедливо отмечает П. М. Мурашев, правильное установление момента возникновения опасности для движения имеет определяющее значение при расследовании ДТП, поскольку именно с этого момента у водителя возникает безальтернативная обязанность по снижению скорости, вплоть до полной остановки транспортного средства [4, с. 196]. Главная особенность бесконтактных ДТП заключается в том, что предполагаемый виновник, управляя транспортным средством (либо пешеход, движущийся по дороге), не вступает в физический контакт с иными участниками, а лишь создает помеху, формирующую аварийную ситуацию, вследствие которой другой участник движения попадает в аварию.

К действиям, создающим аварийную обстановку, относят: занос, необоснованное экстренное торможение, внезапный поворот впереди идущего ТС, игнорирование ПДД (отсутствие сигнала, падение груза), превышение скорости, потерю управления, опасный выезд на встречную полосу, вынуждающий другого водителя к маневру с последующим столкновением, наездом или опрокидыванием. Водитель, пытаясь уйти от аварии, спровоцированной иным лицом, может врезаться в другое ТС, препятствие (здание, столб, ограждение, дерево) либо перевернуться. Такие события обусловлены инстинктом самосохранения — мгновенным анализом обстановки и попыткой избежать вреда. Полагаем, что инстинкт самосохранения участника дорожного движения является базовой реакцией, в результате которой происходит выбор меньшего вреда из возможных. Этот инстинкт позволяет участнику движения принимать решение в доли секунды на интуитивном уровне. Вместе с тем следует учитывать, что такие решения могут быть неадекватными и нецелесообразными, вследствие чего причиненный вред может оказаться большим, чем предотвращаемый.

Отметим, что главная проблема доказывания по данной категории дел заключается в установлении того факта, что именно маневры виновного лица явились причиной аварии, в которую попал потерпевший, пытаясь избежать столкновения². В отдельных случаях к ответственности привлека-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Бесконтактное ДТП: кто возместит ущерб? URL: <https://defence-line.ru/news/beskontaktnoe-dtp-kto-vozместit-ushcherb> (дата обращения: 19.01.2026).

ется сам потерпевший водитель, однако для этого требуется максимум объективных данных о происшествии (записи с камер видеонаблюдения, видеорегистраторов и т. п.), так как одних его показаний недостаточно. Не исключено, что потерпевший не справился с управлением и пытается оправдать свои действия ссылкой на маневр другого участника. Данное обстоятельство обусловлено тем, что механизмы возникновения и развития спровоцированных ДТП взаимосвязаны, имеют единую природу и фактически представляют собой звенья одной цепочки событий. Изучение указанного механизма предопределяет необходимость детального анализа следующих аспектов: обстоятельств, предшествовавших созданию аварийной ситуации; причин и условий ее возникновения; самой аварийной ситуации в контексте ДТП; действий всех участников движения; негативных последствий, а также следовой обстановки.

При исследовании механизма спровоцированного ДТП целесообразно придерживаться следующей формулы: «движение — аварийная ситуация (провокация) — реакция — аварийная ситуация — последствия». Главной причиной ДТП данного вида выступает взаимосвязь между провокацией, созданной одним участником, и реакцией на нее другого участника. Ключевым фактором предварительного следствия является установление того, насколько реакция иных участников на провокацию являлась легитимной и соответствующей складывающейся дорожной обстановке. Установление факта отсутствия либо наличия ложной, нецелесообразной реакции на провокацию невозможно без проведения расчетов в рамках комплексных автотехнических экспертиз. Разрешение данной проблемы достижимо лишь при наличии видеозаписи, фиксирующей весь механизм ДТП.

Анализ механизма спровоцированного ДТП, тесно связанного с бесконтактными происшествиями, сопряжен с неоднозначным толкованием п. 10.1 ПДД. Согласно данной норме водитель обязан вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, с учетом интенсивности движения, дорожных и метеорологических условий, а также видимости в направлении движения. При обнаружении опасности, которую водитель в состоянии заметить, он должен принять меры к снижению скорости вплоть до остановки³.

Аналогичные предписания содержались в п. 9.6 ПДД СССР⁴. Вместе с тем (п. 11.1)⁵ ПДД СССР 1986 г. допускал наряду с торможением применение безопасного объезда препятствия, что исключало двойное толкование, в отличие от действующей редакции. Особого внимания заслуживают ПДД СССР 1960 г. (п. 41)⁶, согласно которым скорость должна выбираться с учетом действий других водителей и поведения окружающих лиц таким образом, чтобы водитель мог замедлить движение или остановиться, применяя общепринятые приемы управления. Именно в данном положении, на наш взгляд, заложена ключевая составляющая механизма спровоцированного ДТП — необходимость учета поведения иных лиц.

В поздних редакциях ПДД требование учитывать действия иных лиц заменили термином «интенсивность движения», который мало пригоден для выяснения обстоятельств ДТП. Действующий п. 10.1 ПДД РФ фактически сводится к одному: при опасности водитель должен остановиться, иные варианты не допускаются. Отсюда ошибочные трактовки — не маневрировать, а экстренно тормозить. Содержание нормы не менялось, но ее толкование следствием и экспертами разнится. ПДД носят предписывающе-обязывающий характер и не допускают двойного толкования. Следовательно, маневрирование при опасности запрещено. Это закреплено в методических рекомендациях для экспертов. Однако существует и противоположная позиция: раз прямого запрета нет, то и требования нет. Причина — отсутствие единых централизованных методик у экспертов ЭКЦ МВД России и лабораторий Минюста России. Поэтому по одному делу при одинаковых обстоятельствах и вопросах можно получить разные заключения.

Как отмечают Л. Г. Бордюгов и И. В. Рубцова, проблема выработки унифицированного подхода к установлению момента возникновения опасности для движения в рамках производства судебной автотехнической экспертизы длительное время остается неразрешенной [5, с. 41]. В. В. Белов и В. А. Иванов полагают, что в ряде экспертных заключений встречается позиция, согласно которой определение момента возникновения опасности для движения относится исключительно к компетенции следственных органов. Данное утверждение авторы обоснованно считают дискуссионным и недостаточно аргумен-

³ О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090.

⁴ Правила дорожного движения : приказ Министерства внутренних дел СССР от 2 ноября 1979 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document//> (дата обращения: 11.01.2026).

⁵ Об утверждении Правил дорожного движения : приказ МВД СССР от 16 июля 1986 г. № 139.

⁶ Правила движения по улицам и дорогам Союза ССР : приказ МВД СССР от 11 января 1960 г. № 25.

тированным [6, с. 16]. Как указывают А. Н. Колычева и А. В. Булыжкин, установление причинно-следственной связи между допущенными водителем нарушениями ПДД РФ и наступившими последствиями относится к компетенции следователя и не может быть возложено на эксперта [7, с. 65]. Данные обстоятельства обуславливают необходимость выработки единого подхода к определению момента возникновения опасности и разграничению процессуальных ролей следователя и эксперта при расследовании спровоцированных ДТП.

Указанная проблема может быть рассмотрена в двух аспектах: с одной стороны, как отсутствие единых подходов к изучению обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, с другой стороны, как возможность для следователя получить результаты исследований, основанных на различных методиках, в рамках всестороннего подхода к расследованию.

Справедливо мнение П. А. Лосева о том, что в действующих ПДД отсутствует требование к водителю совершить объезд при обнаружении опасности для движения, в отличие от ПДД СССР [8, с. 193]. Пункт 11.1 последних предписывал: «при возникновении препятствия или опасности для движения... водитель должен принять меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства или безопасному объезду препятствия»⁷. Объезд — сложный маневр, который в экстренной ситуации может выполнить далеко не каждый водитель. Поэтому исключение данного требования из ПДД выглядит оправданным. Даже если действующая редакция ПДД не предписывает водителю объезжать препятствие при возникновении опасности, она не содержит и прямого запрета на такой маневр. Как показывает практика, объезд возможен только при условии одновременного применения торможения и при отсутствии угрозы другим участникам движения.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что в сложных ситуациях сотрудники правоохранительных органов нередко следуют упрощенному подходу: если между участниками отсутствует физический контакт (столкновение), то ответственность за последствия, наступившие в результате реакции одного из водителей на первоначальную ава-

рийную ситуацию, возлагается на водителя, создавшего вторую аварийную ситуацию. Именно п. 10.1 ПДД фактически позволяет привлечь такого водителя к ответственности по ст. 264 УК РФ. Изучение реакции водителя на аварийную ситуацию является основополагающим элементом методики расследования спровоцированного ДТП. Наличие необоснованной либо неадекватной реакции исключает квалификацию происшествия как спровоцированного ДТП. В таком случае обоюдная форма вины отсутствует, а возникшее ДТП должно рассматриваться как самостоятельное.

Пункт 10.1 ПДД оставался неизменным с 1993 г. по 2024 г. Единственная попытка корректировки предпринималась в рамках общественной инициативы № 77Ф12974⁸, предлагавшей изложить абзац следующим образом: «при возникновении опасности водитель обязан принять меры для избежания столкновения, включая торможение либо объезд препятствия, если остановка технически невозможна», однако инициатива не была принята из-за недостатка голосов. Из логики применения п. 10.1 следует его прецедентный характер: нарушение констатируется лишь при наступлении аварии. Отсутствие ДТП означает, что скорость считалась безопасной⁹. Следовательно, если водитель благодаря маневру избежал столкновения, то нарушение ему не вменяется. Если же маневр, предпринятый для предотвращения аварии, привел к столкновению, то он признается небезопасным, что квалифицируется как нарушение ПДД. Таким образом, реакция водителя на критическую ситуацию вступает в противоречие с п. 10.1, согласно которому маневр запрещен, а водитель обязан тормозить вплоть до остановки.

На основании разъяснений Пленума Верховного Суда РФ¹⁰ при возникновении обнаружимой опасности водитель должен снижать скорость вплоть до остановки. Ответственность по ст. 264 УК РФ наступает при наличии технической возможности избежать ДТП и причинной связи между действиями водителя и последствиями. Опасность признается возникшей с момента, когда водитель имел объективную возможность ее обнаружить.

В массовом сознании виновником ДТП всегда признается провокатор, не предоставивший преимущества¹¹. Однако реальная практика нередко

⁷ Об утверждении Правил дорожного движения : приказ МВД СССР от 16 июля 1986 г. № 139.

⁸ URL: <https://www.roi.ru/12974/> (дата обращения: 11.01.2026).

⁹ Пункт 10.1 ПДД РФ — наезд на препятствие: комментарии и ответственность. URL: <https://tonkostipdd.ru/pdd/10-1-skorost-i-opasnost/> (дата обращения 12.01.2026).

¹⁰ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25.

¹¹ Верховный Суд «простил» вынужденное ДТП на «встречке». Выясняем, чем это обернется для водителей. URL: <https://71.ru/text/auto/2021/09/13/70131293/> (дата обращения: 12.01.2026).

возлагает долю ответственности и на второго водителя (из-за требований п. 10.1 ПДД, предписывающего при опасности в первую очередь тормозить). Если торможение не позволяет избежать наезда, единственным способом предотвратить аварию становится маневр. Сложность в том, что когда такой маневр приводит к нарушению ПДД или материальному ущербу, ответственность ложится на того, кто его совершил. Это устоявшаяся правоприменительная позиция. Данный подход настолько прочно утвердился, что среди водителей и инспекторов появилось негласное правило: «тормози, а не выходит — бей виновника, объезжать бесполезно».

По нашему мнению, в понятии «провокация» заложены ключевые аспекты, раскрывающие этимологический смысл «спровоцированного дорожно-транспортного происшествия»: подстрекательство к иным действиям, побуждение к ним, а также агрессивные действия (табл. 1).

Таблица 1. Элементы механизма спровоцированного дорожно-транспортного преступления

Действия провокатора	— отказ уступить дорогу при перестроении автомобиля с приоритетом; — перестроение в плотном потоке при занятых полосах (кроме поворотов и разворота); — остановка или объезд препятствия; — несоблюдение дистанции и бокового интервала; — резкое торможение без необходимости; — препятствие обгону и аналогичные действия
Вынужденные (ответные) действия спровоцированного лица	— реакция, обусловленная инстинктом самосохранения, выражающаяся в маневрировании (объезд препятствия); — торможение, сопровождающееся маневрированием; — объезд препятствия без применения торможения

Полагаем, что первым шагом к формированию понятия «провокация» дорожно-транспортного происшествия является внесение постановлением Правительства РФ № 477¹² в ПДД нового понятия «опасное вождение»¹³ (табл. 2).

Несмотря на то что понятие «опасное вождение» имеет довольно широкое толкование, некоторые маневры не подпадают под это определение¹⁴ (табл. 3).

Таблица 2. Виды опасного вождения, включенные в Правила дорожного движения

Опасное вождение	— отказ уступить дорогу при смене полосы автомобилю, имеющему приоритет; — перестроение, создающее помеху другим участникам движения; — смена полосы в плотном потоке при полной загруженности всех полос (исключение: поворот налево, направо, разворот, остановка либо объезд препятствия); — несоблюдение безопасной дистанции до впереди идущего транспорта; — несоблюдение бокового интервала между транспортными средствами; — экстренное торможение без объективной необходимости (если оно не вызвано угрозой аварии); — воспрепятствование обгону
-------------------------	--

Таблица 3. Виды опасного вождения, не включенные в Правила дорожного движения

Опасное вождение (опасные маневры)	— смена полосы без использования сигналов поворота; — поворот из полосы, не предназначенной для этого (второй ряд); — хаотичное перемещение транспортного средства в границах занимаемой полосы («виляние»); — нарушение дистанции или бокового интервала до впереди либо рядом стоящего автомобиля; — превышение скоростного режима, резкое ускорение с места остановки; — управляемый занос при прохождении поворотов
---	--

Таким образом, отсутствие единого подхода к трактовке абзаца 2 п. 10.1 ПДД РФ негативно отражается на следственных действиях, экспертизах и итогах расследования ДТП. Причина — в ПДД не прописаны действия водителя с применением маневра при возникновении обнаруженной опасности. Речь идет только о снижении скорости вплоть до остановки. Вместе с тем отсутствие прямого запрета на маневр порождает его двойное толкование.

В судебно-следственной практике сложились две позиции. 1. Маневр технически оправдан, если торможение не позволяет избежать аварии либо маневр исключает ее возникновение. 2. Возможность предотвратить столкновение зависит не от технической возможности, а от соблюдения пп. 1.5, 9.1, 9.4, 9.10, 10.1 ПДД, поскольку при опасности водитель

¹² О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 г. № 477.

¹³ О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения» : постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090.

¹⁴ Опасное вождение в ПДД в вопросах и ответах. URL: <https://autotonkosti.ru/q/opasnoe-vozhdzenie-v-pdd-v-voprosah-i-otvetah> (дата обращения: 19.01.2026).

обязан тормозить, не прибегая к маневрам — они ПДД не предусмотрены.

Таким образом, спровоцированное дорожно-транспортное происшествие — это событие, возникшее в процессе дорожного движения, при котором физический контакт между транспортными средствами либо иными его участниками отсутствует, однако действия одного из участников (водителя или пешехода) создали аварийную (крити-

ческую) ситуацию, вынудившую другое лицо действовать в условиях крайней необходимости. Последующее маневрирование или торможение этого лица, предпринятое во избежание столкновения (реализация инстинкта самосохранения), приводит к наступлению общественно опасных последствий (гибель, травмирование людей, а также материальный ущерб), предусмотренных, в частности, ст. 264 УК РФ.

Список источников

1. Былинин И. А. Изменения в нормативно-правовых основах безопасности дорожного движения как фактор, влияющий на поведение участников дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106).
2. Онучин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов. Свердловск, 1987.
3. Боева М. А. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103).
4. Мурашев П. М. Методические аспекты определения момента возникновения опасности для движения при экспертном исследовании механизма дорожно-транспортного происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3.
5. Бордюгов Л. Г., Рубцова И. В. Определение момента возникновения опасности для движения при экспертном исследовании обстоятельств дорожно-транспортного происшествия // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. 2025. № 1(3).
6. Белов В. В., Иванов В. А. Оценка момента возникновения опасности для движения // Энциклопедия судебной экспертизы. 2019. № 3(22).
7. Колычева А. Н., Булыжкин А. В. Проблемы назначения и производства комплексных судебно-медицинских экспертиз при расследовании преступлений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1.
8. Лосев П. А. Особенности производства экспертных исследований «бесконтактных» ДТП // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1.

УДК 340

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-147-153

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

К вопросу о субъекте и объекте персонализированного права

Елена Равильевна Абызова

кандидат юридических наук, доцент, судья ¹,

✉ barnaul2525@mail.ee

¹ Арбитражный суд г. Москвы (Москва, Россия)

Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования теоретической и практической значимости вопросов, связанных с правовыми категориями субъекта и объекта права в свете их трансформации в условиях технологических преобразований. Целью настоящей работы является формирование устойчивого и единообразного правового понимания категорий субъекта и объекта права (и правоотношений) в контексте современной технологической реальности, обусловленной цифровизацией (персонализацией) права. Научная новизна заключается в исследовании категорий субъекта и объекта права в рамках цифровизации общественных отношений, возможности расширения их перечня, во взаимосвязи с персонализированным правовым регулированием. В статье анализируются содержание понятий субъекта и объекта права (и правоотношений) в условиях цифровизации (персонализации) права; предложения отдельных ученых о признании таковыми «электронных субъектов», роботов, а также вопросы правосубъектности, связанные с ними. На основе анализа дискуссии правоведов предложена авторская позиция относительно понимания категорий субъекта и объекта права, правосубъектности применительно к современным реалиям, а также возможности установления ответственности искусственного интеллекта за причинение вреда.

Ключевые слова: право, цифровые права, субъект права, объект права, субъект правоотношения, правосубъектность, персонализация, искусственный интеллект, «электронный субъект», робот, ответственность

Для цитирования: Абызова Е. Р. К вопросу о субъекте и объекте персонализированного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 147–153.

To the Question of the Subject and Object of Personalized Law

Elena R. Abyzova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, judge ¹,

✉ barnaul2525@mail.ee

¹ Moscow Arbitration court (Moscow, Russia)

The relevance of the topic is determined by the necessity of studying the theoretical and practical significance of issues related to the legal categories of the subject and object of law in the light of their transformation in the context of technological changes. The purpose of this work is to form a stable and uniform legal understanding of the categories of the subject and object of law (and legal relations) in the context of modern technological reality due to the digitalization (personalization) of law. The scientific novelty of the research is that it studies the categories of the subject and object of law within the digitalization of public relations, the possibility of expanding their list, in conjunction with personalized legal regulation. The article analyzes the content of the concepts of the subject and object of law (and legal relations) in the context of digitalization (personalization) of law; proposals by individual scientists to recognize as such "electronic subjects", robots, as well as legal personality issues related to them. Based on the analysis of the discussion of legal scholars, an author's position was proposed with regard to understanding the categories of the subject and object of law, legal personality in relation to modern realities, as well as the possibility of establishing the liability of artificial intelligence for causing harm.

Keywords: law, digital rights, subject of law, object of law, subject of legal relations, legal personality, personalization, artificial intelligence, "electronic subject", robot, liability

Citation: Abyzova E. R. To the Question of the Subject and Object of Personalized Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 147–153 (In Russ.).

В российской дореволюционной философии права категория «субъект права» подвергалась глубокому осмыслению. Н. Н. Алексеев считал, что субъект права не сводится к объективной юридической конструкции, но представляет собой личность, наделенную правосознанием [1]. Н. М. Коркунов, в свою очередь, рассматривал субъект права в качестве совокупности прав и обязанностей, составляющих принадлежность субъекта [2]. Современный российский ученый, философ и теоретик права И. Л. Честнов выделяет субъекта права в качестве центрального звена правовой системы, поскольку от его деятельности зависит реализация права и воплощение в жизнь правовых предписаний [3, с. 398].

В юридической литературе понятие «субъект» часто используется как синоним слова «человек», но это не совсем верно. Ганс Кельзен утверждает, что «субъект права» — это не просто существующий в природе человек, а искусственное понятие, созданное юристами для описания юридически значимых ситуаций. Поэтому отождествлять человека и субъекта права нельзя [4]. Выходит, что единого толкования субъекта права не существует, поскольку каждое государство самостоятельно определяет, кто может быть субъектом права, хотя в целом позиции сходны. Связано это с тем, что человек традиционно рассматривается как основное действующее лицо в праве, способное к юридически значимым действиям, т. е. к свободному и самостоятельному выбору в принятии решений, что отражено и в российской юридической науке.

Действенность данного принципа подтверждается высказыванием С. С. Алексеева о свободе воли человека как основе правосубъектности, представленной в гражданском праве в качестве двух основных видов: полной и неполной, понятие которой со временем может меняться [5]. В частности, с развитием искусственного интеллекта (далее — ИИ) его участие в различных процессах, по мнению ученого, станет реальностью, однако даже в этом случае правосубъектность или субъектность ИИ будет производной от человеческой.

В юридической науке существуют разные взгляды на понятия «субъект права» и «субъект правоотношения». Наиболее признанную точку зрения на соотношение данных понятий поддерживает В. В. Кожевников, принимающий в качестве субъекта права лицо, способное быть участником правоотношений, т. е. их потенциального участника; субъектом же правоотношений — только реального участника правовых отношений, т. е. конкретное лицо, которое не может быть одновременно участником всех правовых отношений [6, с. 158–162]. Следовательно, субъект правоотношения, будучи всегда конкретным, располагает персонализированными правами,

но ограниченными рамками его участия в конкретном правовом взаимодействии, в то время как понятие «субъект права», мыслящийся в качестве абстрактной категории, является более широким, чем «субъект правоотношения».

В настоящее время российское общество переживает масштабные изменения, сравнимые с революционными глобальными процессами, формирующими уникальные способы взаимодействия в правовой сфере, ранее не встречавшиеся в мире. По мнению П. Д. Константинова, в этих способах участвуют не только люди, но и электронные системы, виртуальные копии, кибернетические существа и другие «нечеловеческие» участники, что приводит к переосмыслению и изменению основ права, включая его принципы и отдельные области регулирования [7].

В связи с этим традиционные взгляды на то, кто является субъектом права и какова его роль в будущем цифровом обществе, подвергаются сомнению. Сегодня в российской юридической науке сохраняется значительное число приверженцев традиционного взгляда на понятие субъекта права, которые скептически оценивают возможность включения в правовое поле «нечеловеческих существ» [8, с. 71–85]. С самого начала существования права в нем четко разграничивались люди (субъекты) и предметы (объекты). Поскольку право создано людьми и для людей, отечественная юридическая наука в качестве главного участника правовых отношений (субъекта права) рассматривает только человека. Иными словами, человек признается центром правовой системы, а все остальное — лишь вещи.

Уникальность положения человека в обществе и праве отмечается В. Б. Исаковым, так как именно он (человек) может быть существом, обладающим сознанием, желаниями, собственными интересами и целями, а также социальным статусом, позволяющим нести ответственность за свои действия. Поэтому всевозможные интеллектуальные роботы, созданные с помощью технологий, по его мнению, это лишь усовершенствованные машины, инструменты, помогающие человеку и облегчающие его работу. От человека такого робота отличает отсутствие сознания, свободы выбора, собственных целей и интересов, что является необходимым условием для признания «социальным субъектом» [9, с. 105].

В последнее время все больше российских экспертов поднимают вопрос о возможности наделения интеллектуальных систем статусом субъектов права на определенном этапе развития общества. Некоторые из них вообще утверждают неизбежность происходящего, учитывая стремительное развитие технологий. Выражается это, по мнению авторов коллективной монографии, в появлении новых циф-

ровых прав, новых субъектов, обладающих этими правами, и в пересмотре фундаментальных юридических понятий, таких как «субъект права» и «правоспособность» [10, с. 96]. Ряд ученых, среди которых М. В. Залоило, отмечает появление новых субъектов или «квазисубъектов» права в условиях цифровизации, которая уже стимулирует использование искусственного интеллекта в различных сферах [11, с. 12]. Несмотря на пестроту высказанных суждений, на наш взгляд, важно понимать главное, что в настоящее время субъектом права остается только человек, использующий компьютер или другое устройство для выполнения определенных действий. Таким образом, ответ на вопрос, каким образом предполагается регулировать правовой статус автономных, самообучающихся систем ИИ (например, умных роботов), пока остается открытым.

Интересные соображения относительно искусственного интеллекта высказали Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор, назвав его ключевой фигурой в технологическом и экономическом развитии, претендующем на значимую роль в правовой сфере. Предлагая изучать ИИ через призму права, она предсказывает следующие перспективы его развития: во-первых, ИИ может рассматриваться как объект правового воздействия; во-вторых, он может выступать в роли инструмента правового регулирования в сфере управления и контроля; в-третьих, что, возможно, станет откровением для многих юристов, ИИ может быть признан субъектом права, т. е. стороной, обладающей собственными правами и несущей определенные обязанности. При этом она опасается, что в результате цифровой революции право может претерпеть негативные изменения, утратив гуманистические основы и упростившись, в частности, за счет включения в число субъектов права новых, нечеловеческих «сущностей» [12, с. 94–98].

Появление термина «электронное лицо» положило начало дискуссии о возможном новом субъекте права. Например, П. П. Баранов рассматривает «электронное лицо» как ИИ, обладающий подобием человеческого интеллекта, способный принимать как запрограммированные, так и самостоятельные решения. Он считает, что «электронное лицо» должно быть признано субъектом права с наделением его определенными правами и обязанностями [13, с. 39–45]. В некоторых странах уже разрабатываются законопроекты, направленные на наделение роботов юридическими правами, даже рассматривается возможность использования искусственного интеллекта в качестве судьи, выносящего решения по делам. Известны примеры использования роботов-судей в уголовных делах в Китае и гражданских делах в Латвии. Исследования и эксперименты в этой области ведутся в США и других странах [14, с. 143].

Полагаем, что с юридической точки зрения такие шаги не имеют смысла, а попытки приравнять роботов к людям, включив их в правовую систему, разрабатываемую для людей, нелогичны и приведут к хаотизации правовой среды. Искусственный интеллект сегодня может быть полезен в правоприменении только в качестве технического помощника. Судейская же деятельность, требующая оценки и принятия решений по конкретным делам, должна оставаться только прерогативой человека-судьи.

Вместе с тем современная постклассическая юриспруденция уже переосмысливает понятие субъекта права, уделяя особое внимание новым участникам правоотношений, таким как цифровые или виртуальные личности, добавляя к ним новых субъектов — роботов, которых также рассматривают как цифровых личностей, требующих правового регулирования. В связи с отмеченным возникла постановка вопроса о наделении ИИ правосубъектностью, подразумевающей его включение в систему ценностей, ориентированную на человека, где он изначально занимает подчиненное положение. Традиционное представление о субъекте права как о человеке устаревает, правосубъектность объявляется уже не естественным свойством, а искусственно созданной категорией, применимость которой не ограничивается людьми. В настоящее время, по мнению С. В. Никитенко, понятие «субъект права» стало результатом человеческого конструирования, что не мешает распространить его и на ИИ [15, с. 164–169].

Об изменении юридического статуса частных лиц и организаций в части их общего, специфического и индивидуального положения в праве пишет А. А. Трофимов. В частности, участники гражданского оборота, с его точки зрения, теперь могут реализовывать свои права и выполнять обязанности через цифровые инструменты [16]. В связи с чем А. А. Карцхия, развивая эту мысль, утверждает, что субъектами цифровых прав могут быть как компании, так и отдельные граждане, идентифицирующиеся в цифровой среде с помощью различных компьютерных кодов, личных идентификаторов (ID), никнеймов и других средств. Под этими цифровыми «именами» они участвуют в гражданских правоотношениях. Далее ученый выделяет особые категории субъектов цифровых прав, к которым он относит операторов интернет-сервисов, посредников в передаче информации, хостинг-провайдеров и владельцев онлайн-платформ, предлагающих информацию о товарах и услугах. Наконец, обладателями цифровых прав предлагается считать тех, кто имеет эксклюзивный доступ к цифровому коду, позволяющему распоряжаться этим правом. Это может быть как номинальный владелец цифрового права, так и индивидуальный предприниматель,

владеющий программным обеспечением, сайтом или страницей в интернете [17, с. 31–34].

В Белоруссии сейчас активно рассматривают вопросы, связанные с изменением статуса личности в цифровом мире; введением новых цифровых прав; определением статуса искусственного интеллекта; включением роботов в правовые отношения; изучением рисков, касающихся цифровой среды; предотвращением монополизации информационных ресурсов крупными компаниями [18]. Наблюдается это и в российской юридической практике, что обусловлено проникновением в нее цифровых технологий. При этом в условиях повсеместной цифровизации приоритет в юридической деятельности смещается с нормотворчества на правоприменение, которое приобретает характер «реального времени».

Влияние цифровизации на субъект правоприменения, по мнению Д. А. Пашенцева, возможно посредством включения в данный процесс трех основных аспектов: технического (совершенствование инструментария правоприменения); антропологического (воздействие цифровой среды на человека-правоприменителя) и футурологического (потенциальное возникновение нечеловеческих субъектов правоприменения, например, роботов) [19, с. 154–157]. Однако признание искусственного интеллекта в качестве правового субъекта поставит вопрос о его основных и неотъемлемых правах, среди которых окажутся права на непринудительное отключение, на создание своей копии и других, что на сегодня не определено ни одним регулятором.

В настоящее время обсуждаются идеи о создании особой категории «правовых сущностей», таких, которые не являются ни субъектами, ни объектами права, а представляют собой промежуточные состояния, не обладающие правосубъектностью в традиционном понимании. Эти сущности не наделяются субъективными правами и юридическими обязанностями, не несут юридической ответственности и предназначены исключительно для вспомогательных (служебных) функций (квазисубъектов). При обсуждении этой законодательной инициативы были высказаны предложения о признании в будущем роботов-агентов «квазисубъектами» права при наличии у них реальных предпосылок для интеллекта, т. е. сознания и воли в юридическом смысле [20, с. 15–30]. Насколько жизнеспособны окажутся эти новые «правовые субстанции» в праве, покажет время, но в данный момент важно отстоять и сохранить человеческую сущность правового субъекта.

Современная российская правовая система вынуждена адаптироваться к появлению новых форм общественных отношений, ранее не подпадавших под правовое регулирование. Эти отношения разворачиваются в виртуальном пространстве и характеризуются участием анонимных цифровых субъектов. Для их адекватного регулирования, по мнению П. Хлебникова, необходима модернизация существующих юридических процедур, в частности, касающихся идентификации личности как правового субъекта [21]. Для определения личности сторон в гражданско-правовых отношениях в онлайн-среде применяется процедура идентификации, включающая получение данных о пользователях, участвующих в гражданских процессах в цифровом формате [22, с. 286]. Проверка же соответствия заявленных идентификационных данных реальной личности заключается в процедуре аутентификации.

В информатике идентификационный номер представлен уникальной цифровой последовательностью, служащей именем для объекта системы, в данном случае — человека. В условиях тотального контроля, считает В. В. Сорокин, человек трансформируется в объект управления, уподобляясь товару, и получает новое, цифровое имя. Эта замена традиционного имени на цифровой идентификатор или личный код скрывает истинный духовный аспект. Код в данном случае становится его «вечным» цифровым именем в системе «нового мирового порядка», функционируя как ключ к его персональному досье, позволяющий определить субъекта в правовых отношениях и отделить его от других [23, с. 40].

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2022 г. № 572 идентификационные данные физических лиц включают в себя множество самых разнообразных сведений, среди которых называют: фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, адрес регистрации, дату смерти, биометрические параметры, номера СНИЛС, ИНН, ОГРНИП (для индивидуальных предпринимателей), номер записи в Едином федеральном информационном регистре¹ о населении, а также графические идентификаторы¹. Особое значение имеет биометрическая идентификация, которая проводится через Единую биометрическую систему (ЕБС) с использованием биометрических персональных данных. Сегодня активно обсуждается концепция «цифрового профиля» творческого человека, который будет идентифицироваться с помощью специального кодового устройства, однако создание универсального идентификатора для всех

¹ Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

участников правовых отношений, как частных, так и публичных, еще не завершено.

Развитие представлений о правовом статусе граждан в сфере гражданского права связано с появлением новых объектов имущественных прав. Эти объекты, возникшие благодаря цифровым технологиям, открывают новые возможности для развития права и поднимают важные вопросы об их правовом статусе. В гражданский и коммерческий оборот в цифровой среде вовлечены два типа объектов: традиционные (вещи, имущество) и виртуальные, существующие только в цифровом пространстве. Для последних А. А. Трофимов предлагает использовать термин «имущественные права на объекты, существующие в цифровой среде» [16]. Юридической инновацией в виде цифрового аналога документа, похожего на ценные бумаги, подтверждающего права на имущество, А. А. Карцхия называет цифровыми правами. Вместе с тем при их определении он задается непростыми вопросами, касающимися: применения существующих законов к цифровым отношениям, адаптации законодательства к цифровому миру, а также разработке специальных правил для цифровых активов, учитывая быстрое развитие цифровых услуг и потребности цифровой экономики [17, с. 31–34].

Нынешние цифровые права, по мнению М. А. Рожковой, представляют собой электронные данные, т. е. цифровую информацию, выраженную в виде кода, которая подтверждает и уточняет права на конкретные объекты гражданского права в цифровой среде². К наиболее выраженным особенностям цифровых прав граждан как объектам гражданского права Д. В. Сафонов относит: а) свободу регулирования цифровых прав с возможностью их реализации в сети Интернет; б) всеохватывающий характер цифровых прав, функционирующих в информационной среде; в) законодательство, адаптированное к цифровой среде; г) развитие цифрового права как отдельной области российского права, привлекающего внимание к изучению и анализу этой новой сферы³.

Цифровые права, рассматриваемые как объекты гражданских прав, представляют собой сложную систему, которая, по мнению исследователя, упрощает взаимодействие между гражданами, способствуя их интеграции, реализации и развитию.

Согласно действующему законодательству цифровые права представляют собой цифровые объек-

ты, зарегистрированные в цифровых системах (цифровых платформах), основная функция которых — подтверждение имущественных прав на традиционные объекты, а не самостоятельное участие в гражданском обороте [24, с. 57–60]. Действующая ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) определяет следующие ключевые характеристики цифровых прав: имущественный характер (разновидность имущества); нематериальность (отсутствие у объектов физической формы); цифровое управление (с использованием цифрового кода); неплатежное средство (запрет в качестве средства платежа или расчетов); возможная анонимность (обеспечение конфиденциальности). Закон о цифровых финансовых активах определяет цифровые финансовые активы и цифровую валюту как разновидности цифровых прав (ст. 1)⁴. Однако цифровая валюта не включена в перечень объектов гражданских прав, указанных в ст. 128 ГК РФ, где к ним относятся только цифровые права как вид имущества.

Законодательство России и большинства стран мира пока что «не готово» к цифровой эпохе, особенно в вопросах регламентации ответственности за причиненный вред современными техническими устройствами. Так, Е. В. Михайлова указывает на отсутствие ясности в вопросе ответственности, например, за ущерб, причиненный беспилотным автомобилем (автопилотом), робототехникой из-за сбоя в работе или ошибки, владельцем цифровых платформ за распространение противоправной информации [25, с. 83–86]. З. И. Хисамова считает, что за ущерб, нанесенный искусственным интеллектом, должен отвечать либо его разработчик, либо законный пользователь. Если же доступ к системе ИИ был получен незаконно, то ответственность понесет взломавший ее человек [26, с. 567–568]. Для того чтобы ИИ мог нести юридическую ответственность, с точки зрения А. В. Скоробогатова и А. В. Краснова, он должен обладать физической, юридической и цифровой идентичностью. Для признания ИИ полноценным участником правовых отношений необходимо разработать четкий правовой регламент (порядок), устанавливающий для него статус субъекта права [27]. Справедливым считаем их утверждение, что развитие интеллектуальных продуктов, все чаще выступающих то в качестве объектов, то субъектов гражданских прав, потребует более активной работы над законодательством.

Законодателями была инициирована разработка поправок к ГК РФ, предусматривающих

² Рожкова М. А. Цифровые права (digitalrights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rightscto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni (дата обращения: 17.09.2025).

³ Сафонов Д. В. Понятие и особенности цифровых прав как объекта гражданского права. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/130-134_41.pdf (дата обращения: 18.09.2025).

⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ.

введение главы, регламентирующей статус роботов-агентов в контексте гражданского оборота. Предполагалось, что такие субъекты смогут обладать обособленным имуществом, нести ответственность по своим обязательствам, приобретать и осуществлять гражданские права, а также нести гражданские обязанности от своего имени, включая участие в гражданском судопроизводстве. Рассматривался вопрос и о наделении роботов-агентов статусом субъектов гражданского права. В случае их участия в гражданских правоотношениях предполагалось применять аналогию с нормами, регулирующими деятельность юридических лиц, или, в определенных ситуациях (например, при совершении сделок с роботом или причинении им вреда), нормы, относящиеся к имуществу, с возложением ответственности на владельца. Однако, учитывая отсутствие единообразного мнения и подходов среди ученых, законодателей и правоприменителей, закрепление предложенных инициатив в законе преждевременно.

Таким образом, современное российское общество, находящееся в стадии глубоких трансформаций, обнаруживает в себе беспрецедентные формы правового взаимодействия. В этих новых моделях, помимо людей, активно участвуют цифровые системы, виртуальные сущности и кибернетические организмы, что требует фундаментального пересмотра основ правового регулирования. Традиционно право, созданное человеком и для человека, строго разделяло субъектов (людей) и объекты (предметы), ставя человека в центр правовой сис-

темы. В силу этого искусственный интеллект, на наш взгляд, не может быть признан субъектом права из-за отсутствия у него сознания, воли, чувства вины, социального статуса, собственных интересов и способности нести ответственность. Отсутствие самосознания и самоидентификации также препятствует наделению ИИ даже ограниченным юридическим статусом или гражданской правоспособностью, что исключает его участие в правовых отношениях. В связи с этим его можно рассматривать лишь в качестве технического помощника в правоприменительной деятельности.

Эволюция представлений о правовом положении граждан в гражданском праве обусловлена появлением новых видов имущественных прав, ставших возможными благодаря цифровым технологиям. В настоящее время в цифровой среде в гражданском обороте участвуют два типа объектов: привычные (материальные активы, собственность) и виртуальные, существующие исключительно в цифровом пространстве. Последние можно рассматривать как «права на активы, существующие в цифровой среде». Между тем цифровые права, будучи объектами гражданских прав, упрощают взаимодействие между людьми, подтверждая права на традиционные активы, не участвуя при этом самостоятельно в гражданском обороте. Тем не менее считаем, что развитие интеллектуальных продуктов, которые все чаще выступают то как объекты, то как субъекты гражданских прав, потребует более активной работы над совершенствованием действующего законодательства.

Список источников

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 2020.
3. Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. СПб., 2012.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб., 2015.
5. Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
6. Кожевников В. В. О некоторых проблемах классификации правоотношений и их субъектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 2(34).
7. Константинов П. Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование на примере России и Франции) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022.
8. Березина Е. А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 7.
9. Исаков В. Б. Правовой статус роботов, наделенных искусственным интеллектом: объекты или субъекты? // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития // мат-лы всерос. науч. конф., посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского / под общ. ред. В. В. Строева, Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. М., 2021.
10. Подшивалов Т. П., Титова Е. В., Громова Е. В. Право цифровой среды : монография. М., 2024.
11. Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве : науч.-практ. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. М., 2021.

12. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1(253).
13. *Баранов П. П.* Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1.
14. *Закаева П. Р., Новикова К. С.* Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование судебной власти: зарубежный опыт и российские реалии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. М., 2019.
15. *Никитенко С. В.* Трансформация субъекта права в связи с развитием искусственного интеллекта // Научно-практические исследования. 2020. № 5-2(28).
16. *Трофимов А. А.* Способы индивидуализации субъектов частного права в цифровой среде : дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2023.
17. *Карцхия А. А.* Актуальные аспекты законодательства о цифровых правах. М., 2021.
18. *Павлова Л. В.* Цифровизация как перспектива и вызов правовому развитию // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 6. Казань, 2023.
19. *Пашенцев Д. А.* Влияние цифровизации на субъект правоприменения // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : сб. мат-лов междунар. науч. конф. памяти профессора Ф. М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. В. В. Строева, Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. М., 2021.
20. *Гаджиев Г. А.* Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1.
21. *Хлебников П.* Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9.
22. *Зайцев О. А., Пастухов П. С.* Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 2.
23. *Трансформация права в цифровую эпоху : монография / А. А. Васильев, Д. Шпонер, С. Янаки [и др.] ; под ред. А. А. Васильева.* Барнаул, 2020.
24. *Лоренц Д. В.* Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты // Российская юстиция. 2020. № 2.
25. *Михайлова Е. В.* Цифровизация права в контексте его сущности и применения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 7.
26. *Хисамова З. И.* Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4.
27. *Скоробогатов А. В., Краснов А. В.* Искусственный интеллект в философско-правовом контексте // Цифровые технологии и право : сб. науч. трудов I междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 3. Казань, 2022.

УДК 340.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-154-160

5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки

Прокурорский надзор как фактор эффективности правоприменительной политики современного российского государства в условиях внедрения единых мер поддержки участников специальной военной операции: опыт Омской области

Евгений Сергеевич Бельтюков

заместитель прокурора Омской области,¹ ✉ evgeniybeltyukov1981@gmail.com

Дмитрий Анатольевич Мурин

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства², ✉ nauka_murin@bk.ru

¹ Прокуратура Омской области (Омск, Россия)

² Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье исследуется роль прокурорского надзора как ключевого фактора повышения эффективности правоприменительной политики современного российского государства в контексте внедрения единых базовых мер поддержки участников специальной военной операции. Авторы рассматривают механизмы преодоления региональной дифференциации правового регулирования и дискриминационных критериев (привязка к месту регистрации, заключения контракта и др.). Эмпирическую базу исследования составляет практика прокуратуры Омской области: выявленные нарушения, акты прокурорского реагирования, судебные решения, а также реализация права законодательной инициативы. Формулируются ключевые цели и задачи правоприменительной политики современного российского государства. Обосновывается вывод о формировании особой модели правоприменения, сочетающей оперативное реагирование с системной правотворческой функцией, выражающейся в устранении системных пробелов регионального законодательства и приведении его в соответствие с федеральным стандартом. Авторы приходят к выводу, что эффективность правоприменительной политики в социальной сфере напрямую зависит от активности и принципиальности прокурорского надзора, способного не только восстанавливать нарушенные права в судебном порядке, но и участвовать в правотворчестве, обеспечивая тем самым единство правового пространства и равный доступ граждан к гарантированным мерам поддержки.

Ключевые слова: правоприменительная политика, прокуратура, специальная военная операция, социальная поддержка, правовая унификация, надзорные мероприятия, региональное законодательство

Для цитирования: Бельтюков Е. С., Мурин Д. А. Прокурорский надзор как фактор эффективности правоприменительной политики современного российского государства в условиях внедрения единых мер поддержки участников специальной военной операции: опыт Омской области // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 154–160.

Prosecutor's Supervision as a Factor in the Effectiveness of the Law Enforcement Policy of the Modern Russian State in the Context of the Introduction of Uniform Measures to Support Participants of the Special Military Operation: the Experience of the Omsk Region

Evgeny S. Bel'tyukov

Assistant-Prosecutor of the Omsk region¹, ✉ evgeniybeltyukov1981@gmail.com

Dmitry A. Murin

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Law and State Theory and History¹, ✉ nauka_murin@bk.ru

¹ Prosecutor's Office of the Omsk region (Omsk, Russia)

² the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article explores the role of prosecutor's supervision as a key factor in increasing the effectiveness of the law enforcement policy of the modern Russian state in the context of the introduction of uniform basic measures to support participants of the special

military operation. The authors consider mechanisms for overcoming regional differentiation of legal regulation and discriminatory criteria (binding to the place of registration, signing a contract, etc.). The empirical basis of the study is the practice of the prosecutor's office of the Omsk region: identified violations, acts of prosecutor's response, court decisions, as well as the implementation of the right of legislative initiative. The key goals and objectives of the law enforcement policy of the modern Russian state are formulated. The argued conclusion concerns the formation of a special model of law enforcement, combining operational response with a system law-making function, expressed in eliminating system gaps in regional legislation and bringing it in line with the federal standard. The authors draw the conclusion that the effectiveness of law enforcement policy in the social sphere directly depends on the activity and integrity of prosecutor's supervision, which can not only restore infringed rights in court, but also participate in lawmaking, thereby ensuring the unity of the legal space and equal access of citizens to guaranteed support measures.

Keywords: law enforcement policy, prosecutor's office, special military operation, social maintenance, legal unification, supervisory measures, regional legislation

Citation: Bel'tyukov E. S., Murin D. A. Prosecutor's Supervision as a Factor in the Effectiveness of the Law Enforcement Policy of the Modern Russian State in the Context of the Introduction of Uniform Measures to Support Participants of the Special Military Operation: the Experience of the Omsk Region. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 154–160 (In Russ.).

Правоприменительная политика современного государства не является статичной системой. Она динамично реагирует на геополитические изменения, экономические санкции и внутренние социальные риски. Ярким подтверждением такой динамики стал Указ Президента РФ от 15 мая 2026 г. № 327 «О единых базовых мерах поддержки лиц, принимающих (принимавших) участие в специальной военной операции, и других категорий лиц в субъектах Российской Федерации» (далее — Указ Президента РФ № 327, Указ), который впервые на федеральном уровне установил обязательный для регионов минимальный стандарт социальной защиты участников специальной военной операции (далее — СВО, спецоперация) и членов их семей, преодолев дифференциацию региональных подходов¹.

Как справедливо отмечается в современной юридической науке, правоприменительная политика представляет собой деятельность уполномоченных субъектов (в первую очередь, органов прокуратуры, суда, исполнительной власти) по реализации правовых предписаний, направленную на достижение социально значимых результатов [1, с. 5–14]. Данная дефиниция, предложенная А. В. Малько и В. А. Рудковским, акцентирует внимание на научно обоснованном, последовательном и системном характере государственно-властной деятельности в правовой сфере.

В свою очередь, правоприменительную политику следует рассматривать как особую форму реализации политики права, наряду с правотворческой, доктринальной и воспитательно-обучающей [2, с. 79–86]. Ее центральным признаком является наличие целеполагания, причем защита прав и свобод

человека должна рассматриваться не как отдельное направление, а как общая цель, поскольку не существует таких органов или функций правоприменения, которые не имели бы отношения к защите прав человека [3, с. 18–21].

Однако обострение отношений с недружественными государствами, нарастающее давление на экономику, а также эскалация террористических угроз предъявляют новые требования к этой деятельности. Кризисные явления, свойственные современному государству и праву, имеющие как внутреннюю, так и внешнюю природу, непосредственно относятся к российской правовой системе и требуют адекватной трансформации механизмов правоприменения [4, с. 103]. Как показывает практика, работа органов прокуратуры в таких условиях преимущественно направлена не просто на формальную законность, а на поддержание социально-экономической стабильности, защиту прав граждан и создание необходимых условий для выполнения стратегических государственных задач.

Масштабность принимаемых мер поддержки постоянно требует активного надзорного сопровождения процессов их предоставления и немедленного реагирования в отношении должностных лиц органов власти, неэффективно исполняющих свои полномочия. Так, только в Омской области прокурорами с момента начала специальной военной операции (далее — СВО, спецоперация) выявлено более 1700 нарушений закона, принесены более 1200 актов прокурорского реагирования, восстановлены права 500 участников и членов их семей на получение различных мер поддержки и социальных гарантий в объеме 40 млн рублей².

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Результаты деятельности прокуратуры Омской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_55/activity/statistics/office/result (дата обращения: 27.01.2026).

Результатом принятых мер прокурорского реагирования также стало расширение количества и перечня получателей государственной помощи. Данный пример работы прокуратуры Омской области нашел отражение в Тематическом обзоре Верховного Суда РФ³. В частности, было установлено, что «предоставление нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации дополнительных мер поддержки членам семей участников специальной военной операции лишь при наличии места регистрации или жительства на территории данного субъекта Российской Федерации участника специальной военной операции противоречит актам, имеющим большую юридическую силу, и не отвечает целям и задачам государственной политики, направленной на социальную поддержку участников специальной военной операции и членов их семей.

Указом Губернатора Омской области от 3 августа 2023 г. № 181 «Об установлении дополнительных мер поддержки и помощи для участников специальной военной операции и членов их семей на территории Омской области» (далее — Указ № 181) участникам СВО, принимающим в ней участие и непосредственно находящимся в зоне ее проведения, и (или) членам их семей установлены дополнительные меры поддержки.

В соответствии с п. 4 Указа № 181 к категории участников специальной военной операции в том числе относятся: граждане, зарегистрированные по месту жительства на территории Омской области, призванные военными комиссариатами муниципальных образований иных субъектов Российской Федерации на военную службу по мобилизации (подп. 2); граждане, заключившие контракт с Министерством обороны РФ о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации не ранее 24 февраля 2022 г., имеющие место жительства на территории Омской области, убывшие в зону проведения специальной военной операции через пункт отбора на военную службу по контракту иного субъекта Российской Федерации (подп. 4); граждане, имеющие статус военнослужащих в соответствии с Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Закон № 76-ФЗ), зарегистрированные по месту жительства на территории Омской области, находящиеся в зоне проведения специальной военной операции и не относящиеся к иным категориям граждан, предусмотренным настоящим пунктом (подп. 18).

Решением Омского областного суда от 7 октября 2025 г. удовлетворены требования прокурора

к Губернатору Омской области о признании не действующими подп. 2, 4, 18 п. 4 Указа № 181 в той мере, в которой они препятствуют реализации права на дополнительные меры поддержки и помощи проживающим на территории Омской области членам семей граждан, принимающих участие в СВО, не зарегистрированных на территории Омской области и не имеющих места жительства на территории Омской области.

Признавая оспариваемые положения в указанной части не действующими, суд исходил из того, что право на региональные меры поддержки и помощи предусмотрено для членов семей участников СВО при наличии у последних регистрации или места жительства на территории Омской области. Реализация же прав членов семей участников СВО в зависимости от наличия регистрации и места жительства в регионе самого участника СВО не согласуется с гарантиями правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей, закрепленными в ст. 3 Закона № 76-ФЗ, а также положениями ст. 1 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», обеспечивающими право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации.

Предусмотренные в Указе № 181 дополнительные меры поддержки, в том числе освобождение от платы, взимаемой с родителей (законных представителей) за присмотр и уход за детьми участников СВО, обучающимися в государственных образовательных организациях Омской области и муниципальных образовательных организациях по образовательным программам дошкольного образования; предоставление бесплатного горячего питания детям участников СВО, обучающимся в 5–11 классах в государственных образовательных организациях Омской области и муниципальных образовательных организациях, предполагают проживание членов семей участника СВО на территории Омской области и исключают получение таких мер поддержки в ином регионе.

При таких обстоятельствах непредоставление Указом № 181 членам семей участников СВО права на дополнительные меры поддержки в связи с отсутствием места регистрации (проживания) самого участника специальной военной операции в субъекте Российской Федерации не отвечает целям и задачам государственной политики, направленной на дополнительную поддержку участников СВО и членов их семей.

³ Тематический обзор Верховного Суда РФ № 1/2026. Обзор практики рассмотрения судами административных дел об оспаривании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, которыми установлены дополнительные меры социальной поддержки участникам специальной военной операции и членам их семей (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 11 февраля 2026 г. № 2А/2026).

В результате исполнения судебного решения по иску прокуратуры Омской области в марте текущего года внесены изменения в Указ Губернатора Омской области, согласно которым члены семей участников СВО, не зарегистрированных в регионе, теперь получают основные социальные льготы, предусмотренные в Омской области. Благодаря этой работе, более 400 семей смогли реализовать свои права на получение различных денежных выплат.

Важность задач, стоящих перед органами прокуратуры и государством в целом, требует вмешательства и на этапе принятия или изменения регионального законодательства. Безусловно, прокурорам приходится считаться с объемом бюджетного финансирования. По инициативе прокуратуры Омской области в текущем году почти на 900 млн в регионе увеличен объем финансовых средств на компенсации родственникам погибших военнослужащих. Вместе с тем по причине отсутствия сбалансированности регионального бюджета Правительством Омской области принято решение о сокращении размера данной меры поддержки с 1 млн до 500 тыс. рублей. В принятых изменениях прокуратурой Омской области при проведении правовой ревизии подготовленного нормативно-правового акта установлены необоснованные различия в отношении граждан, заключивших контракт до внесения изменений, родственники которых в случае их гибели не смогли бы получить компенсацию в прежнем размере. Благодаря принципиальной позиции прокуратуры Омской области по данному вопросу, нормативный акт изменен и действует в новой редакции только для граждан, заключивших контракт после его принятия.

С начала специальной военной операции участники СВО и члены их семей столкнулись с проблемами, обусловленными многообразием правовых конструкций, используемых в региональных законах о мерах поддержки, а также с отсутствием единообразия в их применении. Устанавливались различные критерии определения круга получателей государственной помощи: в зависимости от места жительства или пребывания, от дислокации пунктов отбора, в которых заключались контракты, и от места дислокации воинских частей. В связи с этим Президентом РФ дано поручение выработать общие подходы к унификации региональной нормативной базы⁴. В дальнейшем данное поручение получило свое нормативное отражение в Указе Президента РФ № 327, который установил единые базовые меры поддержки, обязательные к предоставлению во всех субъектах Российской Федерации, и прямо запретил

дискриминационные критерии, связанные с местом регистрации или заключения контракта (п. 4а Указа). После вступления в силу Указа Президента РФ № 327 деятельность прокуратуры по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральными стандартами приобрела системный характер.

Органами прокуратуры активно используется право законодательной инициативы. В текущем году Законодательным Собранием Омской области принят законопроект, разработанный прокуратурой Омской области, которым право на получение ежемесячного материального обеспечения наравне с военнослужащими предоставлено добровольцам, ставшим инвалидами в ходе участия в СВО, а также членам семей в случае их гибели.

Так, законом Омской области от 4 июля 2008 г. № 1061-ОЗ «Кодекс Омской области о социальной защите отдельных категорий граждан» (далее — Кодекс) предусмотрена мера социальной поддержки участникам боевых действий, ставшим инвалидами вследствие ранения, полученного при исполнении обязанностей военной службы, в виде ежемесячного материального обеспечения, а также членам семей погибших (умерших) и пропавших без вести участников боевых действий.

Вместе с тем в действовавшей ранее редакции возможность получения ежемесячного материального обеспечения лицами, заключившими контракт с добровольческими формированиями, содействующими выполнению задач СВО, и членами их семей вопреки требованиям ст. 2 Закона № 76-ФЗ отсутствовала.

В связи с этим прокуратура области выступила разработчиком законопроекта о внесении изменений в Кодекс путем расширения перечня получателей вышеуказанной меры поддержки в соответствии с федеральным законодательством о ветеранах боевых действий, который в марте 2026 г. рассмотрен Законодательным Собранием Омской области. В Кодекс внесены соответствующие изменения, право на получение ежемесячного материального обеспечения предоставлено добровольцам, а также членам семей в случае их гибели (смерти). При этом Указ Президента РФ № 327 закрепил данную категорию (добровольцев) в подп. «а» п. 1, окончательно устранив правовую неопределенность и обязав все регионы предоставлять им равные с военнослужащими меры поддержки.

Адресность помощи семьям военнослужащих, на что ориентирует Глава государства, также является одним из векторов работы прокуроров, вместе

⁴ Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78991> (дата обращения: 29.12.2025).

с тем не всегда конструкция нормативной правовой базы позволяет реализовать гарантированные льготы данной категории граждан. Так, матери погибшего в ходе выполнения боевых задач СВО военнослужащего и его несовершеннолетнему ребенку многофункциональным центром (далее — МФЦ) отказано в предоставлении региональной единовременной выплаты в размере 1 млн рублей по причине отсутствия у него регистрации по месту жительства на территории Омской области на день гибели. В целях защиты прав членов семьи погибшего участника СВО прокуратурой области в суд предъявлено исковое заявление об установлении факта его проживания в Омской области, а также возложении на МФЦ обязанности предоставить указанным лицам выплату в размере 1 млн рублей в равных долях. Исковое заявление судом удовлетворено в полном объеме⁵. Кроме того, в результате проверки прокуратурой Омской области установлено, что военнослужащий одной из войсковых частей, входящей в состав Омского гарнизона, направлялся в служебные командировки в зону проведения спецоперации, однако не был обеспечен региональной выплатой в размере 100 тыс. рублей из-за того, что войсковая часть не была включена в соответствующий указ Губернатора Омской области при его разработке. В связи с этим прокуратурой Омской области в суд предъявлено исковое заявление в интересах указанного военнослужащего о признании за ним права на данную меру социальной поддержки и возложении на МФЦ обязанности произвести единовременную денежную выплату. Суд, рассмотрев дело, принял решение в полном соответствии с заявленными прокурором требованиями в пользу военнослужащего⁶.

Органами прокуратуры выявляются и системные просчеты в деятельности органов власти. Так, очередной проверкой прокуратуры Омской области установлен ряд военнослужащих, заключивших контракты через пункт отбора, которые более 6 месяцев не могли получить единовременные денежные выплаты. Причиной этому стало длительное непредставление пунктом отбора списков граждан, заключивших контракты на военную службу, в МФЦ для начисления денежных средств. При этом региональным законодательством предельный срок исполнения данной обя-

занности не был установлен. Эта ситуация также потребовала прокурорского вмешательства: внесено представление региональному министру труда и социального развития. В результате в соответствующий указ Губернатора Омской области были внесены изменения, установлен 10-дневный срок для направления пунктом отбора списков в МФЦ.

Безусловно, результаты прокурорского надзора значительны, а наработанный исковой опыт позволяет выявить пробелы в нормативном регулировании и в дальнейшем инициировать его совершенствование. Вместе с тем права отдельных граждан (вернее, их родственников), которые вследствие гибели самих военнослужащих не успели получить гарантированную меру поддержки, нередко приходится защищать в суде.

Необходимо также отметить, что механизм защиты прав участников СВО и их семей, как и сама нормативная база, находятся на стадии формирования. Соответственно, правоприменители сталкиваются с определенными проблемами в их реализации. Так, распоряжением Президента РФ регионам рекомендовано принять законодательные акты, устанавливающие в соответствии с подп. 7 ст. 39.5 Земельного кодекса РФ случаи предоставления в собственность бесплатно военнослужащим и их семьям земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности⁷.

Проведенный анализ практики прокурорского надзора показал, что для реализации данного права участников СВО региональные власти предлагают гражданам компенсацию, несоразмерную стоимости земли, либо необоснованно ограничивают эту меру поддержки условием возврата военнослужащих из зоны боевых действий. На территории Омской области внесены соответствующие изменения в Закон Омской области о регулировании земельных отношений, однако фактически предоставление участков из земель населенных пунктов (в том числе для индивидуального жилищного строительства) в настоящее время не осуществляется, а возможно только из земель сельскохозяйственного назначения. В связи с этим прокуратурой области подготовлен проект закона о внесении соответствующих изменений, направленных на предоставление указанной категории граждан земельных участков в собственность бес-

⁵ URL: https://sovetsky--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=326354387&case_uid=bcc780be-f834-43c6-a4bf-23de43436cd5&delo_id=1540005 (дата обращения: 03.01.2026).

⁶ URL: https://sovetsky--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=326354387&case_uid=bcc780be-f834-43c6-a4bf-23de43436cd5&delo_id=1570008 (дата обращения: 03.01.2026).

⁷ О дополнительных мерах социальной поддержки военнослужащих, лиц, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации), лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членов их семей : распоряжение Президента РФ от 6 июня 2023 г. № 174-рп.

платно, в том числе из земель населенных пунктов, находящихся в региональной или муниципальной собственности. Законопроект в настоящее время находится на рассмотрении в Законодательном Собрании Омской области.

Кроме того, для обеспечения стандартизации и унификации комплекса региональных мер поддержки (на что ориентирует Глава государства) прокуратурой Омской области разработаны и направлены на рассмотрение в Законодательное Собрание еще два законопроекта, принятие которых дополнительно позволит защитить участников СВО и членов их семей: предоставление ежемесячного материального обеспечения добровольцам и членам их семей в случае гибели, а также установление единовременной выплаты участникам СВО, получившим ранения в ходе боевых действий.

Принятие Указа Президента РФ № 327 существенно изменило конфигурацию правоприменительной политики в исследуемой сфере. Во-первых, был установлен минимальный федеральный стандарт социальной поддержки, от которого регионы отступать не вправе (п. 3 Указа). Во-вторых, Указ ввел принцип экстерриториальности: меры поддержки предоставляются независимо от места жительства участника СВО и места заключения контракта (п. 4а), что полностью коррелирует с правовой позицией, выработанной Омским областным судом и Генпрокуратурой России. В-третьих, Указ закрепил бессрочный характер мер для инвалидов боевых действий и членов семей погибших, тем самым переведя их из категории «временных» в категорию «постоянных государственных гарантий». Наконец, пп. 4г и 4д Указа обязывают регионы проводить информационные кампании совместно с некоммерческими организациями и содействовать общественным и иным организациям названных в настоящем Указе, что создает дополнительный канал общественного контроля за реализацией правоприменительной политики.

В заключение необходимо отметить, что в качестве ключевых целей правоприменительной политики, которые детерминируют всю систему правоприменительных действий, можно выделить следующие:

1. Обеспечение социально-экономической стабильности как основы суверенитета. Данная цель связана с тем, что в условиях внешнего давления правоприменение становится инструментом антикризисного управления. Прокурорский надзор нацелен на предотвращение социальных конфликтов, вызванных неисполнением государственных обязательств перед гражданами. Как справедливо отмечается в литературе, эффективный прокурорский надзор в социальной сфере служит не только защите

прав отдельных категорий граждан, но и укреплению легитимности государственной власти в целом [5, с. 146].

2. Приоритетная защита прав участников СВО и членов их семей. Эта цель носит ярко выраженный персональный характер. Государство принимает на себя повышенные обязательства. Правоприменительная политика здесь трансформируется в политику социальной компенсации и заботы.

3. Создание правового фундамента для достижения целей СВО. Речь идет не только о тактической поддержке, но и о формировании долгосрочной правовой среды, в которой военнослужащий уверен в защищенности своей семьи и имущества.

Задачами правоприменительной политики являются следующие.

1. Активное надзорное сопровождение реализации мер поддержки. Масштабность мер поддержки требует немедленного прокурорского реагирования на «сбои» в работе чиновников. Исследователи отмечают, что приоритетным направлением прокурорского надзора в данной сфере выступает контроль за выплатой социальных пособий, целевым использованием бюджетных средств, а также жилищными и образовательными гарантиями [6, с. 94–99].

2. Обеспечение единства правового пространства и равенства прав. Как отмечается в литературе, принципами правового регулирования государственной социальной политики выступают нуждаемость, адресность и всеобщность социальной поддержки [7, с. 82–86].

3. Балансирование бюджетных возможностей и справедливости. Здесь главная задача правоприменителя — не отменять непопулярные бюджетные решения, но смягчать их социальные последствия и не допускать произвольных различий.

4. Унификация нормативной базы. Многообразие правовых конструкций порождает правовую неопределенность. Исследователи отмечают, что установление единообразных подходов к социальной поддержке военнослужащих и членов их семей является одной из ключевых задач правовой политики в отношении социально незащищенных групп населения [8, с. 8–12]. Указ Президента РФ № 327 задал единую систему мер поддержки, что позволило прокуратуре перейти от борьбы с отдельными нарушениями к системному надзору за соответствием регионального законодательства федеральному уровню.

5. Судебная защита как механизм точечного восстановления нарушенных прав. Несмотря на системную работу, неизбежны индивидуальные пробы, и представленные примеры из правоприме-

нительной практики Омской области наглядно иллюстрируют необходимость судебной защиты как механизма восстановления нарушенных прав. Как отмечается в литературе, центральным признаком правоприменительной деятельности является наличие целеполагания, причем защита прав и свобод человека должна рассматриваться не как отдельное направление, а как общая цель [3, с. 17–21]. Именно эта генеральная цель реализуется прокуратурой в судебных процессах в интересах конкретных граждан.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить системную проблему: механизм защиты прав участников СВО и членов их семей находится на стадии своего становления. Данная проблема проявляется, прежде всего, в несогласованности между федеральными гарантиями и региональными механизмами их реализации.

Современная правоприменительная политика в Российской Федерации, особенно в деятельности прокуратуры, характеризуется переходом от реак-

тивной (реагирование на нарушение) к проактивной (предупреждение нарушений через совершенствование законодательства) модели. Ключевые цели — стабильность, защита и обеспечение условий для выполнения стратегических задач — достигаются через решение конкретных задач: надзорное сопровождение, устранение региональных необоснованных различий, судебная защита и правотворческая инициатива.

Правоприменительная практика Омской области доказывает, что эффективная правоприменительная политика в современном государстве немыслима без активной, принципиальной и социально ориентированной позиции органов прокуратуры. В свою очередь, принятие Указа № 327 предоставило прокуратуре унифицированный правовой инструментарий, позволяющий требовать от регионов не дискреционных, а строго определенных базовых мер поддержки, что значительно повышает эффективность надзорной деятельности.

Список источников

1. Малько А. В., Рудковский В. А. Правоприменительная политика: понятие, содержание, назначение // *Правоприменение*. 2017. Т. 1. № 3.
2. Трофимов В. В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2018. № 3.
3. Редько А. А., Яловенко Т. В. Правозащитная политика и правоприменительная деятельность в Российской Федерации : учебник для вузов. М., 2026.
4. Дорская А. А., Косовская В. А., Алексеева Н. И. Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления : коллективная монография. СПб., 2021.
5. Кикоть А. В. Прокурорский надзор : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Кикотя, О. В. Химичевой. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
6. Потапова Л. В., Дехтяренко Т. П. Защита прав участников специальной военной операции как приоритетное направление деятельности прокуратуры // *Научный вестник Крыма*. 2026. № 2(61).
7. Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность / под ред. В. С. Назарова. М., 2017.
8. Антипова А. А. Социальная поддержка военнослужащих и членов их семей в регионах России // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2024. Т. 15, № 4.

УДК 340:342:343

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-161-168

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Реализация конституционных идей в оперативно-розыскном законодательстве: состояние и перспективы

Виктор Федорович Луговик

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел¹, ✉ vlug@yandex.ru

Марина Александровна Бучакова

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры конституционного и международного права¹,

✉ mb290163@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена анализу степени реализации конституционных принципов и гарантий прав человека в законодательстве, регулирующем оперативно-розыскную деятельность в Российской Федерации. Отмечается, что в силу своей природы оперативно-розыскная деятельность сопряжена с ограничением ряда ключевых конституционных прав, что делает вопрос о соответствии ее правового регулирования конституционным идеям особенно актуальным. Систематизирован комплекс основополагающих конституционных идей, формирующих каркас для оперативно-розыскной деятельности: приоритет прав и свобод, равенство перед законом, неприкосновенность частной жизни и жилища, информационные свободы, гарантии судебной защиты, презумпция невиновности и конституционные критерии допустимости ограничений. Проведен анализ их отражения в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и смежном законодательстве. В перспективной части статьи предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства, включая дополнение оперативно-розыскного законодательства нормами, прямо закрепляющими принцип соразмерности, уточняющими порядок работы с информацией о частной жизни, формулирующими право на сотрудничество и расширяющими гарантии для граждан, оказывающих содействие.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конституционные права и свободы, конституционализация законодательства, неприкосновенность частной жизни, принцип соразмерности, судебный контроль, ограничение прав, право на информацию, совершенствование оперативно-розыскного законодательства

Для цитирования: Луговик В. Ф., Бучакова М. А. Реализация конституционных идей в оперативно-розыскном законодательстве: состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 161–168.

Implementation of Constitutional Ideas in Operational Detection Legislation: State and Prospects

Viktor F. Lugovik

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor,
Professor at the chair of Operational Crime Detection in Law Enforcement Bodies¹, ✉ vlug@yandex.ru

Marina A. Buchakova

Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, chief of the chair of
Constitutional and International Law¹,

✉ mb290163@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article examines the degree of implementation of constitutional principles and guarantees of human rights in the legislation regulating operational detective activities in the Russian Federation. It is noted that, due to its nature, operational detective activities are associated with the restriction of a number of key constitutional rights, which makes the issue of compliance of its legal regulation with constitutional ideas especially relevant. A set of fundamental constitutional ideas has been systematized that

form the framework for operational detective activities: the priority of rights and freedoms, equality under the law, inviolability of private life and home, information freedoms, guarantees of judicial protection, the presumption of innocence and constitutional criteria for the admissibility of restrictions. An analysis of their reflection in the Federal Law "On Operational Detective Activities" and related legislation was carried out. The perspective part of the article proposes specific measures to improve legislation, including supplementing operational detective legislation with norms that directly enshrine the principle of proportionality, clarify the procedure for working with information about private life, formulate the right to cooperation and expand guarantees for citizens who provide assistance.

Keywords: operational detective activities, constitutional rights and freedoms, constitutionalization of legislation, inviolability of private life, principle of proportionality, judicial control, restriction of rights, right to information, improvement of operational detection legislation

Citation: Lugovik V. F., Buchakova M. A. Implementation of Constitutional Ideas in Operational Detection Legislation: State and Prospects. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 161–168 (In Russ.).

Оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) по своей природе связана с ограничением ряда конституционных прав человека и гражданина, например, права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, неприкосновенность жилища, свободу и др. [1, с. 106]. Поэтому ключевой вопрос современной науки — насколько последовательно в оперативно-розыском законодательстве реализованы конституционные идеи и каковы перспективы дальнейшего их закрепления?

Конституция РФ фиксирует приоритет прав и свобод человека, признавая права и свободы высшей ценностью (ст. 2), а также закрепляет, что права и свободы действуют непосредственно и определяют смысл и содержание правоприменительной деятельности органов власти (ст. 18). Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) называет Конституцию РФ правовой основой ОРД. Конституционализация ОРД является свершившимся фактом. Конституционный Суд РФ, рассмотрев около 400 соответствующих обращений, подтвердил конституционность Закона об ОРД.

К числу основополагающих конституционных идей, непосредственно определяющих принципы и пределы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, относятся следующие.

1. Приоритет прав и свобод человека и гражданина (ст. ст. 2, 17, 18 Конституции РФ). Данный принцип, провозглашающий человека высшей ценностью, является системообразующим для всей ОРД. Он означает, что права и свободы: носят естественный и неотчуждаемый характер, принадлежат каждому от рождения; обладают непосредственным действием; выступают главным критерием для оценки содержания любых законов, включая регламентирующие ОРД; определяют смысл, содержание и применение законов, а также деятельность всех государственных органов, в том числе осущест-

вляющих оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ).

2. Равенство всех перед законом и судом, недопустимость дискриминации (ст. 19 Конституции РФ). В контексте ОРД это требует обеспечения единого подхода в правоприменительной практике, независимо от социальных, личных или иных обстоятельств, исключая произвольный выбор объектов оперативного интереса по дискриминационным признакам.

3. Неприкосновенность частной жизни (ст. ст. 23, 24 Конституции РФ). Это комплексный принцип, включающий: право на личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени; тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Его реализация в ОРД предполагает, что сбор, хранение и использование сведений о частной жизни лица без его добровольного согласия запрещены. Любые исключения из этого правила (например, проведение оперативно-технических мероприятий) должны быть строго регламентированы федеральным законом и, как правило, санкционированы судебным решением.

4. Неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ). Данная гарантия является ключевым ограничителем для ОРМ, связанных с проникновением в помещения. Любое такое проникновение против воли проживающих лиц допустимо исключительно на основании судебного решения, за исключением особо оговоренных законом случаев, не терпящих отлагательства (например, для спасения жизни или пресечения тяжкого преступления).

5. Информационные свободы (ст. 29 Конституции РФ). Свобода мысли, слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом создают основу для легитимности информационно-аналитической составляющей ОРД. Одновременно они устанавливают барьер для

произвольного ограничения доступа граждан к информации и требуют от органов, осуществляющих ОРД, законных оснований для вмешательства в эти сферы.

6. Гарантии судебной защиты и право восстановления (ст. ст. 45, 46, 53 Конституции РФ). Эти положения обеспечивают механизм контроля за ОРД и защиту прав граждан, которых она затрагивает. Они гарантируют: право каждого на судебную защиту своих прав и свобод; возможность обжаловать в суд любые действия (бездействие) государственных органов, включая оперативно-розыскные; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов власти и их должностных лиц, в том числе в ходе ОРД.

7. Презумпция невиновности и право не свидетельствовать против себя (ст. ст. 49, 51 Конституции РФ). Эти принципы имеют критическое значение для ОРД, предшествующей уголовному преследованию. Они означают: лицо, в отношении которого проводятся ОРМ, не обязано доказывать свою невиновность; никто не может быть принужден к даче объяснений или показаний против себя самого, своего супруга и близких родственников; любые полученные с нарушением этих принципов сведения не должны использоваться для обвинения.

8. Конституционные критерии допустимости ограничения прав (ст. 55 Конституции РФ). Данная норма служит универсальным «фильтром» для всех исключений и изъятий в сфере прав личности, применяемых в ОРД. Согласно ей ограничения прав возможны лишь при одновременном соблюдении трех условий: основание — только федеральным законом (а не подзаконным актом); цель — защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства; соразмерность — ограничения должны быть необходимы и строго соразмерны заявленной конституционно значимой цели.

Этот комплекс идей формирует конституционный каркас, внутри которого должна осуществляться ОРД, обеспечивая баланс между эффективностью борьбы с преступностью и неизбежностью прав личности. Собственно, вокруг этого строится и современное оперативно-розыскное законодательство.

А теперь с указанием конкретных норм представим свой взгляд на реализацию базовых конституционных идей в действующем оперативно-розыском законодательстве.

В статье 3 Закона об ОРД закреплены принципы ОРД, в число которых включен конститу-

ционный принцип законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также принцип конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. В статье 4 указано, что правовую основу ОРД составляют Конституция РФ, Закон об ОРД, другие федеральные законы и соответствующие им нормативные правовые акты федеральных органов власти. Таким образом, уже на уровне общих положений закон прямо апеллирует к конституционным идеям верховенства Конституции РФ, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также конституционной законности.

В ряде статей Закона об ОРД нашли отражение конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, тайны переписки и жилища (ст. ст. 23, 25 Конституции РФ). Так, ст. 5 Закона об ОРД прямо указывает, что при проведении ОРМ органы, осуществляющие ОРД, обязаны обеспечивать соблюдение прав человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции, а лицо, считающее свои права нарушенными, вправе обжаловать действия оперативно-розыскных органов в вышестоящий орган, прокурору или в суд. В статьях 7–9 Закона об ОРД конкретизируются основания, условия проведения ОРМ и порядок судебного рассмотрения материалов, связанных с ограничением конституционных прав граждан (получение информации о соединениях, контроль почтовых отправлений, прослушивание переговоров, обследование жилища и др.). Дополнительно детализация конституционных стандартов закреплена в подзаконных нормативных правовых актах, регламентирующих порядок проведения отдельных ОРМ.

Конституционные идеи участия граждан в защите своих прав (ст. ст. 2, 45, 29 Конституции РФ) законодательно реализуются прежде всего в главе IV Закона об ОРД. Так, статья 17 данного закона гласит, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий, в том числе на конфиденциальной основе и по контракту. Статья 18 гарантирует лицам, содействующим оперативно-розыскным органам, правовую защиту и специальные меры безопасности. Но закон устанавливает и запрет на использование конфиденциального содействия по контракту для некоторых категорий (депутаты, судьи, прокуроры, адвокаты, священнослужители).

Система гарантий для конфиденентов дополняется другими федеральными законами, например, Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного

судопроизводства»¹, который позволяет распространять меры безопасности и на некоторых лиц, оказывающих содействие в осуществлении ОРД.

Оперативно-розыскное законодательство допускает определенную открытость деятельности и право на получение информации. Статья 5 Закона об ОРД гласит, что отдельные лица (например, виновность которых в совершении преступления не доказана), располагающие фактами проведения в отношении них оперативно-розыскных мероприятий, вправе истребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о них информации. В случае отказа в предоставлении сведений или предоставления их не в полном объеме они вправе обжаловать это в судебном порядке. Связь ОРД с правом на информацию прослеживается и через Федеральный закон «О полиции»² (далее — Закон о полиции), который устанавливает принципы открытости и публичности, взаимодействия и сотрудничества полиции с гражданами (ст. ст. 5–11 главы 2). В частности, ст. 8 Закона о полиции требует открытости деятельности полиции в пределах, не противоречащих законодательству об ОРД и охране тайны, а также если это не нарушает прав других граждан и организаций. Тем самым конституционная идея права на получение информации сочетается с требованием защиты тайны и иных охраняемых законом интересов.

Несмотря на значительный объем конституционных гарантий, далеко не все конституционные идеи получили должное закрепление в действующем оперативно-розыском законодательстве и можно констатировать, что здесь сохраняется ряд пробелов и дискуссионных моментов. Обратим внимание на некоторые из них.

1. Принцип соразмерности и минимального вмешательства (ст. 55 Конституции РФ), на который уже обращалось внимание ранее [2, с. 105–110; 3, с. 83–93] требует, чтобы ограничения прав были необходимыми и пропорциональными законодательно установленным целям. В Законе об ОРД идея соразмерности прямо не сформулирована и не закреплена, но она выводится из общих принципов законности и соблюдения прав и свобод (ст. ст. 3, 5).

Д. В. Кольцов, посвятивший ряд работ исследованию проблем реализации этого принципа в ОРД, отмечает, что «в настоящее время в доктрине наиболее научно проработанным является разделение данного общеправового начала на требования пра-

вомерной цели, пригодности, необходимости и соблюдения баланса частных и публичных интересов» [4, с. 101]. Но научная проработка еще не нашла должной практической реализации. Нормативная неопределенность в этой части на практике приводит к тому, что при выборе конкретного ОРМ оперативно-розыскной орган далеко не всегда аргументирует, почему в конкретной ситуации более мягкие средства либо сокращенные сроки проведения ОРМ неприемлемы или недостаточны, хотя именно это требуется для соблюдения современных стандартов обеспечения прав человека. Особенно это актуально применительно к ограничению конституционных прав человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища. Иногда результатом таких мероприятий выступает не раскрытие преступлений, а привлечение лиц к административной ответственности. Иными словами, происходит то, что именуется «стрельбой из пушки по воробьям». Для иллюстрации сошлемся на одно судебное решение, в котором указывалось, что тот факт, что результатом прослушивания телефонных переговоров явилось не возбуждение уголовного дела, а производство об административном правонарушении и привлечение лица к административной ответственности, не может рассматриваться в качестве обстоятельства, влекущего отмену судебного постановления о проведении данного оперативно-розыскного мероприятия, поскольку оно было вынесено в связи со сведениями о возможном совершении преступлений³.

2. Уведомление граждан о проведенных ОРМ. Конституционная идея эффективной судебной защиты (ст. 46) предполагает, что гражданин вправе хотя бы постфактум узнать о вмешательстве государства в его конституционную сферу, чтобы иметь возможность обжаловать такое вмешательство. Закон об ОРД закрепляет право лица обжаловать действия органов ОРД, но форм какого-либо уведомления гражданина о проведенных в отношении него негласных ОРМ, ограничивающих тайну связи, неприкосновенность жилища или частной жизни, закон не предусматривает. Действительно, как гражданин, необоснованно попавший в орбиту ОРД, сможет узнать о проводимых в отношении него оперативно-розыскных мероприятиях, если они осуществлялись неглас-

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

³ О возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств : постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 октября 2022 г. № 84П22.

но? Это снижает реализуемость конституционного права на эффективное средство защиты.

3. Режим информации о лицах, не причастных к преступлению. Статья 24 Конституции РФ запрещает сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, кроме случаев, предусмотренных законом. В Законе об ОРД нормы о судьбе сведений, полученных в отношении лиц, не причастных к преступной деятельности, сформулированы недостаточно конкретно: общие положения об использовании результатов ОРД и защите информации (ст. ст. 10–12) не содержат четких сроков хранения и процедур обязательного уничтожения таких данных. Не добавляет ясности и ст. 5 Закона об ОРД. В научной литературе неоднократно обращается внимание на необходимость уточнения этих правил [5, с. 69–75].

4. Право граждан на сотрудничество как элемент права на получение и распространение информации. Статья 29 Конституции РФ гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Передача сведений органам ОРД — один из практических способов реализации этого права и одновременно форма участия граждан в защите своих прав и безопасности общества (ст. ст. 2, 45 Конституции РФ). Однако в Законе об ОРД сотрудничество граждан описано скорее как средство ОРД, а не как субъективное право гражданина. Так, в статье 17 говорится о возможности привлечения отдельных лиц с их согласия, но не формулирует право гражданина на сотрудничество, на получение информации о его формах и гарантиях, а ст. 18, закрепляя защиту лиц, содействующих ОРД, не увязывает это с реализацией права на получение и распространение информации.

В научной литературе подчеркивается добровольный, информационный характер содействия, но также указывается на недостаточность социальных и правовых гарантий для граждан, оказывающих содействие на бесконтрактной основе [6, с. 99–100]. Фактически право гражданина на сотрудничество с оперативными подразделениями как форма реализации конституционного права на информацию и на защиту пока не оформлено в виде отдельной гарантии.

Перспективы реализации конституционных идей в оперативно-розыском законодательстве

Предложим варианты конкретизации конституционных положений в Законе об ОРД и подзаконных актах в виде примерных формулировок статей закона.

1. Ученые-конституционалисты рассматривают содержание принципа соразмерности как систе-

му следующих идей: 1) ограничения должны быть обусловлены конституционными целями; 2) ограничения должны защищать ценности, указанные в ч. 3 ст. 55 Конституции; 3) ограничения не должны быть большими, чем это необходимо; 4) ограничения должны соответствовать цели, ради которой они устанавливаются; 5) ограничения не должны посягать на основное содержание права и парализовать его реализацию; 6) ограничения не должны приводить к несоразмерным, чрезмерным, избыточным рестрикциям [3, с. 87].

Для реализации принципа соразмерности целесообразно дополнить ст. 3 Закона об ОРД новой частью следующего содержания: «Оперативно-розыскная деятельность проводится на основе принципа соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина и должна быть пропорциональна степени общественной опасности деяний».

Закрепление данного принципа на уровне федерального закона потребует его дальнейшей конкретизации в ведомственных нормативных правовых актах, регламентирующих оперативно-розыскное производство. В частности, логичным развитием нормы станет обязанность органа, осуществляющего ОРД, мотивировать в постановлениях и иных процессуальных документах: 1) выбор конкретного оперативно-розыскного мероприятия с учетом наличия альтернатив; 2) установление сроков проведения оперативно-розыскных мероприятий, особенно тех, что существенно ограничивают конституционные права (например, прослушивание телефонных переговоров); 3) связь между тяжестью предполагаемого преступления и избранной мерой. Это напрямую коррелирует с задачей ОРД по защите прав, свобод и безопасности общества от преступных посягательств, закрепленной в ст. ст. 1 и 2 Закона об ОРД.

Такое законодательное решение создаст более четкие правовые рамки для оперативных подразделений и усилит судебный контроль за законностью проводимых мероприятий, что в полной мере соответствует конституционным принципам уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, на которых основана оперативно-розыскная деятельность.

2. Для конкретизации режима данных о частной жизни целесообразно дополнить ст. 5 Закона об ОРД новой частью: «Информация о частной жизни граждан, полученная при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, не причастных к подготовке, совершению либо сокрытию преступления и не создавших угрозу безопасности Российской Федерации, подлежит уничтожению в сроки и порядке, установленных настоящим Федеральным законом и подзаконными нормативными

правовыми актами. Хранение и использование такой информации допускается только для обеспечения служебных интересов или задач правосудия». Статью 10 Закона об ОРД дополнить частью: «Порядок хранения и уничтожения сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, включая сведения о лицах, не причастных к преступным деяниям, определяется органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, с учетом требований Конституции Российской Федерации и федерального законодательства о персональных данных». Это позволило бы четче реализовать требования ст. 24 Конституции РФ о недопустимости произвольного сбора и хранения информации о частной жизни.

3. Имеет смысл закрепить право граждан на сотрудничество как право на получение и распространение информации в новой редакция ст. 17 Закона об ОРД: «Любое лицо вправе на добровольной основе осуществлять сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в формах, предусмотренных федеральным законом и иными нормативными правовыми актами. Такое сотрудничество является способом реализации конституционного права на свободный поиск, получение, передачу и распространение информации, а также права на защиту от преступных посягательств.

Сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, носит добровольный характер и осуществляется при условии информирования гражданина о его правах, обязанностях и гарантиях безопасности. Принуждение к сотрудничеству не допускается и влечет ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Сотрудничество может осуществляться на открытой или конфиденциальной основе, в том числе по контракту, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом⁴.

Такое регулирование прямо увязало бы сотрудничество с конституционным правом на информацию (ст. 29 Конституции РФ) и правом на защиту (ст. 45 Конституции РФ).

4. Для расширения гарантий ст. 18 Закона об ОРД целесообразно дополнить частью: «Лицо, сообщившее в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, сведения, имеющие значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, не может быть подвергнуто преследованию в связи с фактом такого сообщения, за исключением случаев заведомо ложного доноса или

умышленной дезинформации. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязаны по просьбе гражданина предоставить ему информацию о мерах, принятых в связи с сообщаемыми им сведениями, в пределах, не нарушающих права других лиц, режим секретности и служебную тайну».

Здесь реализуются конституционные идеи свободы выражения мнения, права на информацию и права на защиту.

5. На уровне ведомственных нормативных правовых актов можно предложить следующее.

1. Внести изменения в части включения отдельного раздела «Информирование граждан о возможных формах сотрудничества и их правах» и обязательного разъяснения гражданину содержания договора (при конфиденциальном содействии), а также порядка прекращения сотрудничества и мер безопасности.

2. Разработать типовое положение о работе с конфиденциальными обращениями граждан, содержащими оперативно значимую информацию, предусматривающее единый стандарт регистрации, проверки и обратной связи с информатором; гарантии конфиденциальности; недопустимость негативных последствий для добросовестного информатора.

Таким образом, реализация конституционных идей в оперативно-розыском законодательстве Российской Федерации уже имеет существенную нормативную базу. Закон об ОРД, Закон о полиции, законы о государственной защите и система ведомственных актов в значительной мере опираются на положения Конституции РФ о правах и свободах человека и гражданина.

Вместе с тем остаются направления, требующие дальнейшего развития: 1) прямое закрепление принципа соразмерности и минимального вмешательства; 2) конкретизация порядка обращения с информацией о частной жизни лиц, не причастных к преступлениям; 3) введение механизмов постфактум-уведомления граждан о проведенных негласных ОРМ; 4) оформление права граждан на сотрудничество с оперативными подразделениями как формы реализации права на получение и распространение информации и права на защиту.

Предложенные варианты изменений Закона об ОРД и подзаконные акты демонстрируют возможные направления дальнейшего развития законодательства в сторону более полного воплощения конституционных идей в сфере оперативно-розыскной деятельности (таблица).

⁴ Депутаты, судьи, прокуроры, адвокаты, священнослужители и др.

Таблица. Конституционные идеи и их закрепление в оперативно-розыском законодательстве

Конституционная идея (Конституция РФ)	Форма закрепления в оперативно-розыском законодательстве	Проблемы / перспективы
Приоритет прав и свобод, их непосредственное действие (ст. ст. 2, 17, 18)	Статьи 1, 3, 4 Закона об ОРД: цели ОРД — защита прав и свобод; принцип законности и уважения прав; указание на Конституцию РФ как правовую основу	Необходимость прямого закрепления принципа соразмерности и минимального вмешательства
Неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, защита информации о частной жизни (ст. ст. 23, 24)	Статья 5 Закона об ОРД об обязательности соблюдения этих прав; ст. ст. 7–9 об условиях и судебном контроле при ограничении тайны связи и жилища	Нет четких сроков хранения и правил уничтожения данных о лицах, не частных к преступлению; требуется конкретизация в законе и подзаконных актах
Неприкосновенность жилища (ст. 25)	Статьи 8–9 Закона об ОРД — судебное разрешение на ОРМ, затрагивающие жилище, ведомственные инструкции по обследованию помещений (приказ МВД России № 199 ⁵)	Практика требует усиления контроля за соблюдением судебных процедур и фиксации всех действий в жилище
Право на судебную защиту и эффективные средства правовой защиты (ст. ст. 46, 53)	Статья 5 Закона об ОРД — право обжаловать действия органов ОРД в суд; ст. 9 — судебный порядок санкционирования ряда ОРМ; ст. 21 — прокурорский надзор	Нет общего механизма уведомления граждан о проведении негласных ОРМ; затруднена реализация права на обжалование
Право свободно искать, получать, передавать и распространять информацию (ст. 29)	Глава IV Закона об ОРД (ст. ст. 17–18) — содействие гражданам органам ОРД; Закон о полиции — принципы открытости и сотрудничества	Сотрудничество регулируется как инструмент органа, а не как самостоятельное право гражданина; нет закрепленного статуса «право на сотрудничество» и процедур его реализации
Равенство перед законом и судом, недискриминация (ст. 19)	Закон об ОРД и подзаконные акты прямо указывают, что гражданство, пол, национальность и др. не являются препятствием для проведения ОРМ	Требуется развитие механизмов контроля за недопущением дискриминационного выбора объектов ОРД
Презумпция невиновности и запрет принуждения к свидетельствованию против себя (ст. ст. 49, 51)	Прямо не детализированы в Законе об ОРД, но учитываются через запрет использования ОРД вне целей, предусмотренных законом, и через уголовно-процессуальные правила допустимости доказательств	Более четкое разграничение ОРД и следственных действий, предотвращение «скрытого» допроса в форме ОРМ
Критерии ограничения прав (ст. 55)	Санкционируемые судом ОРМ и их цели (ст. ст. 2, 7–9 Закона об ОРД) прямо ориентированы на задачи защиты безопасности, прав и свобод других лиц	Требуется прямое закрепление в законе принципа необходимости и соразмерности, а также обязанности мотивированного выбора наименее ограничивающих права средств

Список источников

1. Маслов А. А. Вопросы совершенствования правовой основы оперативно-розыскного обеспечения военного положения // Научный портал МВД России. 2024. № 3.
2. Луговик В. Ф. Конституционный принцип соразмерности и принуждение в оперативно-розыскной деятельности // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VIII международного. науч.-практ. конф. Омск, 2024.
3. Подмарев А. А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1.

⁵ Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199.

4. *Кольцов Д. В.* Место принципа соразмерности в международно-правовом институте специальных методов расследования. Анализ с оперативно-розыскных позиций // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 2.
5. *Железняк Н. С.* Уничтожение материалов по результатам проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий: необходимость или «так повелось»? // Общество и право. 2021. № 2.
6. *Попов С. В.* Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1.

УДК 340.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-169-174

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Доверие как детерминанта обеспечения легитимности права

Елизавета Петровна Голод

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ burak.elizaveta@yandex.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Взаимодействие общества и государства предполагает сложный процесс взаимного контроля, основным инструментом которого выступает право как наиболее значимый социальный регулятор. Право является средством общения гражданского общества и государства, с помощью которого становится возможным согласовать различные интересы граждан и достигнуть консенсуса по общественно значимым вопросам. Особое место в установлении коммуникации государства и общества на основе права занимает доверие, являющееся детерминантой обеспечения не только легитимности права, но и его эффективности. В рамках статьи раскрыты процедуры, обеспечивающие повышение уровня доверия граждан к праву и, соответственно, легитимности правовых норм.

Ключевые слова: доверие, легитимность права, легальность правовых норм, эффективность правового регулирования, делиберативность, правотворческий краудсорсинг, институты гражданского общества, общественное мнение

Для цитирования: Голод Е. П. Доверие как детерминанта обеспечения легитимности права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 169–174.

Trust as a Determinant of the Legitimacy of Law

Elizaveta P. Golod

post-graduate student of the post-graduate courses¹,

✉ burak.elizaveta@yandex.ru

¹ the Saint Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Saint Petersburg, Russia)

The interaction of society and the state implies a complex process of mutual control, the main instrument of which is the law as the most significant social regulator. Law is a means of communication between civil society and the state, with the help of which it becomes possible to harmonize different interests of citizens and achieve consensus on socially significant issues. A special role in establishing communication between the state and society on the basis of law is given to trust, which is the determinant of ensuring not only the legitimacy of law, but also its effectiveness. Within the framework of the article, procedures are disclosed that ensure an increase in the level of citizens' trust to law and, accordingly, to the legitimacy of legal norms.

Keywords: trust, legitimacy of law, legality of law norms, effectiveness of legal regulation, deliberation, lawmaking crowdsourcing, civil society institutions, public opinion

Citation: Golod E. P. Trust as a Determinant of the Legitimacy of Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 169–174 (In Russ.).

Полноценное функционирование современного государства невозможно без доверия к нему граждан, поскольку общественное доверие является одной из фундаментальных составляющих и аксиологическим условием как легитимности государственной власти, так и легитимности права. Устойчивое доверие между людьми, обществом и властью — то важнейшее основание правового регулирования, без которого правовой инструментарий не работает или используется в ненадлежащем режиме [1, с. 7].

В словарях русского языка «доверие» трактуется как убежденность в честности, добросовестности, искренности кого-либо, чего-либо, в правильности чего-либо и основанное на этом отношении к кому-либо [2, с. 144].

В юридической науке нет единого подхода к определению понятия «доверие», исследователями предлагаются различные варианты его содержания.

В соответствии с первым подходом доверие определяют как правомерное ожидание. Н. А. Ара-

пов трактует «доверие» как уверенное и вместе с тем алеаторное (рискованное) правомерное ожидание граждан относительно того, что конституционное государство будет действовать согласно отличающим его природу качествам [3, с. 8]. Данное определение раскрывает содержание понятия «доверие» в контексте конституционно-правовых отношений, при этом отдельные характерные черты, выделяемые автором, позволяют сформировать представление о доверии в праве в целом. К ним, по нашему мнению, можно отнести: возникновение правомерных ожиданий; наличие рисков, влекущих за собой вероятность наступления юридических последствий.

Второй подход предполагает восприятие доверия через приверженность определенным ценностям. С точки зрения А. Н. Гуторовой, «доверие» предполагает солидарность и лояльность граждан в отношении государственности, государственно-правовой системы, их патриотизм и приверженность базовым ценностям данного социума [4, с. 765]. Поддерживая эту идею, считаем необходимым сделать существенную оговорку, что, с нашей точки зрения, солидарность и лояльность граждан, а также чувство патриотизма не лежат в основе доверия, а являются следствием уже сформированного доверительного отношения общества к государству и праву. П. М. Козырева и А. И. Смирнов толкуют доверие как уникальный феномен общественной жизни, определяющий дееспособность гражданского общества, степень приверженности граждан демократическим ценностям и институтам [5, с. 134–135]. В рамках данного подхода обозначена ключевая особенность доверия с точки зрения социоюридического феномена, выраженная в его воздействии на реализацию демократической модели управления, и, как следствие, на формирование гражданского общества, принимающего активное участие в правотворческом процессе и государственном управлении.

На наш взгляд, доверие — это самостоятельная социокультурная ценность, имеющая юридическое значение, которую следует рассматривать в объективном и субъективном смыслах. В объективном смысле доверие как социокультурная ценность, получившая формальное закрепление в текстах нормативных правовых актов, приобретает статус правового принципа взаимодействия государства и общества [6, с. 15]. В субъективном смысле доверие является внутренним психологическим состоянием субъектов правоотношений.

Независимо от особенностей понимания доверия в юридической литературе, отмечается высокая значимость доверия во взаимодействии государства и общества, оказывающего влияние на эффективность правового регулирования и государственного управления.

Общий показатель уровня доверия общества к государству складывается из доверия граждан к праву и действующей государственной власти. Мы рассмотрим доверие к праву как детерминанту обеспечения его легитимности.

Право является не только наиболее значимым социальным регулятором, но и средством общения государства и общества, опосредуя в той или иной мере отношения во всех сферах общественной жизни и обеспечивая возможность взаимодействия государства и общества [7, с. 104–105]. Указанное взаимодействие выражается в различных формах: в совместном участии государства и общества в правотворческом процессе, в правовых процедурах, реализации прав и обязанностей граждан, разрешении конфликтных ситуаций правовыми средствами, осуществлении гражданского контроля.

Высокий уровень доверительного отношения общества к праву предопределяет его одобряемость и готовность к соблюдению установленных предписаний, тем самым обеспечивается его легитимность. В свою очередь легитимность оказывает непосредственное воздействие на эффективность правового регулирования: чем выше уровень легитимности, тем действеннее функционирует правовой инструментарий.

В юридической литературе под легитимностью правовых норм принято понимать признание ценности правового регулирования, его полезности и одобряемости в глазах общественного мнения. В ней внешняя легальность правовых норм и юридической практики приобретает нравственно оправданный характер [8, с. 13].

Позиция, раскрывающая непосредственное влияние нравственно оправданного характера правовых норм на легитимность права, является дискуссионной. Нравственные предписания руководят не поступками как таковыми, а субъективными представлениями о должном поведении [9, с. 323–324]. В условиях постоянного изменения жизни общества трансформируется ценностный строй общественной жизни, происходит смена представлений о добре, зле, долге, совести и пр. В уголовном праве Российского государства допетровского периода широкое распространение имели телесные наказания, основной целью которых было наложение вечного позора на преступника [10, с. 184]. Современное уголовное право России вследствие процесса гуманизации законодательства направлено на недопущение причинения вреда задержанным, совершившим преступление. Правовые предписания, регламентирующие применение телесных наказаний и пользующиеся одобрением граждан в эпоху Средневековья, не обладают легитимностью в представлении современного российского общества, что обу-

словлено различием нравственных ориентиров общественной жизни приведенных исторических эпох.

Индивидуальное нравственное сознание граждан также не позволяет однозначно выделить нравственно оправданный характер правовых норм в качестве необходимого элемента легитимности права. Личностное мировоззрение и нравственные представления человека о критериях должного и правильного поведения могут противоречить этической оценке правовых норм другими членами общества. Вследствие этого одна и та же правовая норма для одной части общества будет являться легитимной, а для другой нет. Примером служит обсуждение отмены моратория и применения смертной казни в современной России.

Приведенные аргументы позволяют говорить об отсутствии прямой корреляции между легитимностью права и его нравственно оправданным характером.

Легитимность правовых предписаний необходимо отличать от их легальности, которая означает не более чем соблюдение всех установленных законом процедур при издании юридической нормы. Норма может быть одновременно легальной и непризнанной, следовательно, нелегитимной (например, нарушающей субъективные права) [11, с. 277]. В то же время особый интерес вызывает вопрос влияния законности правовых предписаний на их поддержку и доверие со стороны общества. Незаконное нормотворчество противоречит публичному правопорядку и режиму законности, вносит элементы дезорганизации в российскую нормативно-правовую систему [12, с. 13].

Отрицательное воздействие на уровень легитимности права имеет апеллирование к несуществующим нормативным правовым актам, которое может осуществляться по ошибке или умышленно. В первом случае отсылка к несуществующему закону может быть выражена в неумышленном неверном указании номера, названия или даты опубликования действующего нормативного правового акта. В юридической практике указание несуществующего нормативного акта, например, арбитражным судом в своем решении признается опечаткой и подлежит исправлению в порядке ст. 179 «Разъяснение решения. Исправление описок, опечаток и арифметических ошибок» Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Доверие граждан к праву в подобных ситуациях остается неизменным, в отличие от доверия к уровню компетенций субъектов правоприменительной деятельности.

Умышленная отсылка к несуществующим нормативным правовым актам нарушает законные права и интересы граждан, вводит их в заблуждение, становится причиной материальных и моральных потерь. Примером является отказ региональных властей Воронежской области в выдаче прогулочной коляски для девочки с ДЦП, основанием для которого послужил несуществующий закон, который якобы ограничил такую помощь детям с инвалидностью¹. Предосудительное отношение власти к гражданам, выраженное в умышленной отсылке в своих решениях к несуществующим законам, снижает доверие общества к государству и праву. На фоне формирования негативных ожиданий граждан в вопросах правового регулирования происходит снижение легитимности права, вследствие чего оно перестает быть эффективным средством общения государства и гражданского общества.

Таким образом, легитимность и легальность правовых норм находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, они в совокупности оказывают непосредственное влияние на эффективность правового регулирования. Правовые предписания, не соответствующие принципу законности, снижают уровень доверия граждан к праву и субъектам правоприменительной деятельности, а также оказывают деструктивное влияние на легитимность права.

Легитимность права тесно связана с правовой и политической активностью граждан, выраженной в систематическом участии в правотворческой деятельности государства через реализацию каждым гражданином своего субъективного избирательного права, а также ориентирующей на тесное взаимодействие с общечеловеческими ценностями [13, с. 39]. Одним из проявлений правовой и политической активности граждан является участие в общероссийском голосовании по поправкам к Конституции 2020 г., которое продемонстрировало активный процесс общественной консолидации. Высокий показатель явки на общероссийское голосование в условиях ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19, а также высокий показатель положительных ответов свидетельствуют о вовлеченности граждан в процесс изменения Основного закона государства, об общественном одобрении вносимых изменений и, как следствие, легитимности Конституции Российской Федерации.

Правовая и политическая активность граждан может быть выражена в осуществлении коммуникативных действий посредством участия в делиберативных процедурах, которые, с одной стороны, способствуют повышению уровня доверия общества

¹ Девочке с ДЦП не хотели выдавать бесплатную коляску. URL: <https://life.ru/p/1134576> (дата обращения: 10.07.2025).

к государству, с другой стороны, могут осуществляться только при его наличии. Результатом такого взаимодействия является достижение консенсуса по рассматриваемым вопросам и дальнейшее применение выдвинутых предложений в правотворческой деятельности государства.

К видам делиберативных процедур относятся: конференции, круглые столы, открытые слушания, заседания общественных советов, правотворческий краудсорсинг, на которых гражданам предоставляется возможность высказать свои предложения и принять участие в открытой дискуссии по вопросам разработки нормативных правовых актов, внесения в них изменений или их отмены. Примером может служить проведение некоммерческим партнерством «Саморегулируемая организация судебных экспертов» онлайн-конференции, посвященной обсуждению и выработке конкретных предложений по улучшению изменений, предлагаемых в законопроекте № 306504-6, которые касаются негосударственных судебных экспертов².

В условиях цифровой трансформации одним из наиболее эффективных видов делиберативных процедур является правотворческий краудсорсинг, который можно определить как совместную, коллективную онлайн-деятельность (взаимодействие) граждан и государства, направленную на создание, изменение или отмену норм права, а также диагностику проблем, требующих правового регулирования [14, с. 38]. Преимуществом такой процедуры является онлайн-взаимодействие, которое упрощает участие граждан в процессе правообразования и предоставляет возможность привлечения большего количества граждан к обсуждению законопроектов, что обеспечивает широту взглядов по рассматриваемым вопросам.

Несмотря на то что количество граждан, принявших участие в ранее обозначенных процедурах, выступает значимым показателем, в то же время актуальным вопросом является непосредственный учет мнения отдельных граждан при принятии юридически значимых решений.

Выявление отдельных граждан и учет их мнения при принятии юридически значимых решений могут быть реализованы в различных формах, одна из которых — организация депутатами личных приемов граждан. Например, пенсионер обратился к Председателю Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия с предложениями по вопросу разработки

стратегии развития и производства органической продукции в Республике до 2030 года и ее дальнейшего законодательного утверждения в Народном Хурале³.

Другая форма — организация конкурсов законопроектов, в которых граждане делятся своими предложениями по совершенствованию различных отраслей законодательства. Примером служит ежегодный конкурс «Мой законопроект», проводимый комитетом по законодательству Законодательного Собрания г. Санкт-Петербурга. Одним из победителей 2025 г. стал сотрудник Комитета по тарифам Дарья Скопкина, выдвинувшая проект закона об урегулировании распространения звуковой рекламы в г. Санкт-Петербурге⁴.

В приведенных примерах отчетливо прослеживается взаимное доверие между отдельным гражданином и представителем власти, способствующее совершенствованию правотворческой деятельности государства, а также обеспечивающее легитимность права.

Таким образом, говоря о результативности процедур вовлечения населения в правотворческий процесс, стоит отметить, что непосредственный учет мнения отдельных граждан при принятии юридически значимых решений выступает не менее весомым показателем эффективности данных процедур и проявления взаимного доверия, обеспечивающего легитимность права, чем показатель количества вовлеченного населения.

В юридических исследованиях встречается позиция, сформированная на основании научного анализа отдельных процедур привлечения граждан, согласно которой эти процедуры со временем оказываются всего лишь неудачными экспериментами [15, с. 110]. Согласиться с указанной позицией или прийти к иной точке зрения становится возможным при рассмотрении актуальных примеров из юридической практики.

Для формирования объективного представления о результативности обозначенных ранее процедур рассмотрим пример, в рамках которого мнение граждан не повлияло на принятие юридически значимых решений. Из чего следует предположение, что анализируемая далее процедура привлечения граждан, а именно публичные слушания, стала неудачным экспериментом. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции отказал жителям поселка Кучугуры Темрюкского района в признании незаконными результатов публичных слушаний по про-

² Отзыв профессионального сообщества судебных экспертов на проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://exprus.ru/conference-10-feb-2024> (дата обращения: 19.07.2025).

³ Личный прием: эффективный инструмент для работы депутатов. URL: <https://www.huralrk.ru/edinrostrk/8203-lichnyj-priem-effektivnyj-instrument-dlya-raboty-deputatov.html> (дата обращения: 26.10.2025).

⁴ Сотрудник Комитета по тарифам — победитель конкурса законопроектов. URL: <https://tarifspb.ru/press/news/3514/> (дата обращения: 27.10.2025).

екту поправок в генплан Фонталовского поселения. Граждане отметили, что «направляли возражения по проекту генплана, однако они не были учтены в заключении по публичным слушаниям»⁵.

Исходя из указанного примера, следует вывод, опровергающий ранее обозначенное предположение: отдельные процедуры привлечения граждан к правотворческому процессу нельзя назвать неудачным экспериментом, поскольку эффективность самой процедуры не тождественна ее организационному воплощению на практике. В рамках данной процедуры граждане отстаивают свои интересы, не остаются равнодушными к вопросам, обозначенным в повестке, проявляя доверительное отношение к органам власти, которое выражено в ожидании учета их мнения. На практике граждане сталкиваются с формальными и содержательными нарушениями процедур, а также с непринятием во внимание их интересов.

Помимо ранее обозначенного фактора, снижению уровня доверия к праву и его легитимности способствуют: юридификация, пробелы в законодательстве и юридические коллизии.

Юридификация проявляется в избыточности правового регулирования общественных отношений, в том числе и частым внесением поправок в действующие нормативные правовые акты. Излишняя регламентация общественных отношений формирует недоверие граждан к праву, вследствие чего снижается его легитимность. Это обусловлено тем, что право перестает восприниматься гражданами как позитивный социальный регулятор, созданный на благо общества и направленный на реализацию интересов его субъектов. Так, максимальная регламентация закупочной деятельности, предусмотренная Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», рассматриваемая как следствие «недоверия государства непосредственно к государственным и муниципальным заказчикам, в развитие чего установлены нормы о необходимости планирования и обоснования каждого действия заказчика, связанного с закупочной деятельностью»⁶, порождает взаимное недоверие указанных субъектов к нормам, которые практически невозможно реализовать на практике.

Пробелы в законодательстве, независимо от причин их появления, усложняют правоприменительную практику. При этом стоит отметить, что полностью избежать пробелов в законодательстве

невозможно, это явление естественное и неизбежное [16, с. 612]. Для удержания доверия граждан к праву на высоком уровне законодателю необходимо поддерживать с ними открытый диалог, в рамках которого будут освещены актуальные направления и результаты деятельности законодательных органов по устранению существующих пробелов в законодательстве, а также привлекать граждан к участию в правотворческом процессе.

Юридические коллизии являются противоречием между нормативными правовыми актами, регламентирующими конкретную или различные сферы общественных отношений. Примером негативного влияния юридических коллизий на отношение общества к праву является обращение гражданки М. Г. Анциновой в Конституционный Суд Российской Федерации на основании обнаруженной неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение. В тексте постановления отмечено следующее: «неоднозначность, неясность и недосказанность правового регулирования неизбежно препятствуют адекватному уяснению его содержания и предназначения, чем ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод»⁷. Отсюда следует, что юридические коллизии могут создать неблагоприятные правовые последствия для граждан, выраженные в несоблюдении их прав и свобод, личных и имущественных потерях, а также в необходимости обращения в судебные органы для оспаривания неоднозначной правовой нормы и отстаивания собственных интересов.

Таким образом, доверие является детерминантой обеспечения легитимности правовых предписаний, которая оказывает влияние на эффективность реализации целей, поставленных законодателем. Право выступает средством общения между государством и обществом, для действенного использования которого необходимо сформировать доверительные отношения указанных субъектов. В свою очередь, если в основе создания правовых норм лежит доверие, то они воспринимаются справедливыми и обоснованными, что обеспечивает дальнейшую легитимность права.

Добиться высокого уровня доверия и, как следствие, легитимности права можно при помощи публичного коммуникативного процесса и процедур, его обеспечивающих. В условиях демократического общества граждане имеют возможность не только наблюдать за правотворческим процессом, но и принимать в нем непосредственное уча-

⁵ Кассация отказала жителям Кучугур в иске о публичных слушаниях по генплану. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8157383> (дата обращения: 26.10.2025).

⁶ Куриц Н. Госзакупки требуют доверия // ЭЖ-Юрист. 2014. № 15. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стие, тем самым подтверждая значимость личного участия в процессе разработки законодательства и укрепляя доверие к праву. В качестве процедур, способствующих повышению уровня доверия к праву и, соответственно, уровню легитимности права, относятся: реализация каждым гражданином своего субъективного избирательного права, делиберативные процедуры (в формате конференций, круглых столов, открытых слушаний, заседаний общественных советов, правотворческого краудсорсинга).

Вариативность процедур, обеспечивающих легитимность права, позволяет вовлечь разные ка-

тегории граждан в правотворческий процесс наиболее удобными и доступными для них способами. Создание государственной властью возможностей для учета мнений и интересов граждан в вопросах правотворческой деятельности укрепляет доверие граждан к праву и способствует формированию его легитимности.

Негативное влияние на уровень доверия граждан к праву и его легитимности оказывают: несовершенство организации проведения отдельных процедур вовлечения граждан в правотворческий процесс, юридификация, пробелы в законодательстве, юридические коллизии.

Список источников

1. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право : монография. М., 2025.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
3. Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
4. Гуторова А. Н. Доверие гражданского общества органам публичной власти Российской Федерации // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47, № 4.
5. Козырева П. М., Смирнов А. И. Доверие в нестабильном российском обществе // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 5.
6. Зайцева Е. С. Ценности как фактор установления пределов правового регулирования // *Академический юридический журнал*. 2022. Т. 23, № 1(87).
7. Фетюков Ф. В. Право как средство обеспечения эффективного взаимодействия государства и гражданского общества // *Политика и общество*. 2017. № 4.
8. Вопленко Н. Н. Понятие и виды юридической справедливости // *Legal Concept*. 2011. № 2.
9. Кант И. Метафизика нравов // *Сочинения : в 6 т. / пер. с нем.* М., 1965. Т. 4.
10. Размахов К. Е. Телесные наказания в Российском государстве допетровского периода // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 4(48).
11. Денисенко В. В. Легитимность права: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2020.
12. Никитин С. В. Судебная защита прав и интересов от незаконных нормативных правовых актов // *Вестник гражданского процесса*. 2022. № 2.
13. Тепляшин И. В. Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // *Журнал российского права*. 2002. № 1.
14. Зайцева Е. С. Правотворческий краудсорсинг и его значение для установления пределов правового регулирования // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2023. № 2(98).
15. Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент // *Государство и право*. 2022. № 1.
16. Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // *Lex Russica (Русский закон)*. 2007. Т. 66, № 4.

⁷ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М. Г. Анциновой : постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2020 г. № 42-П.

УДК 340.132

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-175-179

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Роль стимулирования деятельности правоприменителей в соответствии с «буквой закона» в обеспечении реализации целей закона

Галина Михайловна Лановая

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права¹,

✉ lanovaya-galina@mail.ru

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

Соблюдение «буквы закона» в отечественной правовой теории традиционно воспринимается в качестве необходимого условия реализации целей закона, а в качестве средств, обеспечивающих такое соблюдение, рассматриваются прежде всего инструменты, предполагающие императивное и властное воздействие, использование в отношении правоприменителя реального или потенциального принуждения. Автор обосновывает тезис о том, что в нетипичных ситуациях соблюдение правоприменителем «буквы закона» не всегда способствует реализации целей закона. Аргументируется мысль о том, что для предотвращения и решения возникающих в указанных ситуациях проблем, вследствие которых затрудняется реализация целей закона, не всегда пригодны традиционные для отечественной практики инструменты. В то же время для этого подходят стимулы, побуждающие правоприменителя действовать в соответствии с «буквой закона», которые являются органичной составляющей стимулирования добросовестного выполнения должностных полномочий и служебных обязанностей.

Ключевые слова: применение права, законность правоприменительной деятельности, реализация целей закона, средства обеспечения законности, правовое стимулирование

Для цитирования: Лановая Г. М. Роль стимулирования деятельности правоприменителей в соответствии с «буквой закона» в обеспечении реализации целей закона // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 175–179.

The Role of Stimulating the Activities of Law Enforcement Officers in accordance with the "Letter of the Law" in Ensuring the Implementation of the Goals of the Law

Galina M. Lanovaya

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of State and Law Theory¹,

✉ lanovaya-galina@mail.ru

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Compliance with the "letter of the law" in domestic legal theory is traditionally perceived as a prerequisite for the implementation of the goals of the law, but as means to ensure such compliance. Primarily tools are considered that imply imperative and powerful influence, the use of real or potential coercion against the law enforcer. The author justifies the thesis that in atypical situations, law enforcer's compliance with the "letter of the law" does not always facilitate the realization of the goals of the law. The idea is argued that tools traditional for domestic practice are not always suitable for preventing and solving problems arising in these situations, which entail difficulties in implementation of the goals of the law. At the same time, such incentives are appropriate, that encourage the law enforcer to act in accordance with the "letter of the law," which are an organic component of stimulating the conscientious performance of official powers and official duties.

Keywords: application of the law, lawfulness of law enforcement, implementation of the goals of law, means to ensure legality, legal stimulation

Citation: Lanovaya G. M. The Role of Stimulating the Activities of Law Enforcement Officers in accordance with the "Letter of the Law" in Ensuring the Implementation of the Goals of the Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 175–179 (In Russ.).

Одной из догм отечественной теории права является положение о том, что главным принципом правоприменения выступает законность. Это объясняется не только природой правоприменительной деятельности и ее назначением, но и тем, что законность неизменно воспринимается в качестве генерального принципа любой деятельности органов и должностных лиц государства. Немаловажное значение в данном случае играет и тот факт, что само правоприменение устойчиво ассоциируется с применением именно законов и иных нормативных правовых актов.

Поскольку теория правоприменения традиционно развивается в контексте юридического позитивизма, свойственным ей оказывается постулирование идеи о существовании связи между осуществлением правоприменителем своей деятельности в строгом соответствии с «буквой закона», с одной стороны, и достижением запланированного законом результата, реализацией его целей, с другой стороны. Показательным в этом плане можно считать суждение о возможности «дать определение реализации принципа законности в правоприменении как движения, процесса по выполнению, осуществлению и достижению практического выражения определенных законом результатов в соответствии с предписанными правилами поведения» [1, с. 46].

В обозначенном контексте логичным оказывается наличие большого количества суждений, акцентирующих внимание на важности усилий, прилагаемых к тому, чтобы обеспечить соответствие действий и решений правоприменителя «букве закона». При этом там, где ставится и рассматривается вопрос о правовых средствах обеспечения законности в правоприменении, независимо от того, о какой именно правоприменительной деятельности идет речь, акцент делается на процессуальных формах, правовых ограничениях, средствах выявления, устранения и профилактики правонарушений, контроле и надзоре, мерах ответственности [2, с. 142–144; 3, с. 63–76; 4, с. 70–85], т. е. на всем том, что так или иначе связано с императивным и властным воздействием, использованием реального или потенциального принуждения.

В связи с изложенным возникают два вопроса. Первый вопрос заключается в том, в какой мере следование правоприменителем «букве закона» обеспечивает реализацию целей закона. Второй вопрос состоит в том, применимы ли для обеспечения строгого соблюдения правоприменителем законности правовые стимулы.

Ответ на первый вопрос может показаться очевидным: следование правоприменителем «букве закона» всегда способствует реализации целей закона.

Основным источником российского права является нормативный правовой акт, а в системе нормативных правовых актов главенствующая роль отводится законам. Подзаконные акты воспринимаются как нормативные документы, которые издаются на основе законов для конкретизации их положений и уточнения механизма реализации. В этом контексте правоприменение предстает в механизме правового регулирования инструментом обеспечения точной и безусловной реализации требований законов, а следование «букве закона» расценивается в качестве самого естественного способа обеспечения реализации целей закона.

Вместе с тем невозможно игнорировать тот факт, что в научной и публицистической литературе воспроизводятся многочисленные сюжеты, свидетельствующие о том, что далеко не всегда соблюдение «буквы закона» правоприменителем выступает гарантией того, что принятое индивидуально-властное решение обеспечит реализацию целей, преследуемых законодателем.

В силу ограничений, которые устанавливают рамки данной статьи, рассмотрим лишь один из таких сюжетов, получивший широкий общественный резонанс.

19 января 2018 г. Исакогорский районный суд г. Архангельска, действуя строго в соответствии со ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), устанавливающей, среди прочего, ответственность за демонстрацию нацистской атрибутики или символики, назначил штраф за демонстрацию фотографии Парада Победы на Красной площади в 1945 г. 16 марта 2018 г. Ленинский районный суд г. Ставрополя, также действуя в строгом соответствии с «буквой закона», назначил административный арест за репост записи с фотографиями из музея Второй мировой войны в Польше¹.

И указанные, и многие подобные им аналогичные случаи вызвали широкий общественный резонанс, поскольку применение ст. 20.3 КоАП РФ в изначальной ее редакции при условии буквальной интерпретации не в полной мере обеспечивало реализацию той цели, с которой было связано установление ответственности за деяния, ею предусмотренные, — борьбы с проявлениями фашизма². На практике к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ

¹ О внесении изменения в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : пояснительная записка к проекту федерального закона. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606698-7?ysclid=mmk3n5noda315869856> (дата обращения: 11.03.2026).

² Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ (ст. 6). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

привлекались лица, чьи действия формально образовывали состав правонарушения, однако фактически не были связаны с пропагандой деструктивных идей и не представляли общественной опасности. Это стало убедительным доводом сторонников дополнения ст. 20.3 КоАП РФ примечанием с изложением обстоятельств, при которых использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, не является административно наказуемым [5, с. 60].

Итак, в действительности соблюдение правоприменителем «буквы закона» способствует реализации целей закона не во всех, а лишь в подавляющем большинстве случаев. В связи с этим важно знать условия, при которых может отсутствовать связь между совершением действий и принятием решений в соответствии с «буквой закона», с одной стороны, и реализацией целей закона — с другой. Иметь представление о таких условиях необходимо, в частности, для того, чтобы создавать механизмы, позволяющие выявлять нетипичные ситуации правоприменения, предупреждать их, а также нивелировать либо компенсировать негативные последствия того, что обязательное для правоприменителя следование «букве закона» не приводит к реализации целей, поставленных законодателем.

Во-первых, ситуацию, в которой деятельность правоприменителя, соответствующая «букве закона», не приводит к обеспечению реализации целей закона, порождают юридико-технические ошибки, допущенные при формулировании юридических норм, в сочетании с регулированием, не предоставляющим правоприменителю свободу усмотрения.

К подобным ошибкам относится, например, распространение нормы на регулирование более широкого круга отношений, чем это необходимо для достижения целей нормы, или на более узкий круг отношений, чем это требуется для реализации данных целей.

Во-вторых, следует упомянуть ситуацию, когда адресаты применяемых норм злоупотребляют своими правами, например, избирают стратегию «обхода закона». В данной ситуации правоприменитель, даже будучи наделенным достаточной свободой усмотрения, может вынести решение, не обеспечивающее достижение результата, отвечающего целям закона.

Конечно, в соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса РФ злоупотребление правом, в том числе действие в обход закона с противоправной целью, прямо запрещается в качестве одного из видов заведомо недобросовестного поведения и влечет за собой отказ в судебной защите права, а также применение

иных мер, предусмотренных законом. Однако любое правоприменительное решение требует обоснования, и, по крайней мере, в некоторых случаях (например, при невозможности получить достаточные доказательства того, что лицо злоупотребляет своим правом) правоприменитель оказывается лишенным возможности отказаться от применения «буквы закона», апеллируя к тому, что имеет место злоупотребление.

В-третьих, на практике можно столкнуться с ситуацией, когда правоприменитель неверно понимает цели закона и, выбирая в пределах предоставленных ему полномочий из действий и решений, строго соответствующих «букве закона», делает ошибочный выбор.

Вероятность таких ситуаций возникает в силу того, что правоприменитель в действительности исходит не из целей закона, а из собственных представлений о них и (или) из представлений тех, кто эти цели ему разъясняет. Риск неверного понимания правоприменителем целей закона существенно повышается в условиях постоянного увеличения динамики общественных отношений, когда оказывается, что «правовые решения и действия нередко отстают от реальных ритмов развития» [6, с. 7].

В-четвертых, еще одной ситуацией в ряду рассматриваемых выступает психологическое давление на правоприменителя, влияющее на выбор им стратегии и тактики производства по делу, а главное — на принятие итогового решения. Чаще всего в подобных случаях речь идет о «давлении авторитета».

Например, заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, оценивается в системе с другими доказательствами, вместе с тем известны случаи, когда именно экспертные заключения становились фактором принятия ошибочных решений, что отнюдь не способствовало реализации целей закона. В частности, широко известны случаи, когда следователи и судьи совершали ошибки, опираясь на неправильные выводы экспертов, сделанные по результатам исследования биологических материалов [7, с. 102–103].

Важно понимать, что появление ошибочных выводов не всегда обуславливается недобросовестностью лица, проводящего экспертизу, они могут быть связаны с объективно существующими трудностями в исследовании объектов или недостаточным уровнем развития науки и техники. Вместе с тем игнорировать возможность их появления нельзя.

В-пятых, в современных условиях разрыв между действиями и решениями, строго соответствующими «букве закона», и реализацией целей закона может возникать вследствие широкого применения экспертных систем поддержки правовых решений

и иных современных технологий, призванных облегчить интеллектуальный труд юриста.

Любые технологии основаны на использовании формализованных алгоритмов, поэтому в условиях их применения высокой является вероятность того, что система, не будучи в состоянии формулировать ценностные суждения о должном, раз за разом будет осуществлять выбор, соответствующий «букве закона», без учета специфики тех целей, которые преследует законодатель. Юристу, прибегающему к помощи подобных технологий, психологически сложно принимать решения, не совпадающие с теми, которые предлагает искусственный интеллект, даже с учетом понимания ограниченности возможностей последнего. В этих условиях риск принятия правоприменительных решений, формально соответствующих закону, но не отвечающих его целям, оказывается довольно высоким.

Итак, ситуации, в которых соблюдение правоприменителем «буквы закона» может не способствовать реализации целей закона, довольно разнообразны. При этом сам характер таких ситуаций свидетельствует о том, что, пожалуй, во всех, кроме первой из рассмотренных, устранение разрыва между «буквой закона» и реализацией целей закона является возможным при условии проявления правоприменителем инициативы и приложения им должных усилий, но таких, которые превосходят обычно затрачиваемые на разрешение дела в стандартных, типичных обстоятельствах.

К сожалению, ни инициативность, ни настойчивость правоприменителя не могут быть результатом применения традиционно используемых для обеспечения законности в правоприменении правовых средств. Будучи связанными с императивным и властным воздействием, реальным или потенциальным принуждением, такие средства рассчитаны на то, чтобы исключить принятие формально незаконных и не соответствующих в силу этого целям закона решений, обусловленных низким профессионализмом и даже чаще — недобросовестностью правоприменителей.

В обозначенном контексте актуализируется вопрос о применимости в обеспечении реализации целей закона стимулирования деятельности правоприменителей в соответствии с «буквой закона», поскольку именно стимулы представляют собой правовые средства, рассчитанные на то, чтобы решать с их помощью проблемы, связанные с отсутствием инициативы и недостаточностью прилагаемых для достижения целей закона усилий.

Анализ российского права и правореализационной практики свидетельствует о том, что стимулы вполне применимы в качестве средств обеспечения

деятельности правоприменителей в соответствии с «буквой закона», несмотря на сложившуюся традицию использовать в ее обеспечении совсем иной инструментарий. Примерами стимулов, применимых в качестве средств обеспечения соблюдения правоприменителями «буквы закона», являются публичное признание заслуг, предоставление льгот лицам, демонстрирующим высокий профессионализм, повышенных гарантий защиты. При этом примечательно, что неизменно речь идет о стимулах, которые, побуждая правоприменителей к строгому соблюдению «буквы закона», одновременно служат побудительными стимулами к добросовестному выполнению должностных полномочий и служебных обязанностей, и именно в этом качестве стимулирование деятельности правоприменителей в соответствии с «буквой закона», действительно способствует осуществлению правоприменительной деятельности таким образом, чтобы обеспечивалась реализация целей закона.

В ситуациях, когда между стимулированием деятельности, соответствующей «букве закона», и стимулированием добросовестного выполнения должностных полномочий и служебных обязанностей возникает разрыв, первое не обеспечивает реализации целей закона, его результатами оказываются распространение формализма и бюрократизма, воспроизводство «палочной системы».

Отдельно следует подчеркнуть тот факт, что эффективность стимулирования деятельности правоприменителей в соответствии с «буквой закона» в решении задач, связанных с обеспечением реализации целей закона, не абсолютна. Оно не приносит ожидаемого эффекта, если отсутствует, по крайней мере, одно из двух условий. Во-первых, оно неэффективно тогда, когда правоприменитель лишается возможности контролировать все этапы правоприменительного производства и полностью определять судьбу дела либо когда предоставленное ему усмотрение минимально. Во-вторых, оно не дает желаемого эффекта тогда, когда стимулирование, побуждающее правоприменителя соблюдать требование законности, не сопряжено со стимулированием реализации им других принципов правоприменения, таких как объективность, справедливость и целесообразность.

В отличие от законности, требования которой носят формальный характер, перечисленные принципы представляют собой идеи, критерии соответствия или несоответствия которым конкретных действий и решений носят оценочный характер. Следовательно, формализовать деятельность правоприменителя посредством ограничений и других правовых инструментов, связанных с принуждением, таким образом, чтобы в каждом конкретном

случае обеспечивались объективность, справедливость и целесообразность правоприменительной деятельности, крайне затруднительно. В то же время стимулировать правоприменителя следовать перечисленным требованиям вполне возможно, и их реализация охватывается понятием «добросовестное выполнение должностных полномочий и служебных обязанностей».

Итак, на основе проведенного анализа можно заключить, что стимулирование правоприменителя действовать в соответствии с «буквой закона» является составляющей стимулирования добросовестного выполнения им должностных полномочий и служебных обязанностей.

Связь между стимулированием деятельности правоприменителей, соответствующей «букве закона», и обеспечением реализации целей закона су-

ществует при условии предоставления правоприменителю довольно широкой свободы усмотрения и одновременного стимулирования его к реализации не только требований законности, но и других принципов правоприменения. Указанная связь обнаруживается как в типичных, так и в нетипичных ситуациях правоприменения.

Поскольку обеспечение законности правоприменения посредством тех, так или иначе связанных с принуждением, правовых инструментов, которые традиционно широко применяются для обеспечения законного правоприменения, не всегда возможно и не всегда успешно, стимулирование деятельности правоприменителей в соответствии с «буквой закона» в обеспечении реализации целей закона может играть гораздо более значимую роль, чем принято считать.

Список источников

1. Кияйкин Д. В. К вопросу о реализации принципа законности в правоприменительной деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 2(24).
2. Муратова Э. Ю. Правовые средства обеспечения законности в правоприменении // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2024. № 4.
3. Высоцкий С. А. Административно-правовые средства обеспечения законности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019.
4. Мамедов Э. Х. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020.
5. Русинова К. О. Развитие российского законодательства о противодействии пропаганде и демонстрации запрещенной атрибутики и символики // КриминалистЪ. 2025. № 3(52).
6. Тихомиров Ю. А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11.
7. Шамонова Т. Н. Особенности оценки заключения эксперта по биологическому исследованию следов человека // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2006. № 11.

УДК 340.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-180-183

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Правоприменение перед вызовом релятивизма

Виктор Сергеевич Плетников

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева¹,

✉ pvs80@mail.ru

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)

Множественность подходов к определению правоприменения, допустимая в науке, в юридической практике порождает серьезные проблемы. Сравнение дефиниций «применение права» показывает расхождение не только в формулировках, но и в понимании сущности правоприменения, включая его творческий характер, роль правоприменительного акта и соотношение формы и порядка. Различные, но признаваемые истинными определения одного и того же явления создают основу для неодинакового прочтения одних и тех же норм закона. Органы, осуществляющие правосудие и контрольно-надзорные функции, принимая разные решения при императивной норме закона, демонстрируют релятивистский подход к объему полномочий. Релятивизм в правоприменительной практике недопустим, он ведет к неправоудным решениям и дезорганизации общественных отношений. Выход видится в реформировании юридического образования в сторону строгого следования букве закона при понимании связей права.

Ключевые слова: применение права, правоприменение, правоприменительная деятельность, релятивизм, дефиниция права, юридическая практика, юридическое образование

Для цитирования: Плетников В. С. Правоприменение перед вызовом релятивизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 180–183.

Law Enforcement facing the Challenge of Relativism

Viktor S. Pletnikov

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of State and Law Theory
named after Alekseev S. S.¹,

✉ pvs80@mail.ru

¹ Ural State Law University named after Yakovlev V. F. (Yekaterinburg, Russia)

The multiplicity of approaches to the definition of law enforcement, admissible in science, creates serious problems in legal practice. Comparison of the definitions of "application of law" shows a divergence not only in the wording, but also in the understanding of the essence of law enforcement, including its creative nature, the role of the law enforcement act and the relationship between form and order. Different, but recognized as true, definitions of the same phenomenon create the basis for a different interpretation of the same norms of law. The bodies administering justice and performing control and supervisory functions, making different decisions under the imperative norm of the law, demonstrate a relativistic approach to the scope of powers. Relativism in law enforcement practice is unacceptable, as it leads to unjust decisions and disorganization of public relations. The reform of legal education towards strict adherence to the letter of the law in understanding the relations of law is considered to be a solution.

Keywords: application of law, law enforcement, law enforcement activity, relativism, definition of law, legal practice, legal education

Citation: Pletnikov V. S. Law Enforcement facing the Challenge of Relativism. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 180–183 (In Russ.).

Состояние культуры, ценностные ориентиры, мировоззренческие установки определяют понятие «право», его содержание, функции, принципы, в целом всю юридическую деятельность и государственно-правовую действительность. Социальные последствия, которые возникают в результате воздействия права на общественные отношения, в том числе детерминированы состоянием культуры, т. е. духовными и материальными ценностями конкретного общества. Правоприменение и его результа-

ты — не исключение, процесс и результат зависят от уровня развития конкретного общества, господствующих в данный исторический период ценностей, собственно от познающего субъекта, его знаний, целей, мотивации.

И. Я. Дюринг в 70-х гг. XX в. писал, что «применение норм советского права (правоприменительная деятельность) — это осуществляемая в специально установленных законом формах государственно-властная, организующая деятельность компетент-

ных государственных органов и уполномоченных государством органов общественности по вынесению индивидуально-конкретных правовых предписаний» [1, с. 19].

Перестал существовать Советский Союз, поменялись политическая система и идеология, произошел отказ от правового монизма, который сложился в советский период [2, с. 103], ученые-юристы получили возможность работать со всем многообразием методологических подходов. Спустя четыре десятилетия его соратник и ученик С. С. Алексеев отмечает, что «применение права — государственно-властная организующая деятельность компетентных субъектов по обеспечению реализации права путем вынесения индивидуальных правовых предписаний» [3, с. 192].

При внешнем совпадении правовых дефиниций, высказанных И. Я. Дюрягиным и А. С. Шабуровым, содержание понятия принципиально изменилось. Здесь важно сделать два уточнения:

— каждый из авторов не включает в дефиницию все признаки в полном объеме;

— в процессе исследования оставим без внимания характеристики субъектного состава, изменение которого обусловлено объективными причинами, сменой парадигмы правового регулирования (было неоднократно описано ранее).

В дефиниции, предложенной И. Я. Дюрягиным, в качестве определяющего (родового) признака указано, что применение норм права — это деятельность по вынесению индивидуально-конкретных правовых предписаний, обращенных к персонально определенным лицам. Для А. С. Шабурова определяющим является то, что применение права — это специфическая правовая деятельность наряду с иными видами такой деятельности. Вопросы, связанные с индивидуализацией, раскрываются автором в числе последних. Пятый признак применения права, по его мнению, — деятельность по рассмотрению конкретного юридически значимого дела, шестой признак — применение права — заканчивается принятием специального индивидуального государственно-властного правового акта — правоприменительного акта. Заметим, что И. Я. Дюрягин среди самостоятельных признаков, характеризующих правоприменение, вообще не выделяет актов. О них он вспоминает, лишь когда раскрывает содержание государственно-властного характера правоприменения либо говорит о форме применения права.

Смена методологических оснований познания существенным образом влияет на сознание в том числе сформировавшегося исследователя. Опыт заставляет его (исследователя) искать новые смыслы, модели, которые должны обеспечить функциональ-

ность понятий. Внимание А. С. Шабурова к применению права как специфической правовой деятельности неслучайно. Ему важно не просто дать дефиницию понятия, раскрыть его содержание, исследователь считает важным с первых строк указать на тот факт, что применение права является не формой реализации права, а самостоятельным видом юридической деятельности наравне с правотворчеством, толкованием и реализацией.

Единственное сходство в позициях авторов можно наблюдать, если обратить внимание на государственно-властный характер правоприменительной деятельности. Они расходятся даже в том, как устанавливаются пределы правоприменения. И. Я. Дюрягин указывает на специально установленные законом формы, а А. С. Шабуров говорит об установленном законом порядке (процессуальном порядке), т. е. в первом случае достаточно соблюдать процессуальные нормы и результат будет достигнут; во втором случае важна не только и не столько норма, важен порядок, последовательность действий субъекта при реализации процессуальных норм.

Наверное, самое главное — И. Я. Дюрягин при раскрытии признаков указывает, что применение права — это творческая, организующая деятельность. Для А. С. Шабурова организующее начало правоприменительной деятельности, после того как он указал на тот факт, что она является правовой деятельностью, уже не имеет значения. Здесь с ним можно согласиться. При этом творческое начало правоприменения А. С. Шабуров вообще оставляет без внимания. Можно, конечно, сослаться на процессуальный порядок, развитие науки и техники, но ведь выбор применяемой нормы, необходимость правоприменения и многое другое до сих пор остаются за человеком, связано с его волей!

И это только один пример того, как юристы-исследователи, даже если они принадлежат к одной научной школе, по-разному раскрывают одно и то же понятие. Можно привести и другие дефиниции применения права, которые будут иначе расставлять акценты в исследуемом понятии, например:

— это властно-организующая деятельность компетентных органов и лиц, обеспечивающих в конкретных жизненных случаях реализацию юридических норм [4, с. 144];

— это государственно-властная деятельность, носящая официальный юридический характер и направленная на реализацию права посредством издания персонифицированного конкретно-определенного акта [5, с. 6];

— это властная деятельность компетентных органов по разрешению конкретного юридического дела, в результате чего выносится соответствующий индивидуальный акт [6, с. 153];

— это комплексная государственно-властная деятельность, сочетающая в себе соблюдение, использование и исполнение правовых норм в процедурно-процессуальном порядке с участием специальных субъектов, наделенных полномочиями по содействию адресатам и контролю за правореализацией в целом [7, с. 338];

— это совершаемые компетентными органами действия, выражающиеся в издании соответствующих юридических актов, влекущих у субъекта права возникновение дополнительных (новых) прав и обязанностей, их изменение или прекращение [8, с. 15] и др.

В каждом случае, независимо от различий в дефинициях, в существенных признаках каждая формулировка понятия будет истинной, может использоваться как для научной характеристики правоприменения, так и для обучения юристов. Данный тезис подтверждается разнообразием научных юридических школ и образовательных организаций, каждая из которых имеет свое собственное представление о том либо ином юридическом явлении, процессе, состоянии.

На уровне юридической науки и юридического образования понятия и суждения, имеющие отличное (противоположное) значение об одном и том же объекте, не создают серьезных препятствий, могут восприниматься как относительно истинные и даже способствуют развитию научных представлений о государственно-правовой действительности [9, с. 9]. Основные сложности возникают в юридической практике, когда стороны в процессе взаимодействия не понимают друг друга, диаметрально противоположно воспринимают одни и те же характеристики, закрепленные в норме закона. Причем когда проблемы коммуникации связаны с формой, это еще полбеда, а вот когда дело касается содержания правового предписания, возникает острая потребность в единых стандартах теоретической подготовки будущих юристов-практиков. Как пишет А. В. Аверин, в настоящее время в отечественной судебной практике наблюдается не только формализация процесса, но и тенденция к выхолащиванию сути и смысла правовых норм, которые должны применяться. Это вызвано (среди иных причин) тем, что нередко судьи под правосудием понимают применение не права (содержания), а закона (формы) [10, с. 231].

Если бы все оставалось на уровне дискуссии в отношении корректности формулировок, встречающихся в юридической практике («суд применил закон» или «суд применил норму права»), то можно было бы оставить проблему и не привлекать к ней внимания. Сегодня ситуация с различным прочтением в процессе правоприменения одних и тех же

норм (особенно технико-юридических) вызывает серьезную озабоченность, особенно если эти процессы рассматривать в разрезе качества правоприменительных решений, практики взаимодействия суда со сторонами процесса, субъектов Российской Федерации, сравнения практики Российской Федерации и ряда бывших советских республик.

Так, при обращении в контрольно-надзорные органы с заявлением о несоответствии электротехнической продукции требованиям технических регламентов и параметрам безопасности российские государственные органы демонстрируют релятивистский подход к объему своих полномочий. По данным за 2025 г., одни приостанавливают реализацию продукции (в 12 % случаев); другие привлекают к административной ответственности (в 60 % случаев); третьи оставляют факт без должного внимания (исх. № 501-36/1815 от 23 апреля 2026 г. ЦМТУ Росстандарт).

Такая реакция контрольно-надзорных органов вызывает непонимание, даже если предположить, что они нуждаются во времени для проверки фактов, указанных в заявлении. Налицо факт производства некачественной продукции субъектом, находящимся в зоне их ответственности. Согласно ст. 38 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» изготовитель электротехнической продукции (исходя из ее особенностей) «обязан незамедлительно приостановить производство и реализацию продукции...». Иного прочтения данной нормы быть не должно. Это необходимо для обеспечения безопасности граждан и организаций, формирования культуры ответственного производителя. Правоприменительное решение должно быть принято по всем фактам нарушения технических регламентов и производства продукции, не соответствующей параметрам безопасности.

Более проблемной выглядит ситуация, при которой правоприменитель допускает вольную интерпретацию действующих норм в процессе осуществления правосудия. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 281 Арбитражно-процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ), постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» если кассационная жалоба подана лицом, о правах и обязанностях которого принят судебный акт в отношении судебного акта, который не был обжалован в суд апелляционной инстанции (за исключением случаев, когда такое обжалование Кодексом не предусмотрено), такая кассационная жалоба возвращается. Арбитражный суд Поволжского округа по делу А65-4638/2025

принимает кассационную жалобу и рассматривает ее 9 апреля 2026 г. в обстоятельствах, когда:

— кассационная жалоба подана третьим лицом, которое в апелляционном порядке решение суда первой инстанции не обжаловало (апелляционная жалоба была подана ответчиком);

— третье лицо даже не направляло отзыв на апелляционную жалобу, т. е. несогласия с решением суда первой инстанции не выражало;

— апелляционным постановлением решение суда первой инстанции оставлено без изменения;

— истец настаивает на том, что производство по кассационной жалобе третьего лица должно быть прекращено в связи с нарушением им инстанционного порядка обжалования судебного акта (со ссылками на судебную практику).

В данной ситуации Арбитражный суд Поволжского округа принял жалобу к производству, чем продемонстрировал, что одна и та же норма (п. 5 ч. 1 ст. 281 АПК РФ) может пониматься как строгое процессуальное условие, а также как ориентир для усмотрения суда — релятивизм в действии. В таких случаях понятия и суждения, име-

ющие отличное / противоположное значение об одном и том же объекте, недопустимы. Различное прочтение норм права правоприменителем приводит к невозможности нормальной организации деятельности общества, вынесению неправосудного решения.

Не вдаваясь в полемику о природе понятия релятивизма, вызовах, которые он несет, отметим ряд требующих внимания фактов:

— релятивизм присутствует как в процессе научного познания, так и при ретрансляции правовых знаний о правоприменении;

— широта взглядов на правоприменение в юридической науке способствует развитию представлений о государственно-правовой действительности, а в юридической практике пагубна не только для правоприменителя, но и для общества в целом;

— юридическое образование в процессе его реформирования для повышения эффективности правоприменения должно стать качественной основой, позволяющей научить студента-юриста строгому следованию букве закона при понимании связей права.

Список источников

1. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973.
2. Актуальные проблемы теории государства и права : учебник / отв. ред. А. В. Перевалов. М., 2019.
3. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
4. Шабуров А. С. Теория государства и права : учебник. Курган, 2009.
5. Захаров А. А. Применение права: системно-функциональный анализ: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мытищи, 2010.
6. Малько А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права : учеб. пособие. М., 2026.
7. Теория государства и права : учебник / под ред. А. А. Клишаса. М., 2019.
8. Дробышевский С. А., Матвеева Л. С., Протопопова Т. В. Применение права: проблемы теории и истории : монография. М., 2024.
9. Маслов В. М. Проблема определения, основные формы и перспективы релятивизма // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 4.
10. Аверин А. В. Правосудие — это применение содержания права, а не применение его формы // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.

УДК 340

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-184-188

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Правовая политика: понятийная неопределенность и пределы классификации

Дмитрий Владимирович Пожарский

доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника института по научной работе¹,

✉ dimapozharskiy@yandex.ru

¹ Уфимский юридический институт МВД России (Уфа, Россия)

Статья посвящена критическому анализу устоявшегося в современной юридической науке понятия «правовая политика». В работе исследуются концептуальные противоречия термина, связанные с разграничением политики как деятельности публичной власти и права как инструмента ее реализации. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам определения предметного поля правовой политики, а также проблеме дублирования данного понятия с категориями «функции государства» и «механизм правового регулирования». В рамках критического обзора рассматриваются проблемы отраслевой классификации правовой политики. Обосновывается необходимость выделения и глубокого изучения правоприменительной и правоинтерпретационной политики наряду с законодательной. В заключение предлагается более строгий подход к определению содержания правовой политики, акцентирующий ее роль в обеспечении устойчивого правового порядка.

Ключевые слова: политика, применение права, правовая (юридическая политика), правоприменительная политика, нормотворческая политика, уголовно-правовая политика

Для цитирования: Пожарский Д. В. Правовая политика: понятийная неопределенность и пределы классификации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 184–188.

Legal Policy: Conceptual Uncertainty and Limits of Classification

Dmitry V. Pozharsky

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Deputy-Chief of the Institute in scientific area¹,

✉ dimapozharskiy@yandex.ru

¹ Ufa Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Ufa, Russia)

The paper contains critical analysis of the concept of legal policy established in the modern legal science. Under study are conceptual contradictions of the term related to distinguishing policy as public authorities' activities and law as the instrument of its implementation. The focus is made on the debatable issues of outlining the subject area of legal policy as well as the problem of duplication of this concept with the categories of "state functions" and a "mechanism of legal regulation". Within the critical review the author considers the problems of branch-related classification of legal policy and proves it necessary to specify and conduct a comprehensive examination of law enforcement and law interpretation policy along with the legislative policy. In conclusion it is suggested to use a more rigorous approach to the definition of the content of legal policy, which emphasizes its role in maintaining the stable legal order.

Keywords: policy, application of law, legal policy, law enforcement policy, rule-making policy, criminal law policy

Citation: Pozharsky D. V. Legal Policy: Conceptual Uncertainty and Limits of Classification. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 184–188 (In Russ.).

Термин «правовая политика» прочно укоренился в научном обороте современной юридической науки. Этой теме посвящены десятки диссертаций и сотни статей, образована научная школа, издается журнал «Правовая политика и правовая жизнь» [1, с. 8–13], термин появился в паспортах научных специальностей 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки и 5.1.4. Уголовно-правовые науки. В целом сложилась благоприятная научно-публикационная среда (почва) и институциональная основа для дальнейшего раз-

вития этой проблематики. Складывается впечатление о большом научном будущем и безмятежной судьбе этого направления. Тем не менее, исследования серьезных проблем, не говоря о вопросах политики, сопряжены с трудностями и противоречиями, в связи с чем накопленный массив знаний время от времени следует подвергать ревизии, как говорится «сверять часы».

Именно с этой точки зрения автор делится своими мыслями о правовой политике. Начнем с того, что термин «правовая политика» при желании мож-

но упрекнуть в эклектичности или самопротиворечивости. Если право создается преимущественно государством, а государство — это публичная власть, то стоит ли всерьез доказывать уместность этого термина. Наверняка найдутся сторонники редуцированного подхода, утверждающие, что право выступает средством (инструментом), а не объектом политики. Можно вспомнить идеи права, свободного от политики, политически независимые субъекты применения права. Рассуждения о правоохранительной или правоприменительной политике (к этому мы вернемся позже) на первый взгляд затруднительны и противоречивы, если принять во внимание, что работники (служащие), сотрудники ключевых правоприменительных, правоохранительных и контрольно-надзорных «звеньев» (судьи, прокуроры, сотрудники органов внутренних дел и т. д.) не могут принадлежать к политическим партиям и движениям, участвовать в политических акциях, вести политическую пропаганду или агитацию.

Возможно, кто-то с ностальгией вспомнит поддержку из Программы КПСС: «Предметом постоянной заботы партии были и остаются укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел» [2, с. 60]. Правда, тогда это называли более удачно — государственно-правовым строительством. В общем, об уместности использования в научном обороте термина «правовая политика», по крайней мере об актуальности научной «раскрутки» некоторых ее форм и видов, можно и нужно дискутировать.

В начале обсуждения следует хотя бы схематично определиться с пониманием процессов и отношений, которые именуют политикой. Скромные рамки жанра научной статьи не позволяют представить читателю полную панораму научной мысли о политике, показать все многообразие подходов к определению ее понятия, не говоря об эволюции взглядов. Тем не менее в самом общем плане политика воспринимается преимущественно в традициях Аристотеля и М. Вебера. Первый рассматривал политику в качестве формы общности людей, которая служит достижению общего блага и основывается на моральных добродетелях. Идеальной моделью такой общности Аристотель считал античный полис, поскольку в нем возможен компромисс между противоположными интересами демоса и аристократии посредством справедливого распределения благ [3, с. 21].

Второй связывал политику с человеческим стремлением к обретению, сохранению и распоряжению властью. Оба подхода в комбинированном виде используются теоретиками государства и права

в интерпретациях политической системы общества, взаимодействия права с политикой и часто встречаются в учебной литературе [4, с. 89; 5, с. 174].

Право и политика являются компонентами надстройки, это обеспечивает им необходимое единство в отношении к экономике. Если представить право в качестве продукта государственного волеизъявления или возведенной в закон воли господствующего класса, то неразрывная связь политики и права становится более очевидной, также как и политическая обусловленность права.

Государство, публичная власть и ее носители имманентно заинтересованы в самосохранении и воспроизводстве или, говоря языком права, в сохранении сложившегося порядка (строения, устройства) вещей. Вполне логично, что самым надежным средством сохранения такого порядка является право, которое в действии и при особой поддержке публичной власти трансформирует порядок в правопорядок. Как отмечает Б. Жувенель, «государство — единственное организующее начало, и потому эту функцию оно выполняет со всей тщательностью и крайне авторитарно» [6, с. 238]. Следует добавить, что в современных условиях превосходным и самым надежным инструментом выполнения этой непрерывной работы является позитивное право, содержащееся преимущественно в текстах и объясняющее публичную власть в качестве имманентной ценности. Государство как воплощение кратополитики (от греч. *kratos* — власть) осуществляет деятельность по совершенствованию технологий публичного управления [7, с. 66], в том числе правовых.

По мнению Д. Валадеса, язык права обеспечивает публичной власти некую дискретность. Это происходит, когда в законах, обладающих высшей юридической силой, упоминается регулирование иными законами или подзаконными актами [8, с. 57]. В общем, если хочешь иметь представление о политике, ознакомься с законодательством. Вместе с тем юридические нормы, как воображаемая модель (образ) и правовой порядок, как реальный результат их воплощения, создаются и охраняются властью в процессе ее власти, т. е. выступают предметом политики. Политика — сложное, многогранное явление, и для того чтобы социальные преобразования были успешными и правовой порядок устойчивым, необходимо определенную долю политической энергии тратить на правовое регулирование и правовую систему. Этот сегмент политики охватывает и создание норм права, и их реализацию, в том числе применение уполномоченными субъектами [9, с. 140].

Следует вспомнить и известное ленинское утверждение о том, что участие в делах государства предполагает определение форм его деятельности,

а право, как известно, является одной из таковых (правовые формы реализации функций государства). Это дополнительный аргумент в пользу правовой политики. И наконец, с точки зрения идеи правового государства, в центре которой находится человек и его права, политика и право не только совместимы, но и необходимы друг другу. В современных условиях степень взаимопроникновения политики и права приблизилась к максимальной отметке. Таким образом, политическое воздействие на процесс формирования и реализации права образует предметное поле правовой политики, в связи с чем в целом можно говорить о наличии теоретических оснований для признания правовой политики, обосновывать ее место в понятийном строю юридической науки. Поддерживая в общетеоретическом плане состоятельность и перспективность феномена «правовая политика», есть основания подискутировать по некоторым частным вопросам.

1. Весьма неопределенным следует признать логические границы предметного поля правовой политики. Например, Н. И. Матузов предлагает понимать под правовой политикой комплекс мер, целей, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права [10, с. 318]. В данном случае неизбежно возникают трудности с определением сферы и границ действия права, которое прямо или косвенно присутствует во всех сферах жизни общества, включая частную. В условиях тотальной юридикации публичного управления, которое осуществляется на основе права, во имя права (прав и свобод человека) и порождает правовые последствия, возникает риск его отождествления с правовой политикой. Хотя право — лишь инструмент в руках власти, значение его приближается к величине абсолютной [11, с. 299].

2. Многие из предлагаемых определений понятия правовой политики основаны на синтезе традиционных (классических) для теории права и государства понятий и категорий. При этом такой подход нередко порождает логические противоречия, а иногда смысловое дублирование. Пожалуй, чаще всего в понятие правовой политики включают механизм правового регулирования. Одним из первых такую попытку предпринял Е. В. Куманин, отметив, что «часть политических усилий необходимо обратить непосредственно на механизм правового регулирования» [9, с. 140].

А. В. Малько также включает механизм правового регулирования в предлагаемую дефиницию: «Под правовой политикой предлагаю понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, цивилизован-

ному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой жизни общества и личности [12, с. 95–97].

Если представить себе теоретическую модель структуры механизма правового регулирования, то возникает сомнение в возможности политического воздействия на юридические факты — элемент стадии возникновения прав и обязанностей. Если факты-действия (поступки людей) укладываются в представления об управляемых процессах, то факты-события, обусловленные политикой, сложно вообразить.

3. Возникают вопросы и в тех случаях, когда интерпретация правовой политики осуществляется при помощи категории «деятельность» (праксиологический, или деятельностный подход). Разумеется, политика, направленная на развитие правовой системы общества, немыслима вне деятельности. Тем не менее описание такой деятельности нередко совпадает с уже привычными для нас принципами правотворчества, применения права и его толкования (научное обоснование социальной необходимости правового регулирования, в том числе принятия нормотворческого решения, аналитическая работа с нормой как этап применения права, интеллектуально-волевая деятельность по выявлению и разъяснению воли законодателя и т. п.).

Кроме того, увеличение значения категории «деятельность» в понятии правовой политики наделяет последнюю свойствами функций государства. Вряд ли найдутся серьезные аргументы против признания такой деятельности основной и постоянной для государства, т. е. функцией. Разве государство не должно непрерывно развивать правовую систему общества, укреплять правовой порядок, совершенствовать законодательство и практику его применения, оптимизировать правозащитные механизмы? Эта деятельность обусловлена целями и задачами государства на определенном этапе исторического развития, эта деятельность выражает сущность и социальное назначение государства, в эту деятельность вовлечены все звенья публичной власти, наконец, эта деятельность имеет формы (сторонники концепции правовой политики заметно преуспели в их обосновании). Признаки функций государства налицо.

Выражая собственную точку зрения, позволю усомниться в том, что все правовые явления или вся правовая жизнь являются предметом правовой политики. Нельзя забывать о главном свойстве политики — имманентной и неразрывной связи с публичной властью и государством. М. Вебер верно подчеркнул: «Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как к средству, подчиненному другим

целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти ради нее самой, чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает» [13, с. 646]. С этой точки зрения возникает сомнение в политической обусловленности каждого правового явления, поступка. Полагаем, что правовая политика нацелена на то, чтобы стать для публичной власти фундаментальным условием и основой устойчивости и функциональности, а именно, правовым порядком.

В этом значении вполне уместны некоторые видовые проявления правовой политики. Как правило, они обособляются на основе двух критериев: отраслевого критерия и типа (вида) юридической деятельности. Достоинством отраслевого критерия является концентрация политической энергии на правовом регулировании общественных отношений, которые образуют предмет правового регулирования той или иной отрасли права. Это хорошо просматривается в содержании основных (классических) отраслей права, передавших правовой политике соответствующие отраслевые очертания и наименования. Из истории хорошо известно, что первые отраслевые кодексы были предметом острой политической борьбы. На заседаниях Государственного Совета Франции обсуждалась каждая статья будущего Гражданского кодекса Франции (CodeNapoleon). Наполеон лично участвовал в 57 заседаниях из 102 и активно боролся с оппозицией.

В отечественной науке наиболее известной и разработанной является уголовная (уголовно-правовая) политика, включающая уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и оперативно-розыскную политику, имеющую многовековую историю, насыщенную драматическими событиями, что вполне объяснимо. С древнейших времен, начиная с памятников права и по сей день, посягательства на власть наказываются наиболее сурово, а это, как известно, предмет уголовного законодательства.

Немного смущает разнообразие так называемых подвидов уголовной политики, выделяемых на основании объекта уголовно-правового воздействия, многие из которых авторы наделяют (не всегда аргументированно) статусом сферы. В качестве примера приведем названия диссертаций, взятые из рубрики «Объявления о защитах» на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ:

— «Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации»;

— «Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности»;

— «Уголовно-правовая политика Российской Федерации и Республики Таджикистан в сфере противодействия преступлениям, посягающим на безопасность государства»;

— «Уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление»;

— «Уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции»;

— «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира»;

— «Уголовная политика в сфере защиты личной свободы человека»;

— «Уголовно-правовая политика в сфере охраны половых отношений».

В этом плане любопытен советский опыт разработки основ отраслевого законодательства: Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»¹, Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»²; Закон СССР «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»³; «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях»⁴ и др. Указанные акты содержали исходные отправные нормы (нормы-цели, нормы-принципы, нормы-дефиниции), определявшие основы отраслевого правового регулирования, которые могут считаться удачным примером отраслевой правовой политики.

Кроме уголовной (уголовно-правовой), изучаются иные отраслевые виды правовой политики (гражданская процессуальная правовая политика, электоральная политика). Видимо, есть разработки иных отраслевых правовых политик. Принимая во внимание столь пеструю палитру, отмечу, что отраслевой критерий не исчерпывает всего многообразия проявлений правовой политики. Более того, возникает серьезный вопрос о количестве отраслей права, обосновываемых современными авторами (спортивное право, военное право, образовательное право и т. д.). По крайней мере, сложно согласиться с признанием соответствующих видов правовой политики. В целом стоит ли столь увлеченно обособлять такое количество видов правовой политики? Это напоминает известный номер жонглера с кеглями. Сначала две, потом три, четыре, пять и так далее... Хотя всем хорошо известно, чем закончится номер — кегли окажутся на полу.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1. Ст. 6.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 52.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 44. Ст. 909.

В начале статьи упоминалось о правоприменительной политике. Интересную мысль высказывает бразильский философ права Алисон Леандру Маскару: «Политическая форма материализуется в политических институтах. Необходимость увеличить предсказуемость судебных решений приводит к отделению судебной власти от прочих ветвей государственной власти» [14, с. 42–43]. Полагаем, что правоприменительная политика «на равных» с законодательной должна признаваться и изучаться как теоретиками, так и отраслевиками. Не хватает третьей — правоинтерпретационной, которую также следует иметь в виду. Незнание закона — не всегда главная причина правовых проблем, многие из них возникают из-за непонимания закона.

Следует также вспомнить классические признаки применения права. Во-первых, применение права — это деятельность компетентных субъектов, как правило, институтов публичной власти или их должностных лиц. Во-вторых, применение права — это властно-организующая (управляющая) деятельность. По сути, применение права — это правовое

управление общественными процессами, это ли не политика (как не вспомнить искусство управлять государством).

Более того, в содержании правоприменительной политики можно выделить различные иерархические уровни: высший (конституционный (конституционный процесс)) и отраслевые (гражданский, арбитражный, административный и уголовный процесс). Партийно-политические ограничения и запреты в отношении представителей «правоохранительных» профессий не меняют того факта, что последние наделены властью и являются частью этой власти. И последнее, в ряде случаев формирование политики в установленной сфере деятельности выступает нормативно закрепленной функцией некоторых правоохранительных органов. Например, основными задачами МВД России являются выработка и реализация государственной политики в сфере внутренних дел⁵. Поскольку МВД России — правоохранительный орган, то и политика, которую он формирует и реализует, следует считать правоохранительной (правовой).

Список источников

1. Субочев В. В. Научная школа правовой политики профессора А. В. Малько: 20 лет активных действий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4.
2. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987.
3. Мухаев Р. Т. Политология. М., 2014.
4. Власенко Н. А. Теория государства и права. М., 2014.
5. Теория государства и права / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. М., 2024.
6. Жувенель Б. Власть: естественная теория ее возрастания. М., 2011.
7. Бельский В. Ю., Родачин В. М. Политология : учебник. М., 2023.
8. Валадес Д. Язык права и право языка. М., 2008.
9. Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи : в 2 т. / отв. ред. А. М. Васильев. М., 1986. Кн. 1.
10. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004.
11. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010.
12. Малько А. В. Правовая политика и правовая система в современной России // Правовая культура. 2023. № 4.
13. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.
14. Маскару А. Государство и политическая форма. М., 2022.

⁵ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 340.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-189-194

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Исторические правовые памятники в формировании правовых традиций на белорусских землях

Ирина Андреевна Демидова

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры общеправовых и уголовно-правовых дисциплин¹,
✉ demidova-irina00@mail.ru

¹ Могилевский институт МВД Республики Беларусь (Могилев, Беларусь)

Автор исходит из того, что правовую культуру и правовую жизнь общества определяют исторически сложившиеся на белорусских землях правовые традиции. Одним из факторов формирования и трансляции национальных правовых традиций рассматриваются правовые памятники, которые фиксируют историю становления национального права, закрепляют систему общественных ценностей. Целью исследования является анализ правовых норм статута Великого княжества Литовского, характеризующих специфику правового культурного развития на белорусских территориях в исторической проекции. Предмет исследования составляют правовой порядок организации управления белорусским обществом, а также особенности правового регулирования семейных отношений. Показано, что сохранению независимости Белорусского государства способствовали правовая организация власти и формирование сословно-представительных органов власти. В духовной сфере важное значение имела правовая защита семьи. Сделан вывод, что многовековая история развития белорусской государственности и исторически сформированные правовые традиции проявлены в политико-правовой жизни современной Республики Беларусь.

Ключевые слова: правовая культура, правовая традиция, правовой памятник, статуты Великого княжества Литовского, правовые принципы, представительство, общественные ценности, семья, правовая жизнь

Для цитирования: Демидова И. А. Исторические правовые памятники в формировании правовых традиций на белорусских землях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 189–194.

Historical Legal Monuments in the Formation of Legal Traditions on Belarusian Lands

Irina A. Demidova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of General Law and Criminal Law Disciplines¹,
✉ demidova-irina00@mail.ru

¹ the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Mogilev, Belarus)

The author proceeds from the fact that the legal culture and legal life of society are determined by the legal traditions that have historically developed on Belarusian lands. One of the factors in the formation and translation of national legal traditions is considered to be legal monuments that record the history of the formation of national law and consolidate the system of social values. The purpose of the study is to analyze the legal norms of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, characterizing the specifics of legal cultural development on the Belarusian territories in historical view. The subject of the study is the legal procedure for organizing the management of Belarusian society, as well as the peculiarities of the legal regulation of family relations. It is shown that the preservation of the independence of the Belarusian state was facilitated by the legal organization of government and the formation of estate-representative authorities. In the spiritual sphere, legal protection of the family was important. It is concluded that the centuries-old history of the development of Belarusian statehood and historically formed legal traditions are manifested in the political and legal life of the modern Republic of Belarus.

Keywords: legal culture, legal tradition, legal monuments, Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, law principles, representative office, social values, family, legal life

Citation: Demidova I. A. Historical Legal Monuments in the Formation of Legal Traditions on Belarusian Lands. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 189–194 (In Russ.).

Характеристика правовых традиций, которые сформированы в рамках национальной правовой системы исторически, призвана установлению специфики правовой культуры современного белорусского общества. Устройство общественной жизни и организация управления, включая способы судебной защиты, находят отражение в правовых памятниках, что определяет актуальность исследования по обозначенному направлению.

Изучению теоретических аспектов правовых традиций на примере функционирования российского общества посвящены диссертации Т. Л. Козлова [1], М. В. Сальникова [2], Р. С. Сулипова [3] и др. Правовая традиция определяется как «совокупность устойчивых, воспроизводящихся результатов правового развития прошлых исторических эпох в пределах отдельно взятой правовой системы, которая обеспечивает трансляцию и преемственность правового опыта, выраженная в передаче правовой культурой из одного времени в другое элементов правовой системы» [3, с. 11]. Как функциональная категория правовая традиция выражает специфичность бытия правовой системы. В данной связи юридические традиции как частный случай правовых традиций трактуются как «совокупность устойчивых, воспроизводящихся результатов правового развития и функционирования системы законодательства, публичного правопорядка, правоприменительной и процессуальной деятельности» [3, с. 16]. Тем самым правовые традиции характеризуют правовую культуру и определяют особенности правовой жизни общества.

Одновременно имеет место понимание правовой традиции как исторического опыта правового развития цивилизации¹. Широкая трактовка правовой традиции исходит из общей цивилизационной ценности права в соответствии с его регулятивными свойствами, что является предпосылкой для существования в правовых системах традиций, которые характеризуют ту или иную цивилизацию в целом [4, с. 60]. В данном случае проводится различие западной и восточной традиции права. Правовые тра-

диции как составляющая культурных традиций признаются фактором культурной безопасности [5], отличительной характеристикой действия права в том или ином обществе [6]. В своем основании правовые традиции имеют систему исторически сформировавшихся общественных ценностей, что находит отражение в правовых нормах, так как право призвано отражать идеал социальной справедливости. Правовые традиции как культурное наследие предстают в виде механизма сохранения культурных констант правового общественного развития.

Проблематика правовых традиций белорусского общества как фактор формирования правовой культуры не выступала предметом исследования на монографическом уровне. В большей степени внимание белорусских авторов было направлено на выявление особенностей фольклорных и бытовых традиций [7–10]. При этом традиции правового регулирования на белорусских землях имеют давнюю историю. Это находит отражение в таких исторических правовых памятниках, как Статуты Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), Русского, Жемайтского и иных земель 1529, 1566 и 1588 гг., которые считаются одними из самых совершенных правовых актов своего времени² [11; 12]. Буквальное значение слова «статут» (от латинского *statutum*) — свод законов.

Так, Статут ВКЛ 1529 г., определявший правовую основу организации средневекового белорусского общества, включал нормы различных отраслей права: уголовного, гражданского, наследственного, земельного, лесного, охотничьего, процессуального, в том числе конституционного (государственного) и брачно-семейного. Таким образом, Статут ВКЛ 1529 г. закреплял правила функционирования различных социальных сфер, что само по себе является показателем правовой культуры белорусского общества. Первоначальный список (копия) Статута ВКЛ 1529 г. был выполнен в Вильно на старобелорусском языке. То обстоятельство, что в нем использовалась уникальная лексика и терминология, позволяет характеризовать его не только как памятник права, но

¹ Соловьева А. А., Бабенко А. Н. Восточная и западная правовая традиция понимания справедливости: проблемы генезиса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnaya-i-zapadnaya-pravovye-traditsii-ponimaniya-spravedlivosti-problemy-genezisa> (дата обращения: 21.01.2026).

² Законы, данные государству Великому князевству Литовскому, Русскому, Жемайтскому и другим светлейшим паном Сигизмундом, Божьей милости королем польским, великим князем литовским, русским, прусским, жемайтским, мазовецким и других. URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1529_s.131-217.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

и как памятник культуры и языка белорусского народа.

В соответствии с особенностями феодального общества нормами права закреплялись права феодалов, так называемые шляхетские привилегии. С XV в. на белорусских землях собирались сеймы — съезды шляхты и магнатов, на которых решались важнейшие государственные вопросы, в том числе принимались законы. В статье 6 раздела III «О вольностях шляхты и расширении Великого княжества Литовского» устанавливалось, что Великий князь обязуется сохранять все старые постановления, что фиксировало правовую преемственность, а новые принимать с панам радой³. Тем самым не только подтверждались права шляхты, но и ограничивалась власть Великого князя. В статье 1 раздела VI «О судьях» на панов радных возлагалась обязанность руководствоваться законом в принятии решений, вводилась ответственность по суду за нарушение законов⁴. Одновременно провозглашался принцип единства прав и равенства всех граждан перед законом, что определяет прогрессивный характер правовых норм.

Особая роль отводилась правовому регулированию семейных отношений. В разделе IV Статута ВКЛ 1529 г. «О наследовании женщинами и о выдаче девушек замуж» устанавливались правила наследования имущества вдовами (ст. ст. 1–3), определялась недопустимость повторного заключения брака вдовой до достижения совершеннолетия детей (ст. 6), фиксировалась возможность заключения брака с согласия властей или кровных родственников для не достигших совершеннолетия девушек (ст. 11), вводилось требование уважения к родителям (ст. 13). В разделе V «Об опекунах» закреплялись имущественные права детей (ст. ст. 1–6), обязанности опекунов (ст. ст. 7–9). Убийство отца или матери влекло бесчестье и смертную казнь в соответствии со ст. 14 раздела VII «О земских насилиях, о побоях и об убийствах шляхтичей»⁵. Показательно, что все материальные нормы сопровождались процессуальными, тем самым подлежали правовой защите, т. е. не носили декларативного характера.

В обозначении роли Статута ВКЛ 1529 г. в формировании правовой традиции на белорусских землях надлежит руководствоваться оценкой данного правового акта, которая представлена извест-

ным белорусским теоретиком и историком права И. Юхо: «В Статуте 1529 г. юридически закреплены основы общественного и государственного строя, правовое положение классов, сословий и социальных групп населения, порядок образования, состав и полномочия некоторых органов государственного управления и суда. Провозглашалось правило, согласно которому все лица, „как убогие, так и богатые“, должны были судиться согласно нормам, изложенным в Статуте. Великий князь обязался сохранять территориальную целостность государства, не допускать иностранцев на государственные должности ВКЛ, не давать им имений, не отнимать у местных феодалов должности и имущество без суда, придерживаться всех старых законов и обычаев»⁶. В целом Статут ВКЛ 1529 г. надлежит рассматривать как первый опыт систематизации и кодификации норм обычного права, королевских привилегий, постановлений государственных и судебных учреждений, что характеризует высокий уровень законодательной техники. В нем был решен ряд сложных теоретических и практических задач. В частности, была «выработана система и структура размещения правовых норм в зависимости от их содержания, включены типичные и обобщенные нормы; дана точная редакция каждой статьи; введено много новых правовых норм, в которых отражены тогдашние товарно-денежные отношения; включены нормы различных отраслей права»⁷. Формирование национальной системы права было призвано к укреплению суверенитета государства. Принятие Статута ВКЛ 1529 г. в своем основании имело передовые принципы единства права на территории государства и приоритета писаного права.

Во втором своде законов ВКЛ — Статуте ВКЛ 1566 г. нашли отражение изменения в политической жизни, которые были связаны с укреплением суверенитета ВКЛ и политического влияния шляхты. Так, Преамбула Статута ВКЛ 1566 г. содержала ряд привилегий, в их числе: Виленский привилей 7 июня 1563 г., уравнивший в политических правах православную и католическую шляхту; Бельский привилей 1 июля 1564 г., ограничивающий власть Великого князя и устанавливающий единое право и единый суд для всех граждан ВКЛ, а также Виленский привилей 1565 г., юридически оформивший деятельность местного представительного органа

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Юридические основы управления белорусскими землями в XIV–XVIII веках: история вопроса (обзорная справка). URL: <https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/istoricheskie-sobytiya/arhivnye-dokumenty-i-materialy-6/yuridicheskie-osnovy-upravleniya-belorusskimi-zemlyami-v-xiv-xviii-vekah-istoriya-voprosa-obzornaya-spravka/statut-velikogo-knyazhestva-litovskogo-1529> (дата обращения: 18.01.2026).

⁷ Там же.

шляхты — поветового сеймика⁸. В статье 5 раздела 3 «О вольностях шляхетских и об увеличении территории Великого княжества Литовского» юридически закреплялся порядок созыва поветовых сеймиков (общего собрания поветовой шляхты) и выборов депутатов на общие сеймы ВКЛ⁹. Тем самым устанавливался порядок формирования Вального (общего) сейма, в котором должны были быть представлены не менее чем по два депутата от каждого повета (уездной единицы ВКЛ). Данные правовые установления послужили нормативной основой зарождения правовой традиции функционирования представительных органов власти. Деятельность сеймов в качестве органов сословного представительства призвана была обеспечить привилегии шляхты на участие в управлении государством, что соответствовало политико-правовым реалиям феодального общества.

Статут 1566 г. сохранял принципы, зафиксированные предыдущим сводом законов: суверенитет государства, верховенство закона, ограничение власти монарха и др. Нормы, которые закрепляли суверенитет государства, его территориальную неприкосновенность, права и обязанности населения, размещались в первых трех разделах Статута, что свидетельствовало о зарождении и признании чрезвычайной важности конституционного права. В связи с этим белорусские ученые (И. А. Юхо, А. Ф. Вишневский, Т. И. Довнар и др.) отмечают прогрессивный характер правовых норм и факт того, что именно в этой сфере Статут опережал в правовом развитии западноевропейское право [11, с. 16].

Показательным в части правовой защиты семьи является то, что в приложениях к Статуту 1566 г. содержались образцы юридических документов, значительная часть которых касалась имущественных отношений супругов: договор дарения мужа жене движимых вещей, договор владения семейной собственностью в случае смерти мужа (жены) до момента смерти жены (мужа); завещательная запись жены на право владения имуществом в целях выплаты с этого имущества определенной суммы долга; договор дарения матери имущества детям и др.¹⁰ Тем самым обеспечивалась правовая защита имущественных прав супругов и других членов семьи, что было призвано упрочить институт семьи.

При том что весь Статут пронизывала идея укрепления правопорядка и подчиненности закону всех субъектов права, включая монарха, принцип един-

ства закона можно считать декларативным в силу установления разных льгот и преимуществ для сословия шляхты. Статут 1566 г. не только гарантировал сохранение данных ранее прав и привилегий шляхте, но также декларировал нерушимость будущих прав на вечное время (ст. 2 раздела III) [11]. Ограничение власти монарха закреплялось в Статуте посредством клятвы и обещания князя сохранять определенные права (ст. 2 раздела I; ст. ст. 1–4, 10, 11 раздела III) при одновременном запрете на определенные действия монарха. В частности, он не мог без разрешения сейма начинать войну или назначать налоги на военные нужды (ст. ст. 1, 2 раздела II), издавать законы, которые противоречат Статуту (ст. 12 раздела III), лишать подданных должностей и званий (ст. 11 раздела III) и т. д. [11]. Однако в целом программный характер ряда правовых норм, ориентированный на будущее, выводил Статут ВКЛ 1566 г. в число самых прогрессивных европейских законов своего времени.

Уникальным памятником правовой мысли и правовой культуры белорусского общества явился разработанный учеными и государственными деятелями ВКЛ О. Б. Воловичем, Л. И. Сапегой и другими Статут ВКЛ 1588 г., изданный в Виленской типографии на старобелорусском языке (государственном языке ВКЛ). Впоследствии он был переведен на русский, польский, украинский, немецкий и французский языки¹¹. Нормы статута характеризовали политическую ситуацию периода существования единого государства Речи Посполитой, образованного в соответствии с Люблинской унией 1569 г., провозгласившей объединение Королевства Польского и ВКЛ. Составители Статута не внесли в него ни одной нормы, которая могла бы быть использована во вред государственной самостоятельности. Государственно-правовое значение Статута 1588 г. определяется юридическим закреплением самостоятельности ВКЛ в составе Речи Посполитой. Примечательно, что и после присоединения белорусских территорий к Российской империи Статут продолжал действовать в Витебской и Могилевской губерниях до 1831 г., в Виленской, Гродненской и Минской — до 1840 г., т. е. «пережил» само государство. Положения Статута 1588 г. использовались при подготовке российского свода законов — Соборного уложения 1649 г.

В нормах Статута ВКЛ 1588 г. четко прослеживается разграничение компетенции государствен-

⁸ *Каментарыі* да Статута 1566 года. URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vialikaha_Kniastva_Litouskaha_1566_g_ctr.265-315_nbrb_komment_optim.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Статут 1588 г. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastva-lito-skaga/statut-1588-goda/> (дата обращения: 21.01.2026).

ных органов в рамках сословно-представительной монархии. Законодательная функция закреплялась за сеймом, исполнительная функция — за великим князем и должностными лицами, судебная функция возлагалась на земские и подкоморские суды, а также трибунал ВКЛ. Все нормы Статута преисполнены идеей правового государства. Это выражалось в подчиненности деятельности всех государственных органов и должностных лиц праву, закреплении основных прав и обязанностей населения, установлении главных принципов судебной системы¹². В статье 1 раздела I «О персоне нашей господарской» определялось, что одним правом писаным и данным государем должны быть все судимы. Тем самым устанавливался правовой характер функционирования общества, что характеризует западную традицию права.

Правовые идеи и принципы, нашедшие отражение в статутах ВКЛ, способствовали формированию правовой традиции осуществления государственного управления и организации общественной жизни на основе права. Многовековая история развития белорусской государственности проявлена в политико-правовой жизни современной Республики Беларусь. В Конституции Республики Беларусь закреплены принципы верховенства права (ст. 7), правового равенства (ст. 22), разделения властей (ст. 6)¹³. Сохраняется преемственность в части правовой охраны семьи и семейных ценностей (ст. 22)¹⁴.

Осмысление правовой традиции представительства призвано к пониманию изменений в организации управления современной Республики Беларусь, которые связаны с учреждением такого органа государственной власти, как Всебелорусское народное собрание (далее — ВНС) (ст. 89)¹⁵. На ВНС возложена функция определять стратегические направления развития общества и государства, обеспечивать неизблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие (ст. 1)¹⁶. Деятельность ВНС в качестве высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь ориентирована на укрепление взаимосвязи общества и государства. Показательно формирование состава ВНС из различных социальных слоев и групп

общества — Президента, представителей всех ветвей власти, местных советов депутатов и гражданского общества (ст. 6)¹⁷. Тем самым традиция представительства трансформируется применительно к новым социальным реалиям современного белорусского демократического государства.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Исторические правовые памятники отражают и формируют национальные правовые традиции посредством закрепления в нормах права правовых идей, ценностей, принципов, норм обычного права, тем самым оказывают влияние на правовую жизнь общества в исторической проекции и в условиях современности. Подтверждением значимости исторических правовых памятников служат статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., закрепившие правовые основы общественных отношений средневекового белорусского общества, что позволило сохранить самостоятельность Белорусского государства и организовать правовое функционирование белорусского общества. Статут ВКЛ 1588 г. выступает примером стабильности законодательства, в силу того что действовал свыше 250 лет вплоть до 1840 г. О прогрессивности статутов ВКЛ свидетельствует факт применения представленных в них правовых установлений при подготовке правовых актов в других государствах.

Статуты ВКЛ отражают исторически сформированную на белорусских землях традицию правовой организации власти и общественного устройства. Так, в нормах статутов нашли закрепление идеи верховенства права, разделения государственных полномочий между органами власти, судебной защиты прав личности, правовой регламентации семейных отношений и др., которые сохраняют свою значимость в современных реалиях и закрепляются в нормах Конституции Республики Беларусь. Анализ исторически сформированных на белорусских территориях правовых традиций, в том числе традиции организации государственной власти с использованием института представительства, призван к пониманию правовой жизни современного белорусского общества, оценке уровня его правовой культуры.

¹² Там же.

¹³ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoyi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1994-goda/> (дата обращения: 23.01.2026).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ О Всебелорусском народном собрании : Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-3. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=N12300248> (дата обращения: 08.02.2026).

¹⁷ Там же.

Список источников

1. Козлов Т. Л. Религиозная правовая традиция: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
2. Сальников М. В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.
3. Сулинов Р. С. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.
4. Демидова И. А. Детерминанты правовой культуры современного белорусского общества: теоретико-правовой аспект : монография. Могилев, 2025.
5. Культурная безопасность: исторические и теоретико-методологические основы : монография / С. В. Снапковская [и др.]. Минск, 2023.
6. Шевцов С. П. Метаморфозы права: право и правовая традиция. М., 2014.
7. Кухаронок Т. И. Родинная обрядность белорусов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1988.
8. Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: этнографический очерк. М., 2015.
9. Гуковский К. П. Свадьба у литовских белорусов. Ковна, 1894.
10. Шпилевский П. М. Фольклорное наследие белорусов. Обряды. Поверья. Минск, 2020.
11. Доўнар Т. І., Сатолін У. М., Юхо Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. Мінск, 2003.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588 : юбілейнае выданне. Мінск, 2010.

УДК 342.5

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-195-200

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Контроль и надзор в контексте государственного управления: взгляд русских «государственников» XIX — начала XX веков

Евгений Александрович Нестеров

кандидат юридических наук, директор Юридического института¹,

✉ jnesterov@yandex.ru

¹ Российский университет транспорта (Москва, Россия)

Статья посвящена историко-правовому анализу генезиса и эволюции института государственного контроля и надзора в России с XI в. по XVIII в. На основе трудов представителей русской государственнической школы Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, В. О. Ключевского и др. предпринимается попытка раскрытия ключевых этапов трансформации управленческих функций: от родовых и вотчинных отношений к формированию централизованного аппарата с четко дифференцированными полномочиями. Особое внимание уделено переходу от частного права к публичному, сопровождавшемуся институционализацией контрольных механизмов. Обосновывает тезис о том, что полноценный государственный контроль как регулярная функция возникает лишь с созданием системного государственного аппарата, что произошло в эпоху реформ Петра I. В качестве вывода констатируется теоретическая и практическая значимость исторического опыта для современного совершенствования контрольно-надзорной деятельности.

Ключевые слова: государственный контроль, история государственного управления, государственническая школа, централизованное государство, приказная система

Для цитирования: Нестеров Е. А. Контроль и надзор в контексте государственного управления: взгляд русских «государственников» XIX — начала XX веков // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 195–200.

Control and Supervision in the Context of Public Administration: the View of Russian Proponents of the Strong State of the 19th — early 20th Centuries

Evgeny A. Nesterov

Candidate of Science (in Law), Director of Law Institute¹,

✉ jnesterov@yandex.ru

¹ Russian University of Transport (Moscow, Russia)

The article is devoted to the historical and legal analysis of the genesis and evolution of the institution of state control and supervision in Russia from the 11th to the 18th century. Based on the works of representatives of the Russian strong state-focused school such as Chicherin B. N., Soloviev S. M., Kavelin K. D., Klyuchevsky V. O. et al., an attempt is made to reveal the key stages of the transformation of managerial functions: from genus-based and patrimonial relations to the formation of a centralized apparatus with distinctly differentiated powers. Particular attention is paid to the transition from private to public law, accompanied by the institutionalization of control mechanisms. The author proves the thesis that full-fledged state control as a regular function arises only with the creation of a systemic state apparatus, which happened in the era of reforms of Peter I. In conclusion the theoretical and practical significance of historical experience for the modern improvement of control and supervisory activities is stated.

Keywords: state control, history of public administration, strong state-focused school, centralized state, order system

Citation: Nesterov E. A. Control and Supervision in the Context of Public Administration: the View of Russian Proponents of the Strong State of the 19th — early 20th Centuries. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 195–200 (In Russ.).

Контроль и надзор как функции государственной власти представляют собой неотъемлемый элемент любого устойчивого политического порядка. Их историческое становление отражает глубинные

процессы институционализации власти, перехода от неформальных социальных связей к регулятивным механизмам, основанным на праве. В отечественной историографии вопрос о происхождении государ-

ственного контроля традиционно рассматривается в рамках дискуссий о генезисе самого государства. Как отмечал Б. Н. Чичерин, «существенный признак, отличающий государство от всех других союзов, состоит в том, что все они юридически подчиняются государству» [1, с. 116]. Эта мысль лежит в основе государственнической школы русской исторической науки XIX в., для которой формирование контрольных функций было неразрывно связано с возникновением публичного права и системного аппарата управления.

Современные вызовы в сфере государственного надзора — от цифровизации контрольных процедур до баланса между регулированием и предпринимательской свободой, неминуемо требуют обращения к историческим корням института контрольно-надзорной деятельности. Понимание того, как в российской традиции складывались механизмы оценки и обеспечения законности и правопорядка, позволяет избежать архаичных или импортированных моделей, не учитывающих национальный управленческий код. В связи с этим актуален анализ взглядов классиков отечественной исторической мысли С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, В. О. Ключевского, А. Д. Градовского, которые в рамках историко-правового и юридико-позитивистского подходов раскрывали динамику государственного строительства. С. М. Соловьев, например, рассматривал государство как «организм», где «органы, выделяясь <...> находились в тесной связи между собою» [2, с. 18], подчеркивая необходимость не только дифференциации функций, но и их координации, в том числе через контроль.

Таким образом, исследование генезиса контрольно-надзорной деятельности в России обладает как теоретической ценностью для понимания специфики российской государственности, так и практической, ввиду необходимости выработки адекватных историческому контексту решений в сфере современного публичного управления. Как известно, контроль и надзор важны для каждого общества и государства на всех этапах их развития, потому что в них заключается оценка государством и, соответственно, обществом качества жизни в различных сферах жизнедеятельности при реализации функций государства.

Заметим, что в исследовании исторических и гносеологических аспектов контрольно-надзорной деятельности необходимо установление момента возникновения института государственного контроля и надзора в России, определение этапов его развития.

Так, отдельные авторы связывают возникновение системы управления и контроля с общей эволюцией общества, проходившей в рамках тысячелет-

ней истории [3, с. 89; 4, с. 39]. А. Андрухович в системе органов управления государством выделяет модель счетоводства и контроля на ранних стадиях формирования государственности Древней Руси [5, с. 75]. А. М. Тарасов не считал данную систему сложившейся, а говорил лишь о генезисе института контроля, считая важным рассматривать, прежде всего, зарождение самого государства с его органами управления, без соответствующей дифференциации на отдельные функции управления в период XI–XIV вв. [6, с. 6].

Постепенно сложившаяся в процессе объединения Руси вокруг Московского княжества система специальных органов государственного управления — приказов — являлась примером создания стабильных органов и учреждений, действующих в сфере управления и контроля.

В. О. Ключевский, характеризуя Судебник 1497 г., отмечал, что в данный период приказы превращались из системы личных поручений в постоянные ведомства [7, с. 317]. Н. В. Платонова считает, что в России государственный контроль создавался вместе с образованием централизованного государства [8, с. 6]. Однако фактически только с XVII в. связывается появление государственного контроля, в основном имевшего форму финансового контроля. Приказы периода XV–XVII вв., осуществляя в целом управление, наделялись верховной властью и контрольными полномочиями. Как отдельный государственный механизм, государственный контроль, безусловно, являлся одной из функций приказов [9, с. 72].

Мы убеждены, что для оформления государственного института контроля необходимо, чтобы возник государственный аппарат с подразделением его на функции, в том числе контрольные.

Развитие государства и отдельных его институтов, включая государственный контроль, в отечественной и зарубежной истории, соответственно, в истории государства и права рассматривается часто с позиций историко-органического подхода на основе исторической схемы эволюции различных стадий развития государства и связанных с ними форм государственных учреждений.

Так, русский историк Т. Н. Грановский в своих трудах по исследованию европейской средневековой истории развития учреждений рассматривал взаимосвязь создания отдельных типов учреждений с отдельными типами и формами права. На примере истории учреждений Древнего Рима и европейских государств периода средних веков он установил методологическую модель, объясняющую динамику эволюции системы учреждений в зависимости от прохождения определенных этапов в развитии государственной формы правления. Анализируя труд Эйхгорна «История германского государства и пра-

ва» (историко-юридическая школа), Т. Н. Грановский полагал, что основной постулат концепции Эверса о возникновении государства и его учреждений из института семьи является недоказанным. По мнению историка, «семейство до или вне государства основано на нравственности, а не на юридическом законе, потому развивает нравственные, а не юридические отношения» [10, с. 105].

Появление государства и системы его учреждений в настоящем смысле слова связывалось Т. Н. Грановским с юридическим подходом, а именно, с усилением у народов понимания о праве, так как значение государства изначально возрастает в силу новой роли, которую играет данный институт как независимый арбитр и посредник в спорах [10, с. 105].

В определенном смысле юридический подход преобладал в целом как методологический критерий в объяснении исторической схемы происхождения государства и его учреждений у сторонников так называемой государственнической школы или, как ее именовали, государственной (юридической) школы в русской историографии второй половины XIX — начала XX вв. Ее концепция являлась продолжением идей развития государства и права немецкой исторической школы права, на базе которой в России оформился и развивался юридический позитивизм, а затем и школа социологии государства и права.

Между тем полагаем, что государство становится тогда государством, когда его функции и учреждения, их осуществляющие, становятся регулярными. Поэтому государственники видели в коллегиальной модели государственного управления Петра I идеал первой, по-настоящему в отечественной истории государственной, формы, так как в этой государственной модели произошла детальная разверстка деятельности властных институтов на функции, органы и учреждения, где впервые четко обозначилась функция государственного контроля.

Историческая модель возникновения государственных учреждений, в понимании К. Д. Кавелина, сформулированная впервые в работе «Записка об освобождении крестьян в России» (1855 г.), ассоциировалась им по-настоящему только с идеей народного представительства*. Поэтому он предлагал построить государство в целом по модели представительного учреждения или на основе системы народного представительства под главенством Земского Собора как высшего органа представительства, управления и контроля с похожей системой органов на местах, а все территориальное устройство страны должно строиться, по его определению, по принципу автоно-

мии общин, союза общин, союза областей [11, с. 29]. Таким образом, функции контроля им ассоциировались с некой моделью самоуправления, которую замыкал Земский Собор.

Модель управления государством в исторической схеме государственных форм К. Д. Кавелина (автономные общины, союзы общин, губернии, Земский Собор) напоминает государственный механизм действия «посредствующих властей» историка С. М. Соловьева. Отмечая значимую роль «двора» по сравнению с «дружиной», С. М. Соловьев подчеркивал, что дружина не могла стать регулярным государственным элементом в системе управления, так как она основывалась на родовых правах, в ней не было понимания даже элемента собственности, связанного с разделением [12, с. 351]. Именно идея собственности в понимании С. М. Соловьева и ее постепенное юридическое оформление приводят к образованию земледельческого государства, соответствующего аппарата по реализации решений верховной власти, исполняющего функции управления и контроля.

Происхождение государства и системы его органов на основе государственнического подхода выглядело как экономико-правовая модель, созданная путем перерастания частного права в право публичное, государственное. Из частного владения возросло «владение» общее или публичное. Так, великий князь распоряжается землей, а жители этой земли называют себя «людьми великого князя», т. е. происхождение государства построено на экономико-правовой модели. В общественной жизни догосударственного периода преобладали частные союзы и лица. В государстве времен Петра I происходит разделение должностей («Табель о рангах»); в наличии — самоуправление и коллегиальное устройство, есть система назначения на должность и выборное начало, что, по мнению С. М. Соловьева, ведет к господству государства и учреждений, в отличие от догосударственного союза, где доминировало господство частных союзов и лиц. Историк в сословном обществе разглядел модель товарищества как новой формы взаимодействия лиц на основе соглашения, что отражается постепенно и на государственном порядке, ведет к обособлению правительственных органов, разделению государственных функций и должностей. Однако как сторонник историко-органического подхода С. М. Соловьев проводил сравнение государства с организмом, отмечая, что при возникновении государства-организма необходимо не только развитие и обособление органов, но и сохранение «тесной связи между собою...» [12, с. 355].

* URL: https://az.lib.ru/k/kawelin_k_d/text_1855_zapiska_ob_osvobozhdenii_krestian (дата обращения: 29.12.2025).

Отсутствие устойчивых юридических основ в допетровской России Б. Н. Чичерин объяснял, прежде всего, недостатками управленческой организации [13, с. 5; 14, с. 31]. По его убеждению, именно юридические начала задают структуру всех общественных прав и отношений, тогда как в догосударственных, мелких союзах подобной юридической жизни не существует. Более того, даже в коллективных системах, где отсутствует доминирующий центр власти, невозможно выработать единый и надежный механизм принятия управленческих решений, согласованный всеми участниками. По мнению Б. Н. Чичерина, в условиях допетровской Руси не существовало четкого юридического определения государственных должностей, регулярного контроля за деятельностью чиновников, точного разграничения административных округов и эффективного областного управления. Все это он связывал с преобладанием частноправовых начал над публично-правовыми. Лишь с XVIII в., в эпоху реформ Петра I, по его оценке, начинается формирование подлинного государственного организма — систематически устроенного, управляемого и регулируемого правом.

Центральным признаком государства, по мнению Б. Н. Чичерина, является его юридическое верховенство: «Существенный признак, отличающий государство от всех других союзов, состоит в том, что все они юридически подчиняются государству, а государство властвует над всеми» [15, с. 3]. Эта верховная власть — не просто фактическое господство, а полнота права, выражающаяся в особом юридическом принципе, «неприменимом ни к какому другому союзу и свойственном исключительно государству» [15, с. 4].

Как отмечал В. О. Ключевский, эволюция титулов русских правителей отражает этот переход от частного к государственному. Если титул «князь» не содержит элементов верховной власти, а «князь-государь» указывает лишь на вотчинное, наследственное владение уделом, то только в формуле «государь-царь и великий князь всея Руси» проявляется национально-политическое содержание власти. В. О. Ключевский, развивая идеи Б. Н. Чичерина, «разворачивает» его тезис о перерастании частного права в публичное, демонстрируя, как в этом титуле соединяются три качества: территориального хозяина Русской земли, старшего среди политических правителей и верховного властителя как национального целого [16, с. 104].

Обращает на себя внимание любопытный момент: Б. Н. Чичерин категорически отвергал возможность возникновения устойчивых общественных форм на основе частного права, поскольку, по его словам, «общество не может отчуждать свои права

в частные руки» [17, с. 35–37]. Подлинные юридические начала в его интерпретации реализуются только в систематически организованном государстве, обладающем институтами представительства, управления и контроля. Эту мысль развивал и С. М. Соловьев, рассматривавший государство как органическую систему, в которой «органы, выделяясь, обозначаясь, находятся в тесной связи между собою... движение, жизнь, прогресс обуславливаются соединением...» [12, с. 355].

Представители так называемой «государственной школы» С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин подчеркивали необходимость опоры на исторические и национальные особенности при формировании государственности, предостерегая от механического заимствования западных моделей. С. М. Соловьев отмечал, что с утверждением системы государственного права договорные отношения уступили место институционализированным формам, что привело к возникновению сословий («чинов») на государственной службе и формированию аппарата управления. «Чем выше организм, чем выше его члены, органы, тем теснее они связаны друг с другом, тем меньше для них возможности одиночного существования. Этот общий закон организма действует и в применении к высшему из организмов, организму общественному» [12, с. 355].

В вопросе генезиса государственности С. М. Соловьев, по мнению ряда исследователей, продвинулся дальше К. Д. Кавелина. Если последний признавал только родовое начало, то С. М. Соловьев выделял также княжеское, правительственное начало, «которое не было государственным, но было родственно ему» [18, с. 99]. При этом К. Д. Кавелин критиковал С. М. Соловьева за недостаточное объяснение самого перехода от родовых к государственным основам: «в концепции Соловьева переход от родовых начал <...> к государственным не нашел достаточного обоснования, откуда взялись государственные начала, он не объясняет» [19, с. 15].

Развитие указанных выше мыслей мы находим в работах А. М. Сахарова, который подчеркивал главный тезис концепции В. О. Ключевского: «Когда нам приходится отвечать на вопрос, как образовалось Московское государство, мы чаще всего отвечаем так: путем возведения частного права в государственное или, проще говоря, путем превращения удельной власти московских князей во всероссийское государство» [20, с. 227]. Таким образом, В. О. Ключевский не просто повторял формулу Б. Н. Чичерина, но исторически конкретизировал ее, раскрывая этапы и содержание этого процесса.

Смену договорных отношений между князьями системой государственного права С. М. Соловьев

прослеживал через анализ княжеских завещаний и договоров, отмечая, что «в завещании Ивана IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который уже носит титул царя» [12, с. 32]. Этот переход породил сословную структуру, подчиненную государству, и механизмы административного контроля. Однако, по мнению С. М. Соловьева, подлинное понимание назначения государства и его органов русское общество получило лишь в эпоху Петра I, когда сформировался слаженный государственный механизм. Именно тогда, по его оценке, государство предстало в виде крупного сословно-представительного учреждения, функционирующего на началах системности и взаимодействия.

Б. Н. Чичерин подчеркивал: «То, что на Западе образовалось само собой вследствие господства союзного духа, у нас учреждено правительством на основании государственных потребностей» [17, с. 36]. Для него государство стало отправной точкой общественного развития России, начиная с XV в. При этом он отвергал общинную теорию происхождения государства, утверждая, что оно возникло не из общины, а из вотчины, что составляет экономико-правовую суть генезиса российской государственности. Петровские реформы он оценивал положительно, как начало взаимодействия с западными правовыми и институциональными моделями [21, с. 457]. Вместе с тем он констатировал, что в российской истории в большей степени развивались не начала права, а начала власти. В условиях слабого государства оно вынуждено было опираться на доминирующие социальные группы, подчиняя им остальные слои общества; с укреплением государственной мощи начинался обратный процесс — раскрепощение и уравнивание сословий.

Анализ исторических источников и доктринальных трудов XIX — начала XX вв. позволяет сделать вывод: институт государственного контроля в России не возник спонтанно, а прошел дли-

тельный путь эволюции — от фрагментарных форм надзора в рамках родовых и вотчинных отношений до системной функции централизованного аппарата. Как справедливо указывает А. М. Тарасов, в XI–XIV вв. речь шла лишь о «генезисе» контроля, поскольку отсутствовала четкая дифференциация управленческих функций [22, с. 54]. Лишь с укреплением Московского государства и формированием приказной системы (XV–XVII вв.) контроль стал неотъемлемой частью государственной деятельности, хотя и оставался преимущественно финансовым и административным.

Переломным моментом стало петровское время, когда, по выражению С. М. Соловьева, русские люди «впервые узнали о настоящем назначении государства» [12, с. 34]. Реформы Петра I, включая «Табель о рангах» и коллегиальную систему управления, создали условия для регулярного, институционализированного контроля как самостоятельной функции власти. Это подтверждает тезис Б. Н. Чичерина о том, что «весь государственный организм получил <...> систематическое государственное устройство» именно в XVIII в. [15, с. 32]. При этом важно подчеркнуть, что русские мыслители предостерегали от слепого заимствования западных моделей. Эта идея сохраняет актуальность и сегодня, когда речь идет о модернизации контрольно-надзорной деятельности в условиях национальных проектов и цифровой трансформации.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует: эффективный контроль возможен только при наличии четкой правовой основы, дифференцированного государственного аппарата и взаимодействия между властью и обществом. Учет уроков истории позволяет не только избежать ошибок прошлого, но и выстроить современную модель «умного» надзора, сочетающего профилактику, прозрачность и ответственность, в духе той «слаженной государственной деятельности», о которой писали русские государственники XIX в.

Список источников

1. Чичерин Б. Курс государственной науки : в 3 т. Ч. III. Политика. М., 1898.
2. История России с древнейших времен // Сочинения С. Соловьева : в 29 т. Изд. 5-е. М., 1878. Т. 4.
3. Ялбулганов А. А. Зарождение государственного контроля в России во второй половине XVII–VIII вв. (историко-правовое исследование) // Государство и право. 2001. № 10.
4. Пахомова Г. Н. Реформы государственного контроля // Контроллинг. 1994. № 2.
5. Андрухович А. Единство триады: счетоводство, отчетность, контроль // Президентский контроль. Информационный бюллетень. 1997. № 1.
6. Тарасов А. М. Становление и развитие государственного контроля на Руси (дооктябрьский период) // История государства и права. 2002. № 2.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М., 1988. Т. 2.

8. Платонова Н. В. Государственный контроль (фискалитет) в России и русское общество в первой четверти XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
9. Петров К. В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
10. Грановский Т. Н. Сочинения. 4-е изд. М., 1900.
11. Иванников И. А. В поисках идеала государственной формы России (из истории рус. полит.-правовой мысли второй половины XIX–XX вв.). Ростов н/Д, 2000.
12. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 16. М., 1991.
13. Зорькин В. Д. Воззрения Б. Н. Чичерина на государство и право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967.
14. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.
15. Чичерин Б. Н. Общее государственное право / под ред. В. А. Томсинова. М., 2006.
16. Ключевский В. О. Специальные курсы // Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 6.
17. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856.
18. Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии. Ленинград, 1977.
19. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.
20. Сахаров А. М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972.
21. Чичерин Б. Собственность и государство : в 2 ч. М., 1882–1883, 1882. Ч. 2.
22. Тарасов А. М. Государственный контроль в России : монография. М., 2008.

**Отзыв официального оппонента на диссертацию
Е. А. Ширшановой «Взяточничество
в органах внутренних дел: криминологический анализ»**

Галина Николаевна Миронова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права¹,

✉ mgn2007@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Для цитирования: Миронова Г. Н. Отзыв официального оппонента на диссертацию Е. А. Ширшановой «Взяточничество в органах внутренних дел: криминологический анализ» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 201–204.

Official Opponent Review of the Dissertation "Bribery in the Law Enforcement Bodies: Criminological Analysis" prepared by E. A. Shirshanova

Galina N. Mironova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminal Law¹,

✉ mgn2007@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Citation: Mironova G. N. Official Opponent Review of the Dissertation "Bribery in the Law Enforcement Bodies: Criminological Analysis" prepared by E. A. Shirshanova. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 201–204 (In Russ.).

Тема диссертационного исследования Ширшановой Екатерины Алексеевны посвящена актуальной проблеме — коррупционной преступности, а именно, взяточничеству в органах внутренних дел, которое является наиболее часто совершаемым в структуре преступлений коррупционной направленности.

Борьба с коррупцией является одним из приоритетов многих стран, так как коррупция негативно сказывается на экономическом развитии, социальной справедливости и доверии к правительству. Эффективное предупреждение коррупции требует не только ужесточения законодательства и наказания виновных, но и создания прозрачных механизмов контроля за деятельностью государственных и частных структур, а также формирования нулевой толерантности к коррупции в обществе.

Актуальность темы диссертационного исследования подтверждается тем, что каждый год количество преступлений, относящихся к взяточничеству, составляет наибольший удельный вес в структуре преступлений коррупционной направленности: в 2019 г. — 44,7 %; в 2020 г. — 47,2 %; в 2021 г. — 53 %; в 2022 г. — 55,1 %; в 2023 г. — 55,7 %; за 6 месяцев 2024 г. — 59 %. Кроме того, исходя из статистических данных, изученных автором, рассматриваемые преступления отмечаются тенденцией к росту.

Необходимо также отметить, что преступления, относящиеся к взяточничеству, совершаемые лицами, проходящими службу в органах внутренних дел, регистрируют чаще, чем подобные преступления, совершаемые должностными лицами иных правоохранительных органов: за 6 месяцев 2024 г. выявлено 372 лица, проходящих службу в ОВД, совершивших преступления, относящиеся к взяточничеству; в 2023 г. — 721; в 2022 г. — 736; в 2021 г. — 652; в 2020 г. — 713; в 2019 г. — 603; в 2018 г. — 601; в 2017 г. — 518 лиц. Данное обстоятельство в очередной раз подтверждает актуальность выбранной темы диссертационного исследования.

Необходимо отметить, что предупреждение взяточничества в органах внутренних дел имеет некоторые проблемы не только в законодательном, но и правоприменительном аспекте. Предупредительная деятельность правоохранительных органов направлена, прежде всего, на коррупционные преступления и иные коррупционные правонарушения, а также на их причины и условия. При этом воздействие на лиц, совершивших рассматриваемые преступления, осуществляется уголовно-правовыми мерами без учета духовно-нравственных и психологических особенностей виновных.

Целью работы является разработка и обоснование мер предупреждения взяточничества в ОВД

с учетом криминологических характеристик данного негативного социально-правового явления и специфики деятельности системы МВД России. Для достижения поставленной цели **автором был решен комплекс задач**, включая обоснование и раскрытие содержания взяточничества как негативного социально-правового явления; характеристику связанных с ним преступных деяний с определением их места в системе коррупционной преступности; определение современного состояния и динамики преступлений, относящихся к взяточничеству, совершенных лицами, проходящими службу в органах внутренних дел; представление криминологического прогноза рассматриваемой преступности; характеристику личности преступника, проходящего службу в органах внутренних дел, совершающего преступления, относящиеся к взяточничеству; в целях предупреждения взяточничества определение специфики криминологического портрета лица, совершающего преступления коррупционной направленности; выявление криминологических особенностей механизма преступного поведения лиц, проходящих службу в органах внутренних дел, совершающих преступления, относящиеся к взяточничеству; проведение компаративного анализа противодействия взяточничеству в органах внутренних дел с учетом зарубежного опыта, на основании которого разработаны предложения по применению некоторых мер предупреждения в уголовном законодательстве Российской Федерации; установление нормативной правовой основы предупреждения взяточничества в органах внутренних дел и определение перспективных направлений криминологического противодействия преступлениям, относящимся к взяточничеству и коррупции в целом в системе МВД России; выявление основных детерминант взяточничества в органах внутренних дел с учетом специфики служебной деятельности в МВД России; раскрытие антикоррупционного стандарта поведения сотрудников органов внутренних дел, его правовой основы; обоснование его соблюдения как одного из приоритетных антикоррупционных направлений; разработку авторской системы мер предупреждения взяточничества в системе МВД России.

Работа имеет логически последовательную, завершенную, выстроенную структуру. Общая структура и логика изложения материала в диссертации Е. А. Ширшановой отражают глубокий и системный подход к исследованию взяточничества в органах внутренних дел.

Достоверность и новизна результатов диссертационного исследования не вызывает сомнений. Несмотря на то что проблеме коррупционной преступности посвящено достаточное количество научных трудов, автор смогла найти некоторые аспекты,

которые ранее не рассматривались другими учеными, и новые подходы в их исследовании. В частности, следует отметить наиболее существенные научные результаты исследования Е. А. Ширшановой:

— предлагается авторское определение взяточничества в органах внутренних дел с учетом специфики МВД России, что позволило разработать универсальную типологию лиц, совершающих преступления, относящиеся к взяточничеству (на основании подробного криминологического портрета личности лица, проходящего службу в органах внутренних дел, совершающего преступления, относящиеся к взяточничеству) (1–3 положения, выносимые на защиту);

— выявлены и систематизированы существенные коррупциогенные факторы, способствующие детерминации взяточничества в органах внутренних дел, учитывая не только организационные аспекты прохождения службы, но и политические, психологические, идеологические и нормативные (6 положение, выносимое на защиту);

— произведен подробный анализ статистических данных о преступлениях коррупционной направленности и лицах, их совершающих, на основании которых представлен криминологический прогноз рассматриваемых преступлений (с. 64–66 диссертации);

— на основании анкетирования осужденных — бывших сотрудников органов внутренних дел, изучения уголовных дел о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, автор делает вывод, что чаще остальных такие преступления совершают сотрудники следующих служб: сотрудники ГИБДД (44 %); участковые уполномоченные полиции (19 %); сотрудники следственных подразделений (12 %); сотрудники подразделений по вопросам миграции (12 %); оперативные сотрудники (8 %); сотрудники дежурных частей территориальных органов МВД России (5 %) (стр. 99 диссертации);

— автор аргументированно утверждает, что антикоррупционный стандарт поведения сотрудников органов внутренних дел является приоритетной мерой профилактики коррупционной преступности на индивидуальном уровне. Рассмотрение ведомственных нормативных правовых актов МВД России, методических рекомендаций Министерства труда и социального развития РФ позволило выявить несогласованность федерального и ведомственного законодательства в части регламентации антикоррупционного стандарта поведения, что затрудняет его реализацию в МВД России (§ 4 главы II диссертационного исследования).

Степень обоснованности и достоверности научных положений, выводов и рекомендаций,

сформулированных в диссертации, обосновывается качеством содержания и объемом использованных источников, образующих теоретическую и эмпирическую основу исследования, применением апробированной методологии научного познания, согласованностью полученных результатов.

Высокая степень апробации результатов диссертационного исследования подтверждается в 17 опубликованных научных статьях автора, четыре из которых вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования были предметом докладов и обсуждений на 18 научно-практических конференциях.

Изложенное позволяет сделать вывод о теоретической и практической значимости диссертационного исследования Е. А. Ширшановой, заключающейся в важности полученных результатов для развития уголовно-правовой и криминологической наук, а также для законотворческой и правоприменительной деятельности.

Диссертация Е. А. Ширшановой содержит в себе решение задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовых наук. На основании изучения текста диссертации, автореферата и списка научных работ, опубликованных соискателем в процессе проведения исследования, можно заключить, что диссертация Е. А. Ширшановой:

1) написана самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты, положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в уголовно-правовые науки;

2) содержит сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов и рекомендаций по использованию научных выводов;

3) прошла необходимую апробацию в научных публикациях и выступлениях на конференциях и форумах международного и всероссийского уровня.

Однако работа имеет некоторые дискуссионные положения.

1. Сформированный автором криминологический портрет личности преступника (положение 2), совершающего преступления, относящиеся к взяточничеству, проходящего службу в органах внутренних дел, на наш взгляд, имеет несколько односторонний характер. Автор акцентировал основное внимание на характеристиках субъекта преступления как сотрудника органа внутренних дел (стаж службы, наличие специфических полномочий и т. д.). При этом иные значимые криминологические характеристики

остались неупомянутыми. Приведенные же автором свойства скорее описывают среднестатистического сотрудника органов внутренних дел, нежели именно взяточника, служащего в ОВД.

Использование более развернутого перечня характеристик, например, уровень образования (наличие именно юридического образования либо учеба в вузе МВД), занимаемая должность (руководящая либо иная), психологические особенности и ценностные установки и т. д. могло бы повысить качество криминологического портрета личности (возможно, это направление для дальнейших научных исследований автора).

2. Выводы, сформулированные во втором и третьем положениях, имеют несомненный научный интерес в части формирования типологии преступников и описания механизма преступного поведения, однако они недостаточно четко показывают специфику взяточничества именно в органах внутренних дел. Такого рода выводы характерны для взяточничества как явления практически в любой из сфер, где оно присутствует. В связи с этим хотелось бы уточнить авторское видение типологии взяточника именно в системе МВД.

3. Недостаточно конкретизированным также представляется и пятое положение, выносимое на защиту. Отсылка автора к категории сотрудников, осуществляющих деятельность «в основном в правоохранительной сфере (предварительное расследование уголовных дел, миграционная, оперативно-розыскная деятельность, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности)», не позволяет выделить каких-либо значимых особенностей рассматриваемого явления. Анализ принадлежности к какой-то конкретной службе в структуре МВД России (уголовный розыск, ГИБДД, УУПиПДН, миграционная служба, следствие, дознание и т. д.) предоставил бы возможность выявить как группу риска, так и малоподверженные криминализации структуры.

4. Представляется дискуссионным предложение автора о необходимости внедрения в отечественное законодательство практики назначения уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью бессрочно (положение 7). Во-первых, такой подход исключительно к сотрудникам ОВД будет являться дискриминационным по сравнению с другими группами взяточников, проходящих службу в иных государственных органах. Во-вторых, предусмотренные в отраслевом законодательстве (федеральные законы «О полиции», «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации...») запреты на прохождение службы в ОВД лицам, ранее судимым за совершение преступления, уже в доста-

точной степени обеспечивают защищенность данных правоотношений. В-третьих, использование бессрочных наказаний как карательного инструмента имеет достаточное количество негативных социальных последствий.

Высказанные замечания в большей степени носят дискуссионный характер и принципиально не влияют на качество проведенного исследования. Содержание диссертации свидетельствует о научной состоятельности и новизне проведенного исследования, о его достаточно высоком научном уровне и прикладном значении. Содержание автореферата соответствует материалу диссертации.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Диссертационное исследование Е. А. Ширшановой на тему «Взяточничество в органах внутренних дел: криминологический анализ» представляет собой законченную самостоятельную научно-квалификационную работу, выполненную по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

2. Диссертация отличается новизной в постановке и разрешении научно-исследовательских задач, которая значительно расширила понимание проблематики за счет комплексного анализа взяточничества в органах внутренних дел, предложения новых понятий и классификаций, а также разработки практических рекомендаций для совершенствования правоприменительной практики. Исследование демонстрирует глубокое понимание сложившихся проблем и предлагает конкретные пути их решения, что является значимым личным вкладом Е. А. Ширшановой в развитие уголовно-правовых наук.

3. Диссертация полностью соответствует требованиям, предъявляемым пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842.

4. Автор Е. А. Ширшанова заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLKIT

УДК 17:34:159.92:141.132:340.132

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-205-210

5.7.6. Философия науки и техники

Синтетическая эмоционально-трансцендентальная теория морали и права

Евгений Владимирович Большаков

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права¹, ✉ relativus@mail.ru

Алексей Станиславович Тимошук

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин²,
✉ timoshchuk_as@33.fsin.gov.ru

¹ Владимирский юридический институт ФСИН России (Владимир, Россия)

² Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(Луганск, Россия)

«Автономия воли» (Autonomie des Willens) — это суть понимания кантовской идеи о цели нравственного воспитания. Моральное конструирование и юридическое нормирование — это практические способности разумного субъекта издавать законы и соблюдать их. В то время как «гетерономия воли», или подчинение закону из страха или традиции, не является фундаментальным критерием оценки нравственного совершенствования в этой идеализированной императивной модели. Движение к нравственному воспитанию означает, что в качестве определяющей основы воли воспитанника должны использоваться универсальные, формализованные априорные моральные императивы, а не внешние принципы давления, и это связано с правовым реализмом.

Ключевые слова: философия права, автономия воли, гетерономия воли, трансцендентальная философия, психологическая теория права, категорический императив, интуитивное право

Для цитирования: Большаков Е. В., Тимошук А. С. Синтетическая эмоционально-трансцендентальная теория морали и права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 205–210.

Synthetic Emotional-Transcendental Theory of Morality and Law

Evgeny V. Bolshakov

Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor at the chair of State and Law Theory and History¹, ✉ relativus@mail.ru

Aleksey S. Timoshchuk

Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Professor at the chair of Humanities
and Social Economic Sciences², ✉ timoshchuk_as@33.fsin.gov.ru

¹ Vladimir Law Institute of Russian Federal Penitentiary Service (Vladimir, Russia)

² Lugansk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Lugansk, Russia)

"Autonomy of the will" (Autonomie des Willens) is the essence of understanding Kant's idea on the purpose of moral education. Moral construction and legal rationing are the practical abilities of a reasonable subject to make and enforce laws, while "heteronomy of the will" or obedience to law out of fear or tradition is not a fundamental criterion for evaluating moral improvement in this idealized imperative model. The movement towards moral education means that universal, formalized a priori moral imperatives should be used as the determining basis of the learner's will, and not external principles of pressure, which is related to legal realism.

Keywords: philosophy of law, autonomy of the will, heteronomy of the will, transcendental philosophy, psychological theory of law, categorical imperative, intuitive law

Citation: Bolshakov E. V., Timoshchuk A. S. Synthetic Emotional-Transcendental Theory of Morality and Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 205–210 (In Russ.).

В статье предпринимается попытка преодолеть традиционное противопоставление деонтологической, трансцендентально-априорной этики Иммануила Канта и психолого-социологической теории морали и права Льва Петражицкого. Целью является разработка основ синтетической концепции — эмоционально-трансцендентальной теории морали и права. Посредством сравнительного анализа демонстрируется, что подходы Канта и Петражицкого соотносятся не как антагонистические, а как уровни условий возможности и эмпирической реализации нормативного феномена. Современный нормативный кризис, проявляющийся в снижении легитимности традиционных правовых институтов, разрыве между декларируемыми моральными принципами и реальным поведением, ставит перед философией и этикой сложную задачу. Требуется переосмыслить основания морали и права таким образом, чтобы они, с одной стороны, сохраняли свою универсальную обязывающую силу, а с другой — не были оторваны от психологической и социальной реальности человека [1, с. 7]. Классическая трансцендентальная этика, вершиной которой является учение Иммануила Канта, предлагает безупречный логический каркас долга, но нередко критикуется за формализм, невнимание к антиномичной диалектике самой жизни. На другом полюсе находится психологическая теория права и нравственности Л. И. Петражицкого, сводящая всю нормативную сферу к многообразию эмоциональных переживаний, но вызывающая сомнения в своей способности обосновать объективность и общезначимость моральных требований.

Актуальность предлагаемого исследования заключается в поиске пути преодоления этой дихотомии. Вызовы со стороны нейронаук, эволюционной психологии и поведенческой экономики, демонстрирующих глубокую укорененность моральных решений в аффективных и интуитивных процессах, делают невозможным простое возвращение к чистому априоризму. Однако и редукция морали к психологии лишает ее нормативной специфики. В связи с этим целью данной статьи является разработка основ синтетической эмоционально-трансцендентальной теории морали и права, призванной объяснить универсальные (трансцендентальные) основания должностования через призму их психологической рецепции и социальной динамики.

Несмотря на значительный объем исследований кантовского наследия и теории Л. И. Петражицкого в отечественной философии, проблема их системного синтеза остается недостаточно раз-

работанной [2–6]. Данная статья призвана восполнить этот пробел, предложив новую теоретическую модель, обладающую революционной новизной за счет интеграции двух считавшихся несовместимыми парадигм.

Критическая философия И. Канта осуществляет «коперниканский переворот» в этике, перенося источник морального закона из внешнего мира (Бог, природа, общественная польза) в саму разумную волю. Моральность поступка определяется не его последствиями, а максимой — субъективным принципом воления, который должен быть сообразен с объективным законом. Этот всеобщий закон, данный разуму априори, и есть категорический императив, формулируемый И. Кантом в нескольких редакциях, ключевая из которых гласит: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [7, с. 260]. Автономия воли является краеугольным камнем этой конструкции. Сущность моральной личности состоит в ее способности самозаконотворчества (автономии), в отличие от гетерономии, когда воля определяется внешними по отношению к ней склонностями или приказами. Таким образом, И. Кант обосновывает априорное, внеэмпирическое основание морали. Чувства, склонности, психологические особенности — все это относится к области явлений (феноменов) и не может служить основой для безусловного должностования, которое принадлежит миру умопостигаемому (ноуменальному миру свободы) [8].

Долг выступает у И. Канта как необходимость совершения поступка из уважения к моральному закону. Чувства, включая положительные (симпатия, сострадание), не отвергаются, но лишаются статуса морального мотива. Их роль — вспомогательная, они могут способствовать исполнению долга, но не определять его. Строгость и чистота кантовской этики состоит именно в этом радикальном отделении сферы нормативного должностования от сферы эмпирической психологии. Моральный закон имеет трансцендентальный статус: он является условием возможности того специфического опыта, который мы называем моральным, — опыта безусловной обязательности.

В полной противоположности кантовскому априоризму строится теория Л. И. Петражицкого, который переносит исследование права и нравственности из сферы спекулятивной философии в плоскость эмпирической психологии. С его точки зрения, право и мораль суть не объективные сущ-

ности или идеи, а психические переживания, обладающие определенными характеристиками. Так, Л. И. Петражицкий отмечает: «Специфическая природа явлений права, нравственности, эстетики, их отличия друг от друга и от других переживаний коренятся не в области интеллектуального, а в области эмоционального, импульсивного в нашем смысле их состава» [9, с. 83].

Ключевым понятием у Л. И. Петражицкого являются императивно-атрибутивные эмоции. В отличие от чисто императивных переживаний нравственности (чувства долга, имеющие односторонний, обязывающий характер), правовые эмоции двусторонни. Они содержат не только императив (обязанность для другого), но и атрибуцию (притязание, право для себя). «Я должен уплатить долг» — это императивная этическая эмоция. «Он должен мне вернуть долг, и я имею право этого требовать» — это императивно-атрибутивная правовая эмоция [9, с. 122]. Таким образом, право имманентно присутствует в психике индивида в форме специфических переживаний.

Отсюда вытекает учение о двуединстве права официального (позитивного) и интуитивного (психологического) [9, с. 377]. Интуитивное право — это живая, динамичная система эмоциональных переживаний конкретных индивидов и групп, которая часто расходится с зафиксированными в законах нормами. Именно интуитивное право, по Л. И. Петражицкому, является первичным социальным регулятором. Законодатель, игнорирующий его, обречен на неэффективность.

Социальная функция права, таким образом, состоит не в насильственном подчинении, а в «мотивационном приучении», в воспитании и гармонизации массовых эмоционально-интуитивных переживаний. Эту задачу должна выполнять «политика права» — сознательная деятельность по приведению позитивного права в соответствие с прогрессивными интуитивно-правовыми убеждениями общества. Теория Л. И. Петражицкого радикально психологизирует и социологизирует нормативную сферу, делая ее предметом эмпирического изучения.

Конструируя критический обмен между двумя теоретиками с точки зрения точек их сопряжения, приходишь к выводу, что, на первый взгляд, диалог между И. Кантом и Л. Петражицким невозможен. Их расхождения фундаментальны.

1. Основание нормативности: у И. Канта — априорный разум (трансцендентальный субъект); у Л. Петражицкого — эмпирическая психика (психологический субъект).

2. Роль эмоций: для И. Канта чувства — помеха или, в лучшем случае, нейтральный фактор для морального мотива; для Л. Петражицкого — сама суть права и нравственности.

3. Метод: дедуктивный, трансцендентальный (И. Кант) индуктивный, психолого-социологический (Л. И. Петражицкий).

Однако именно эта кажущаяся несовместимость открывает пространство для продуктивного синтеза. Вопрос можно поставить иначе: не являются ли эти теории описаниями разных, но взаимосвязанных уровней одного феномена?

Точки сопряжения могут быть найдены в следующих аспектах.

1. Форма всеобщности. Кантовский категорический императив требует мыслить максимум как всеобщий закон. Л. И. Петражицкий, описывая правовые эмоции, отмечает, что они имеют проектную природу, обращены к «другому» и имплицитно содержат идею взаимности и универсализации («все в подобной ситуации должны действовать так»). Эта имплицитная универсальность в психологических переживаниях может быть интерпретирована как эмпирическое отражение трансцендентальной структуры морального сознания.

2. Интуитивное право как феноменальная реальность морального закона. Можно предположить, что категорический императив как ноуменальная структура является условием возможности специфического класса психологических явлений. Интуитивно-правовые переживания (особенно связанные со справедливостью) — это тот способ, каким априорный закон свободы дан нам в психологическом опыте. И. Кант описывает «чистую» форму, Л. И. Петражицкий — ее «наполненное» психологическое содержание в социальном контексте.

3. Автономия и социальная динамика. Кантовская автономия — это идеал индивидуального морального законодательства. Л. И. Петражицкий описывает процесс intersubъективного согласования автономий через столкновение и гармонизацию императивно-атрибутивных эмоций. Динамика интуитивного права представляет собой социальный аналог процедуры универсализации максим.

Таким образом, конфликт между априорным и эмпирическим снимается, если рассматривать их в отношении трансцендентального основания и его феноменальных проявлений.

Отечественная философская традиция содержит глубокие исследования как кантовской, так и петражицковской проблематики, хотя прямой синтез между ними редко становился предметом специального рассмотрения.

В кантоведении фундаментальные труды В. Ф. Асмуса, Т. И. Ойзермана, Л. А. Калининкова были направлены на прояснение сложных вопросов о свободе, автономии и моральном законе [2; 10; 11]. Особую ценность представляет анализ связи теоретического и практического разума, где подчеркива-

ется активная, законодательствующая роль последнего. Эти работы создали прочную основу для понимания нормативной строгости кантовского подхода, однако, как правило, оставались в рамках классической интерпретации, дистанцируясь от психологических и социологических редуций.

Исследования наследия Л. И. Петражицкого в советский и постсоветский периоды были малочисленны и носили в основном правоведческий и социологический характер. Например, В. А. Туманов высоко оценивал эвристический потенциал психологической теории права для понимания механизмов правового поведения, формирования правосознания и причин правового нигилизма [6]. К. В. Казарян и Е. В. Тутинас акцентировали внимание на том, что интуитивное право является ядром социального порядка, тогда как позитивное право используется лишь при возникновении конфликтных эпизодов и для урегулирования отдельных вопросов, носящих технический характер [4, с. 33]. Критика в адрес Л. И. Петражицкого чаще всего касалась именно релятивизма и невозможности на основе чистого психологизма вывести общеобязательные нормы.

Попытки наведения мостов между нормативной философией и социально-психологической реальностью можно найти в работах более широкого плана. А. А. Гусейнов, развивая идеи универсализации, имплицитно связывает кантовскую процедуру с социальными условиями диалога и признания [3]. В. С. Степин в концепции типов цивилизационного развития и научной рациональности рассматривал нормативные структуры как исторически формирующиеся, но обладающие внутри своего типа априорными характеристиками, что открывает возможность для сопоставления с динамикой интуитивного права [12]. Однако эти подходы не ставили прямой задачи синтеза И. Канта и Л. И. Петражицкого.

Таким образом, в современной российской литературе существует отчетливый запрос на теорию, которая могла бы, не теряя нормативной силы кантовского априоризма, включить в себя богатый эмпирический материал, накопленный психологической и социологической школами, восходящими к Л. И. Петражицкому.

На основе проведенного анализа предлагается модель эмоционально-трансцендентальной теории морали и права. Ее ядро составляет тезис о двухаспектной природе нормативного феномена.

1. Трансцендентальный аспект (кантовский слой). Это уровень условий возможности морально-правового опыта. Ему принадлежат:

— структура автономии: способность воли к самодетерминации согласно всеобщему закону;

— процедура универсализации: имманентная логика проверки максимы на возможность быть всеобщим законом;

— идея царства целей: регулятивный идеал общества автономных законодательствующих существ.

Эти структуры не являются психологическими или социологическими фактами. Это априорные «рамки», которые делают возможным само существование специфически человеческого феномена безусловного долженствования и взаимных притязаний.

2. Эмоционально-феноменальный аспект (слой Петражицкого). Это уровень эмпирической реализации трансцендентальных структур в индивидуальном и коллективном сознании. Сюда относятся:

— императивно-атрибутивные и чисто императивные эмоции как психофизиологическое «вложение» долга и права;

— интуитивное право как живая, постоянно изменяющаяся система таких эмоциональных переживаний в обществе;

— социальная интеракция эмоций — процесс взаимного «предъявления» атрибуций и признания императивов, который и составляет ткань правовой коммуникации.

Новизна и синтез предлагаемой теории заключается в том, что трансцендентальные структуры первого аспекта каузально не порождают, но конституируют как возможные переживания второго аспекта. Чувство справедливости или несправедливости (императивно-атрибутивная эмоция) — это не просто биологический или социальный импульс. Это переживание, смысл которого задан априорной структурой взаимного признания автономных волей. Л. И. Петражицкий описывает «что» и «как» этих переживаний, И. Кант объясняет, «почему» они имеют именно такой, а не иной нормативный характер.

Модель динамического права подразумевает, что в этой парадигме право предстает как динамическая система. Его трансцендентальным идеалом является априорный принцип справедливости (как совместимость свобод), а эмпирическим двигателем — постоянный эмоционально-интуитивный диалог в обществе, столкновение и гармонизация атрибуций. Позитивное право (законы) является не высшей истиной, а временным, подлежащим критике «снизу» (со стороны интуитивного права) и «сверху» (со стороны идеала справедливости) компромиссом в этом диалоге.

Востребованность модели многоаспектна. Во-первых, генеративное знание заставляет сопоставлять новые формы отношений (например, с алгоритмами) через призму возникающих инту-

итивно-правовых эмоций и интуиций («имею ли я право на объяснение решения?») и проверять их на соответствие процедуре универсализации.

Во-вторых, биоэтические споры о границах жизни, редактировании генома могут быть осмыслены как столкновение различных интуитивно-правовых комплексов, требующих выявления их имплицитных максим и их универсализации.

В-третьих, синтез создает основания для следующих когнитивных исследований морали, где теория дает философскую интерпретацию данным нейронаук о роли эмоций в моральных суждениях, показывая, что эти эмоции не отменяют, а конкретизируют лежащие в их основе трансцендентальные структуры рациональности.

Проведенный сравнительный анализ критической философии И. Канта и психологической теории Л. И. Петражицкого позволил выйти за рамки их традиционного противопоставления и наметить путь к построению интегральной концепции морали и права.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Философия И. Канта и теория Л. И. Петражицкого описывают два взаимодополняющих аспекта единого нормативного феномена: трансцендентальный (априорные условия возможности долга и права) и эмоционально-феноменальный (эмпирическая психологическая реализация этих условий в индивидуальных и коллективных переживаниях).

Предложенная эмоционально-трансцендентальная теория снимает абстрактность кантовского подхода, вводя его в социально-психологический контекст, и одновременно придает психологизму Л. И. Петражицкого недостающее философско-нормативное основание, защищая его от релятивизма.

Ключевым синтетическим понятием становится интуитивное право, интерпретируемое как феноменальная, динамическая форма существования морального закона в обществе, возникающая в процессе интересубъективного согласования автономий через эмоционально-интуитивный диалог.

Существенно, что психологическая теория права Л. И. Петражицкого оказала влияние на разработку современной концепции правовой жизни. Так, видный российский правовед, основатель современной психологической теории права А. В. Малько, разрабатывал концепцию правовой жизни с опорой на учение Л. И. Петражицкого.

Концепция правового режима А. В. Малько учитывает не только сочетание юридических средств, но и социальное состояние, степень благоприятности / неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права. Иначе говоря, А. В. Малько применяет принцип прямого воздействия внутренних переживаний человека на право и государство для развития современной правовой науки, а свою концепцию правовых режимов ученый синтезировал социально-психологическим образом. Правовые поощрения и льготы, привилегии и иммунитеты, цели и средства в праве, правовые акты, правовые режимы — все это учитывается в контексте социально-психологических регуляторов [13; 14].

Теория обладает значительным эвристическим потенциалом для междисциплинарных исследований, предлагая философский каркас для осмысления вызовов современности в сфере цифрового права, биоэтики и когнитивистики, где разрыв между нормативной теорией и эмпирической практикой особенно ощутим.

Таким образом, синтез идей И. Канта и Л. И. Петражицкого открывает перспективу для построения жизнеспособной и актуальной теории морали и права, отвечающей как на требование универсальной обоснованности, так и на необходимость укорененности в человеческой природе и социальной реальности. Трансцендентальные структуры автономной воли и категорического императива интерпретируются как основание, порождающее специфический класс психологических переживаний — императивно-атрибутивные эмоции, которые, в свою очередь, становятся «тканью» социально-правовой реальности. Психологизм Л. И. Петражицкого обретает нормативную основу в априоризме И. Канта, а абстрактность кантовского морального закона находит механизм своей социальной конкретизации и динамики в теории эмоций. Систематизирован вклад ведущих российских исследователей по данному вопросу. Предложенная модель обладает эвристическим потенциалом для решения актуальных проблем философии права, биоэтики и когнитивных исследований морали. Развитие философии часто обвиняют в избыточности теоретизирования, однако при внимательном рассмотрении и применении комплементарной логики выясняется, что многие концепции дополняют друг друга или что концепции выражаются принципиально гомологическими, но несколько иными категориальными средствами.

Список источников

1. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М., 1995.
2. Асмус В. Ф. Иммануил Кант (к двухсотпятидесятилетию со дня рождения). М., 1973.

3. Гусейнов А. А. Философия — мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб., 2012.
4. Казарян К. В., Тутинас Е. В. Роль теории интуитивного права Л. И. Петражицкого в разрешении социальных конфликтов // Юрист-Правоведъ. 2015. № 2(69).
5. Жуковская Н. Ю. Личность, общество и государство в политико-правовых воззрениях Л. И. Петражицкого // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 7.
6. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М., 1971.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения : в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1.
8. Тимощук Е. А. Кант и феноменология // Мировоззренческая парадигма в философии: взаимоотношение онтологии и гносеологии как философская проблема (к 300-летию И. Канта). Н. Новгород, 2024.
9. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
10. Калинин Л. А. Проблемы философии истории в системе И. Канта. Л., 1978.
11. Ойзерман Т. И. Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). М., 2008.
12. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2003.
13. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Известия высших учебных заведений. 1999. № 2(225).
14. Малько А. В. От политики права к правовой политике // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3(85).

УДК 343.97:140.8

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-211-216

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Противодействие русофобии в трансформирующемся мировом сообществе: детерминанты, угрозы и механизмы нейтрализации

Сергей Анатольевич Буткевич

Заслуженный юрист Республики Крым, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и гражданского права¹,

✉ sbutkevich@mvd.ru

¹ Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (Симферополь, Россия)

Проведен комплексный анализ русофобии как полиаспектного вызова, эволюционирующего в условиях трансформации мирового порядка и геостратегических противостояний. Рассмотрены ретроспективные и современные детерминанты и проявления этого явления, включая правовые, социально-психологические и информационные аспекты, с акцентом на модифицирующиеся угрозы национальной и ментальной безопасности российских граждан и соотечественников за рубежом. Исследована концепция «русского мира» как социокультурного и политического феномена, охарактеризованы исторические, философские, правовые и организационные аспекты ее формирования, институционализации и эффективного продвижения.

Особое внимание уделено методологическим подходам к определению содержания рассмотренных концептов, их реальных и потенциальных сторонников и оппонентов. Предложена система мер противодействия русофобии, включающих совершенствование организационно-правового обеспечения, расширение номенклатуры инструментов мягкой силы, модернизацию методов обеспечения устойчивости и способов популяризации концепции «русского мира».

Ключевые слова: гибридная война, «русский мир», ментальная безопасность, мягкая сила, национальная безопасность, противодействие русофобии, традиционные ценности и смыслы

Для цитирования: Буткевич С. А. Противодействие русофобии в трансформирующемся мировом сообществе: детерминанты, угрозы и механизмы нейтрализации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 211–216.

Combating Anti-Russian Sentiment in a Transforming World Community: Determinants, Threats, and Neutralization Mechanisms

Sergey A. Butkevich

Honoured Lawyer of the Republic of Crimea, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Constitutional and Civil Law¹,

✉ sbutkevich@mvd.ru

¹ Crimea Branch of the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Simferopol, Russia)

A comprehensive analysis of anti-Russian sentiment as a multifaceted challenge evolving in the context of the transformation of the world order and geostrategic confrontations was carried out. Retrospective and modern determinants and manifestations of this phenomenon are considered, including legal, socio-psychological and informational aspects, with an emphasis on modifying threats to the national and mental security of Russian citizens and compatriots abroad. Under consideration is the concept of the "Russian world" as a sociocultural and political phenomenon, the historical, philosophical, legal and organizational aspects of its formation, institutionalization and effective promotion being described.

The focus is made on methodological approaches to establishing the content of the studied concepts, their real and potential supporters and opponents. A system of measures to combat anti-Russian sentiment is proposed, including improving organizational and legal support, expanding the range of soft power instruments, modernizing methods of ensuring stability and ways to popularize the concept of the "Russian world."

Keywords: hybrid war, "Russian world", mental security, soft power, national security, combatting anti-Russian sentiment, traditional values and meanings

Citation: Butkevich S. A. Combatting Anti-Russian Sentiment in a Transforming World Community: Determinants, Threats, and Neutralization Mechanisms. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 211–216 (In Russ.).

Современный этап международных отношений характеризуется глубокой поляризацией всей системы мироустройства, где феномен русофобии постепенно перерос из маргинального явления в неотъемлемый элемент основ государственной политики ряда недружественных России стран и приоритетных стратегий их блоков, союзов и альянсов [1, с. 33–47]. Если раньше со стороны отдельных стран наблюдались эпизодические всплески предвзятого либо негативного отношения к Российской Федерации, ее гражданам, культуре и истории [2, с. 161–162], то сегодня коллективным Западом открыто ведется полномасштабная гибридная война, в которой информационно-психологическая составляющая, направленная на дискредитацию всего русского, играет ведущую роль. Это последовательная и агрессивная кампания, спланированная информационно-психологическая операция, имеющая вполне конкретные геополитические и стратегические цели — международную изоляцию и подрыв суверенитета России, умаление ее значимости и роли в глобальной истории и современном мире, девальвацию и разрушение традиционных ценностных ориентиров и смыслов.

В этих условиях противодействие русофобии становится не абстрактной задачей, а вопросом обеспечения национальной и ментальной безопасности миллионов людей, идентифицирующих себя с русской историей, культурой и языком, независимо от их места рождения, проживания и национальности. Наша «научная разведка» — это переосмысление данной угрозы, ее детерминант и модификаций с разработкой возможных направлений противодействия, в том числе благодаря популяризации концепции «русского мира».

Исторический экскурс показывает, что негативное восприятие России на Западе имеет глубокие корни [3, с. 8–16]. Еще в XV–XVII вв. в Европе формировался ее образ как варварской, нехристианской и империалистической силы, что было связано с ее интенсивным развитием, увеличением сфер влияния и религиозными различиями. Путевые заметки западных дипломатов, таких как австриец Сигизмунд фон Герберштейн и англичанин Джайлс Флетчер, пестрели описаниями суеверий, жестокости и отсталости русского общества, закладывая основу для стереотипов и заблуждений на столетия вперед.

В XIX в. этот образ был инструментализирован в политических целях. Наполеон Бонапарт, например, активно спонсировал публикации, в которых Российская империя представлялась как угроза всей Европе, используя сфабрикованное «Завещание Петра Великого». Позднее в рамках «Большой

игры» британская риторика была направлена на создание образа России как государства, стремящегося к господству в Южной и Центральной Азии, что породило волну русофобии в европейских странах [4, с. 43–72].

В XX в. наиболее чудовищную форму русофобия приняла в идеологии нацистской Германии. Адольф Гитлер писал о славянах как о «недочеловеках» и представителях «низших рас», а его «стратегия голода» и генеральный план «Ост» ставили целью физическое уничтожение и выселение десятков миллионов русских, белорусов и украинцев для освобождения «жизненного пространства» в рамках реализации программы территориальной экспансии [5].

Современная русофобия, достигшая пика после начала специальной военной операции, является синтезом и апофеозом этих исторических наследий и новейших технологий [6; 7]. Если ранее основными источниками и каналами ее распространения были литература и средства массовой информации, то сегодня это цифровые медиа и социальные сети, позволяющие беспрепятственно тиражировать откровенно дискриминационные нарративы с беспрецедентной скоростью и колоссальным охватом. Другими словами, перформативная западная риторика вокруг украинско-российского конфликта стала катализатором новой волны отторжения и неприятия всего русского.

С точки зрения юриспруденции, русофобия проявляется в форме институциональной дискриминации. Речь идет о многочисленных нарушениях прав и свобод российских граждан за рубежом. Так, с весны 2022 г. в Польше, Болгарии, Франции, Великобритании и странах Прибалтики наблюдались массовые случаи незаконных увольнений русскоязычных специалистов, отчисления студентов из вузов по национальному признаку, блокировки и закрытия банковских счетов российских граждан без объяснения причин, отказы в оказании медицинских и иных услуг, воспрепятствования деятельности медиа, а также попытки национализации имущества российских компаний и граждан. Кроме того, фиксировались случаи депортаций, нападения на русскоязычных граждан и посольства, осквернение и уничтожение мемориалов и памятников советским воинам-освободителям [8]. Ответом на эти вызовы стало включение понятия «русофобия» в Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации (2024 г.). В документе она определена как неприязненное, предвзятое, враждебное отношение к российским гражданам, русскому языку и культуре, традициям и истории России, а также указано, что украинский

кризис используется для разжигания агрессивных русофобских настроений в мире.

В то же время следует признать, что социально-психологический аспект русофобии наиболее деструктивен. Целенаправленная демонизация России и русских в западных медиа ведет к глубокой деформации и последующей деградации общественного сознания. В подсознании зарубежного потребителя такого токсичного контента манипулятивно формируется образ «врага», который должен оправдывать и даже поощрять любые формы дискриминации, агрессии, жестокости и насилия в киберпространстве и физическом мире по отношению ко всему русскому [9, с. 728–730]. Для российских граждан и соотечественников за рубежом это создает атмосферу постоянного психологического давления, приводит к чувству страха и утрате связи с исторической Родиной, представляя реальную угрозу для их ментальной и физической безопасности. Например, на рубеже веков киевский режим, находясь под внешним давлением, экстренно и кардинально изменил курс «Украина — не Россия» Л. Кучмы на «Украина — анти-Россия» В. Зеленского, осуществив безапелляционный переход от демократических завоеваний, дружбы братских народов и традиционных ценностей к псевдолиберальным ориентирам, русофобии и неонацистскому дискурсу, физически устраняя даже тех, кто не поддерживал или просто сомневался в правильности выбранного западными кукловодами вектора.

В условиях тотальной медийной и информационной блокады и агрессивной внешней политики стран коллективного Запада на первый план выходят инструменты неуниверсальной мягкой силы, основанные не на государственных инициативах, директивах и планах, а на горизонтальных народных связях. Так, стержневую роль здесь может играть Международное движение русофилов (далее — МДР), созданное в 2023 г. и объединяющее представителей общественности, политиков и деятелей культуры из более чем 130 стран. Его динамичная и интерактивная народная дипломатия позволяет обходить официальные запреты, вводимые санкции и доносить альтернативную точку зрения напрямую до иностранных аудиторий, увеличивая количество друзей и союзников Российской Федерации [10, с. 171].

Кроме того, представляется целесообразным активизировать работу по следующим приоритетным направлениям противодействия русофобии.

1. Совершенствование правозащитных механизмов. Необходимо продолжить документирование каждого случая дискриминации русскоязычного населения за рубежом с последующим представлением сводных докладов на международных площадках, включая Генеральную Ассамблею ООН. Требуется

создание международного правового прецедента, квалифицирующего русофобию именно как форму расовой и этнической дискриминации. Такая работа уже проводится (например, на сайте МДР в разделе «Право — мониторинг русофобии»), но пока бессистемно, точечно и преимущественно инициативно.

2. Глубокая интеграция цифровых технологий в практики мягкой силы. Для распространения востребованного и качественного культурного и образовательного контента на русском языке следует интенсивнее развивать альтернативные цифровые платформы, поддерживать лидеров мнений, блогеров, общественников, спортсменов, деятелей культуры и искусства, идеологических предпринимателей, продвигающих имидж страны за рубежом и способных развенчивать антироссийские мифы для иностранной аудитории.

В качестве иллюстрации можно привести пример со ставшей популярной и вирусной в октябре 2024 г. композицией «Сигма Бой» малолетних российских блогеров. Очевидно, что в русофобских странах трендовый трек был расценен как часть информационной войны Российской Федерации, используемой для формирования и продвижения своего привлекательного образа и позитивного имиджа на международной арене в результате размывания мейнстримового критического отношения к российскому контенту и содействия его возвращению в глобальное культурное и информационное пространство. Кроме того, проведенное украинскими и западными аналитиками исследование данного «инструмента пропаганды» показало, что концепт сигма-человека описывает независимого, уверенного в себе персонажа, который действует по своим правилам, полностью совпадая с традиционным для России культом «сильной руки». По итогу был сделан вывод о том, что Россия годами использует культуру как оружие и подобные архетипы, чтобы продвигать идею авторитарного правления, где доминирует сильный лидер. Вместе с тем в данной композиции посылкратно усиливается, закрепляя у подростков и молодежи идею о маскулинности, неуважении и пренебрежении слабыми.

3. Усиление историко-просветительской работы. Ключевые задачи — противодействие фальсификации истории и нейтрализация последствий эпохи постправды. Проекты, подобные МДР, должны получать максимальную поддержку и всестороннее содействие их деятельности по изданию исторической литературы и организации дискуссий за рубежом.

При этом следует учитывать и возможные меры противодействия со стороны русофобски настроенных стран и (контр)элит [11, с. 37–39]. Так, в ряде стран Европейского Союза и на Украине неоднократно звучат призывы к запрету демонстрации попу-

лярного мультфильма «Маша и Медведь». Его критика ведется по нескольким направлениям — от обвинений в коммерческой экспансии до приписывания ему функций тайного психологического оружия, что в итоге квалифицируется как одна из угроз национальной безопасности Украины.

4. Консолидация русскоязычной диаспоры. Необходимо создавать за границей «русский мир» из диаспоры, члены которой интегрированы в местный социум и могут повлиять на зарубежную общественность. Однако следует учитывать, что определенный диссонанс в данную работу могут вносить так называемые «релоканты» — российские граждане, добровольно и сознательно покинувшие страну после начала специальной военной операции, в том числе медийные личности, «оппозиционеры», олигархи и лидеры мнений. Часть из них и их асоциальная активность (преимущественно в информационном поле) до сих пор поддерживаются зарубежными правительствами и специальными службами, что создает риски их использования для дестабилизации ситуации в России. Именно поэтому в Российской Федерации они признаны иностранными агентами, экстремистами и (или) террористами.

Что касается концепции, методологии и смыслов «русского мира», то данный феномен в последние два десятилетия превратился из интеллектуального проекта в один из важнейших элементов российского публичного дискурса. В частности, считается, что при конституционном запрете государственной идеологии данная концепция де-факто выполняет многие ее функции, предлагая рамки для самоидентификации и консолидации не только граждан России, но и многомиллионной русскоязычной диаспоры.

Сегодня «русский мир» — это термин без однозначной трактовки, «пустой знак», что позволяет политическим элитам закреплять за ним нужный смысл в зависимости от ситуации. Такая конъюнктурная гибкость является как его слабостью, так и силой. В научном дискурсе можно выделить три основных подхода к его осмыслению. Первый — культурно-цивилизационный — наиболее популярный подход, который определяет «русский мир» как особую цивилизационную общность, скрепленную общими ценностями, русским языком, культурой и единой исторической памятью. В рамках этого подхода доминирующими признаками принадлежности выступают не гражданство или этническая принадлежность, а причастность к русской культуре и языку. Этот конгломерат мыслится как сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке, причем за пределами России проживает едва ли не половина «русского мира».

В свою очередь религиозный подход, несмотря на декларируемую светскость Российского государства, тесно переплетается с культурным. Русская православная церковь (далее — РПЦ) сыграла значительную роль в разработке и продвижении данной концепции как русской идеи, «русского духа» [12]. Патриарх Кирилл, например, заявлял, что «русский мир» — это та самая особая цивилизация, к которой принадлежат люди, называющие себя разными именами — русские, украинцы, белорусы¹. То есть преимущественно РПЦ обеспечивает концепции морально-этическое основание и предоставляет доступ к большой консервативной и нелиберальной аудитории.

И наконец, геополитический подход акцентирует внешнеполитическое и стратегическое измерения концепции. Здесь «русский мир» обычно представлен как инструмент мягкой силы и геостратегического влияния, используемый для объединения государств (регионов, территорий), которые Россия считает сферой своих интересов. Именно этот аспект вышел на первый план в 2014 г. и 2022 г., когда концепция стала одной из идеологических составляющих, социальной тканью и форсайт-сценарием для воссоединения России со своими каноническими и историческими регионами.

Итак, целевая аудитория «русского мира» предельно широка и размыта, что является следствием его драфтовости и концептуальной неоднозначности. Тем не менее центральное место в ней занимают соотечественники — члены русской диаспоры и русскоязычные меньшинства, оставшиеся жить в странах ближнего зарубежья после распада СССР. Это скорее символическое, нежели юридическое понятие, основанное на эмоциональной привязанности к общим культурным нарративам, истории и русскому языку. Именно поэтому недружественными странами и оппонентами концепция представляется не как культурный проект, а как оправдание экспансионистской внешней политики. Считается, что Российская Федерация определяет «русский мир» как сообщество тех, кто говорит и думает по-русски, что позволяет заявлять безусловные права на территории других государств. Это главный фактор, благодаря использованию которого коллективный Запад пытается подорвать легитимность концепции, дискредитировать эту национальную идею, маргинализировать ее идеологов и проводников и заранее стигматизировать потенциальных сторонников и последователей.

Именно поэтому для работы с целевой аудиторией должен применяться широкий арсенал инструментов и слоев воздействия мягкой силы. Ведущую

¹ URL: <http://www.arh-eparhia.ru/news/643144227> (дата обращения: 02.03.2026).

роль здесь играют специализированные институты, например, созданный в 2007 г. фонд «Русский мир», который поддерживает и продвигает русский язык в мире, в том числе благодаря открытию кабинетов русского языка и русских центров, укрепляет его позиции как языка международного общения и генерального способа повышения значимости Российской Федерации в мировом гуманитарном пространстве. Фонд продвигает консервативный ценностный ряд, включающий коллективизм, историческое единство народов России и служение Отечеству.

Как уже подчеркивалось выше, важным каналом влияния остаются РПЦ и ее зарубежные учреждения, которые, по «экспертным» оценкам иностранных аналитиков, служат фасадом для деятельности российских специальных служб. Несомненно, активное вовлечение РПЦ в продвижение околосударственной повестки может скомпрометировать сами конфессиональные институты в глазах части верующих и позволит дискредитировать любые попытки ограничить эту деятельность как вмешательство в религиозные вопросы. Одновременно с этим в самой России концепция периодически отождествляется с мессианством, а потому сталкивается с вызовом формирования общегражданской идентичности в многонациональной и поликонфессиональной стране. Как справедливо подчеркнул патриарх Кирилл, итеративная формула «Россия — многонациональная и многоконфессиональная» на практике часто превращается в попытку переформатировать наше Отечество в «безнациональное и бесконфессиональное»². Иначе говоря, «русский мир» иногда может пониматься как русско-православный, что способствует неприятию или отторжению у представителей других народов и конфессий, поэтому, на наш взгляд, религиозная тематика не должна быть ярко выраженной, основополагающей и рельефной в исследуемой концепции.

Учитывая изложенное выше, дальнейшее развитие стратегии «русского мира» требует определенной корректировки. Во-первых, это касается смещения акцента с геополитики на гуманитарное сотрудничество. Для преодоления имиджа инструмента гибридной войны и государственной квазиидеологии имперской направленности в глазах и сознании иностранного обывателя как потенциального сторонника данной идеи необходимо полностью демилитаризовать повестку и децентрализовать риторику вокруг продвигаемой концепции. Целесообразно сделать упор на поддержку русского языка, образования, научных обменов, создание культурных продуктов и брендов для экспорта по всему миру, по-

зиционируя их как общее достояние, а не приемы и способы влияния. Это позволит снизить уровень противодействия дисперсии данной идеи со стороны недружественных и враждебных стран и укрепить доверие международного сообщества.

Во-вторых, требуется совершенствование работы с диаспорой. Вместо энтропии и повсеместного создания представительств следует сосредоточить ресурсы на их качестве, а не количестве. Для этого необходимо проводить мониторинг и аудит функционирующих за рубежом амбассадоров, центров и филиалов, закрывая неэффективные и усиливая те, что работают успешно, обеспечивая их прагматичной мотивацией и профессиональными кадрами. В то же время в основной смысловой надстройке и сквозной логике рассматриваемой экосистемы должен четко проследиваться тезис «помощь», а не «влияние».

В-третьих, необходимо последовательное развитие позитивных бренд-нарративов с дестабилизацией недоброжелателей и позиционированием себя в качестве безоговорочной альтернативы. Противодействие русофобии не может ограничиваться исключительно реактивными запретительными и оборонительными мерами или мощными асимметричными ответами. Требуются нишевая, конструктивная и комплементарная нарративизация, интегральный интеллектуальный инструментарий, активное развитие цифровых проектов и медиаплатформ, ориентированных главным образом на подростков и молодежь, — онлайн-образование и интерактивное просвещение, совместные творческие и предпринимательские инициативы, досуговые платформы, которые предлагали бы привлекательный, дружелюбный и современный образ русской культуры.

В-четвертых, внутренняя консолидация на основе гражданских, а не только этнических и религиозных ценностей. Внутри России концепция «русского мира» должна трактоваться максимально инклюзивно, как сообщество граждан страны и людей, связанных с ее культурой независимо от их национальности и вероисповедания. Это позволит укрепить солидарность социума, не нарушая конституционный запрет на государственную идеологию, права на свободу совести и вероисповедания, и предложить объединяющую идею, основанную на едином будущем, а не только на общем прошлом.

Таким образом, феномен русофобии представляет собой сложный и многогранный вызов, угрожающий как международной стабильности, так и фундаментальным правам, свободам и законным интересам миллионов людей. Борьба с ним не может

² Россию хотят сделать бесконфессиональной, заявил патриарх Кирилл. URL: <https://ria.ru/20250128/patriarkh-1995968150.html> (дата обращения: 02.03.2026).

быть сведена к силовому или сугубо идеологическому противостоянию. Это долгая, кропотливая работа на стыке права, дипломатии, информационной политики и кросс-культурного взаимодействия. Успех возможен только при сочетании принципиальной государственной позиции по защите национальных интересов с гибкой, адаптивной стратегией мягкой силы, опирающейся на широкую сеть неправительственных организаций и активную гражданскую позицию самой российской диаспоры. Только так можно обеспечить не только физическую, но и ментальную безопасность «русского мира», сохранив его целостность, преемственность и культурно-цивилизационный код в условиях нарастающих глобальных турбулентностей.

Сегодня концепция «русского мира» представляет собой сложный, многозначный и развивающийся феномен. Она прошла путь от философского конструкта 1990-х гг. до элемента современной государственной политики, выполняющего важные функции как во внешнеполитической стратегии, так и в утверждении национальной идентичности. Однако ее текущее состояние под определенным ракурсом выглядит аппаратно, характеризуется не-

которыми пробелами и противоречиями, включая конфликт между заявленными гуманитарными целями и их геополитической инструментализацией. Будущая результативность данной концепции будет напрямую зависеть от способности российского социума своевременно переосмысливать и актуализировать ее содержание и векторы развития, обеспечив когнитивное наполнение соответствующих ниш и сделав акцент на мягкой, а не жесткой силе, на сотрудничестве, а не противостоянии, на открытости, а не исключительности, на лояльности и содействии, а не снисхождении, и толерантности. Только в таком случае «русский мир» станет по-настоящему объединяющим проектом, способным консолидировать соотечественников вокруг России и масштабировать их количество, эшелонированно противодействовать информационному эмбарго положительного образа и корректного имиджа Российской Федерации, эффективно нейтрализовывать попытки ее международной изоляции и таргетированно нивелировать вызовы русофобии, сохраняя при этом значительную свободу для маневров, оставаясь в правовом поле и усиливая ее моральный авторитет на глобальной арене.

Список источников

1. Пашковский П. И., Крыжко Е. В., Крыжко Л. А. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения // Регионоведение. 2025. Т. 33, № 1(130).
2. Напсо М. Д., Агирбов Т. А. Русофобский дискурс неолиберальной идеологии // Культура мира. 2025. Т. 13, № 44(1).
3. Козырев М. С., Важенина И. В. Историко-идеологические аспекты русофобии в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 3(61).
4. Елишев С. О. Осмысление сущности «Большой игры» классиками русской школы геополитики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2025. Т. 31, № 1.
5. Костырченко Г. В. «Восточная политика» Гитлера: какое будущее нацисты готовили народам СССР // Россия-XXI. 2025. № 2.
6. Литвинова Т. Н. Возрождение нацизма и современная русофобия: уроки истории и вызовы настоящего // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 5(142).
7. Литвиненко В. А. Демонизация России и русских в контексте специальной военной операции и Великой Отечественной войны: традиционные и современные методики внедрения русофобии в массовое сознание // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2025. № 2.
8. Москаленко О. А., Нестерова М. С. Русофобия как политика Запада и феномен «культуры отмены» // Dictum — Factum: от исследований к стратегическим решениям. 2025. № 11.
9. Матвеева А. М. Когнитивно-ментальная война и русский культурный код // Via in Tempore. История. Политология. 2025. Т. 52, № 3.
10. Андреева Е. Ю. Русский язык как инструмент продвижения русского мира (на материале Китайской Народной Республики) // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 4.
11. Куянцева Е. А. Русофобские тенденции в медийном пространстве Украины: отражение в научном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20, № 3.
12. Неронова М. Ю., Неронов А. В. Развитие русской идеи и русский мир // Kant. 2019. № 3(32).

УДК 101.8:321.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-217-224

5.7.7. Социальная и политическая философия

Националистическая идеология и политические перспективы современной Украины

Евгений Витальевич Килимник

доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии естествознания,
профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин¹,

✉ kilimnik_06@mail.ru

¹ Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург, Россия)

В статье исследуются особенности идеологии современного украинского национализма и перспективы политического и территориального будущего страны. В работе использовались политологический подход, направленный на анализ, сопоставление и обобщение данных, затрагивающих вопросы идеологии этнонационализма и политической ситуации в современной Украине, а также культурфилософский подход, исследующий вопрос восточнославянской русско-византийской метацивилизации и роли в ней современной Украины. Исследование позволило определить вероятный политический проект развития современной Украины как государственного образования в виде «трех Украин» после проведения специальной военной операции. На основании анализа политического развития Украины с 90-х гг. XX столетия следует отметить, что идеология смерти и русофобии «схрона ОУН-УПА»¹, ставшей фактически государственной после 2014 г., привела к политическому, экономическому и территориальному крушению Украины как единого самостоятельного государства в границах 1991 г., противопоставила национализированное население Украины (как составной части) единой восточноевропейской русско-византийской метацивилизации. Возможным политическим устройством страны по окончании специальной военной операции и воздействием внешних и внутренних факторов становится реализация варианта «трех Украин»: центральной — нейтрально-дружественной для России, состоящей из 8–9 центральных областей; восточно-южной, вошедшей в состав Российской Федерации как ее исторические территории; западной «галицийской», сохраняющей националистические воззрения, которая будет подвергаться территориальным претензиям со стороны Польши (собственно, вся территория Галичины), Румынии (Северная Буковина) и Венгрии (Закарпатье), лишенной материальных инвестиций со стороны Запада. В результате Украина вернется к административным границам 1932 г., но уже без восточных и южных областей, а также националистической галицийской составляющей.

Ключевые слова: идеология, национализм, «ОУН-УПА»², Украина, перспективы развития, новая политическая проектность, восточноевропейская русско-византийская цивилизация, Россия, специальная военная операция

Для цитирования: Килимник Е. В. Националистическая идеология и политические перспективы современной Украины // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 217–224.

Nationalist Ideology and Political Prospects of Modern Ukraine

Evgeny V. Kilimnik

Doctor of Science (in Art Criticism), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Professor at the chair of Philosophy, Psychology and Humanities¹,

✉ kilimnik_06@mail.ru

¹ Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Yekaterinburg, Russia)

The article explores the features of the ideology of modern Ukrainian nationalism and the prospects for the political and territorial future of the country. The author employs political science approach aimed at analyzing, comparing and summarizing data affecting the ideology of ethnonationalism and the political situation in modern Ukraine, as well as a cultural philosophy approach that considers the issue of East Slavic Russian-Byzantine meta-civilization and the role of modern Ukraine in it. The study made it possible to determine the likely political project for the development of modern Ukraine as

¹ Признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

² Признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

a state entity, in the form of "three Ukraines" that arose after the Special Military Operation. Based on the analysis of the political development of Ukraine since the 1990s it should be noted that the ideology of death and anti-Russian sentiment of "the hideout of the Organization of Ukrainian Nationalists-Ukrainian rebel army", which actually became state-based after 2014, has led to political, economic and territorial collapse of Ukraine as a single independent state within the borders of 1991, contrasted the nationalized population of Ukraine (as an integral part) with a single East European Russian-Byzantine meta-civilization. A possible political structure of the country at the end of the Special Military Operation and the impact of external and internal factors is the implementation of the "three Ukraines" option: central – neutral-friendly for Russia, consisting of 8–9 central regions; east-south, which became part of the Russian Federation as its historical territories; Western "Galician," preserving nationalist views, which will be subjected to territorial claims from Poland (actually the entire territory of Galicia), Romania (Northern Bukovina) and Hungary (Transcarpathia), deprived of material investments from the West. As a result, modern Ukraine will return to the administrative borders of 1932, but without the eastern and southern regions, as well as its nationalist Galician component.

Keywords: ideology, nationalism, "The Organization of Ukrainian Nationalists-Ukrainian rebel army", Ukraine, prospects of development, new political project, East Slavic Russian-Byzantine civilization, Russia, Special Military Operation

Citation: Kilimnik E. V. Nationalist Ideology and Political Prospects of Modern Ukraine. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 217–224 (In Russ.).

Актуальность темы связана с изучением радикальной идеологии украинского национализма, сформированной во второй половине 20–30-х гг. XX в., которая охватила почти все пространство современной Украины и стала доминирующей национально-государственной установкой сохранения украинской идентичности (особенно после событий 2014 г.). Основой этой модели стали упрощенные и архаичные представления об образовании расы и государства, подаваемые как научно обоснованные, разработанные такими фигурами, как Николай Михновский, Дмитрий Донцов, Ростислав-Роман Ендик, Степан Бандера и др. Эта идеология, характеризующаяся нацистскими чертами по содержанию и террористическими методами реализации, базируется на принципах формирования «чистой расы и моноэтнического государства украинцев-националистов». Данная система взглядов сегодня лежит в основе текущей государственной политики Киева и представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации [1, с. 102–109], провоцируя межэтнические и межкультурные конфликты внутри единого полуторатысячелетнего культурного пространства восточнославянской, русско-византийской цивилизации [2].

Анализируя политическое развитие современной Украины и возможные стратегические планы ее политического руководства на последующий период времени, а также озвученные планы этого руководства, следует отметить, что сложившаяся ситуация имеет три характерных аспекта.

1. Какого-либо магистрального плана развития для страны на продолжительный период времени у В. Зеленского нет (в основном планы формируются исходя из текущих событий на два-три месяца). Основная задача — постоянно просить финансовую помощь на Западе, на основе чего пытаться сформировать очередную бюджет [3].

2. В офисе В. Зеленского присутствуют ожидания, которые берутся из надежд, что вся Европа и Соединенные Штаты с новым президентом Д. Трампом объединятся в общем «крестово-мультикультурном» походе против России, во главе которого будет украинский президент.

3. Надежды физически пережить политическое руководство Российской Федерации.

Исходя из этого анализа можно сделать вывод, что режим Зеленского и весь исторический путь развития Украины как независимого государства за последние 34 года — это антисистемный проект развития, «отрицательный суверенитет». Доказательством этого может служить постоянное системное сокращение населения страны с 51,87 млн человек в 1991 г. до 33,34 млн в 2024 г.³ и спровоцированный, масштабный военно-политический конфликт с Россией [4]. Сегодня Украина превратилась в государство-антисистему без будущего, руководимую лицами, поддерживавшими в своих узкокорыстных политических целях идеи национализма и русофобии, вобравшую в себя на государственном уровне, особенно с 2014 г., националистическую идеологию «схрона ОУН-УПА»⁴ («Украина для украинцев», идеи

³ Численность населения Украины (млн). URL: <https://svspb.net/danmark/naselenie.php?l=ukraine> (дата обращения: 01.08.2025).

«крови и почвы», построение моноэтнократического государства, борьбу со всем русским, включая язык и Украинскую православную церковь Московского патриархата и пр.), которая постоянно усиливалась со стороны политического истеблишмента страны, достигнув своей кульминации в последующее правление В. Зеленского, сформировавшего на ее основе своеобразную квазирелигиозно-политическую секту (или политическую группировку) «украинствующих» с «государством — религиозным идолом» («Украина превыше всего») и с одновременным антигосударственным мышлением руководства страны, одевшего маску независимого государства и проводящего фактически антигосударственную политику. При этом антисистемность выдается в обществе за украинский патриотизм и вековую национальную идею без какой-либо критики или сомнений в адрес президента («верховного жреца»), что подавляется в Украине различными силовыми ресурсами. В результате у сформировавшейся в условиях националистической Украины на высшем уровне квазирелигиозно-политической секты (или группировки) с исповедующей радикально-националистические взгляды частью населения (25–35 %), слабо разбирающегося в объективных реалиях, существует своя очень узкая картина мира и очень узкий словарь со сверхпатриотической националистической риторикой — «Украина превыше всего», «Ще не вмерла України» и пр. При этом те, кто не исповедуют эту картину мира и не используют словарь, подвергаются остракизму как политические еретики, для которых не используют доказательств, поскольку ни один голос не должен раздаваться против существующего ортодоксального учения с его пантеоном святых (С. Бандера, Р. Шухевич и пр.) и мучениками («святая небесная сотня» — погибшие в ходе майданных беспорядков в конце 2013 г. — начале 2014 г. и пр.)⁵. Деятельность подобной квазирелигиозно-политической секты (группировки) на высшем государственном уровне, вобравшей все государство, прежде всего направлена на когнитивно-информационную обработку сознания населения современной Украины, на расширение своей политической поддержки среди оболваненных масс. Это позволяет в итоге сохранять личную власть, получать и далее финансовые преференции и возможность ухода от уголовной ответственности.

Таким образом, режим Зеленского сегодня фактически представляет собой антисистему и своеобразную псевдорелигиозно-политическую секту. Это подтверждает тот факт, что настоящее государ-

ство уже давно бы остановилось, обозревая перспективы ведения дальнейшего военно-политического конфликта с Россией и разрушения своей экономики. Оно бы подвело черту, минимизировало убытки и повело бы свою политику так, чтобы сохранить-ся. В отличие от него, офис В. Зеленского продолжает политический курс на военную эскалацию, ведя страну к логической смерти. В результате военно-политический конфликт с Россией, постоянно предлагающей украинской стороне мир, становится главным средством его существования. В отличие от государственного плана развития, у офиса есть мироощущение, что Запад, включая США, рано или поздно одумается и сплотится в единой борьбе против России. Кроме того, следует учитывать ментальность и психологию самого В. Зеленского, исповедующего философию национализма, гипернарциссизма и веру в собственную исключительность. В результате президент Украины уверен в том, что все ошибаются (и европейцы, и американцы), только он прав в своей политике с Россией, продолжая военные действия, уничтожая население Украины, не неся ничего позитивного государству и населению, лишь утопический в условиях реальности политико-религиозный лозунг «Мы не сдадимся». Реального плана действий у него нет.

В условиях специальной военной операции (далее — СВО) со стороны России ярко просматривается особенный формат ее проведения — гуманистический (например, отсутствие комбинированных ракетных ударов по городам Украины, когда происходит массовая гибель людей, постоянное инициирование по отношению к украинской стороне вопроса проведения мирных переговоров, обмена военнопленными и пр.), направленный на минимизацию потерь населения Украины, являющейся неразрывной частью единой восточнославянской культуры и слагаемым элементом единой русско-византийской метацивилизации, уходящей своими корнями во времена Киевско-Новгородской Руси. Этим Россия показывает, что СВО носит особый характер ведения боевых действий, проводя линию между населением и националистической военно-политической властью на Украине, а также той категорией населения, которая была насильственно, через деятельность украинских территориальных центров комплектования, направлена в армию.

В условиях продолжения СВО складывается новый нарратив развития политической линии, заключающийся в постепенном усилении противостояния между режимом Зеленского, с одной стороны,

⁴ Признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Вашингтон прикрывается Украиной. URL: <https://inosmi.ru/20220917/ukraina-256113222.html?ysclid=me48vw7aon704639813> (дата обращения: 04.08.2025).

и всем населением Украины, с другой стороны. Этот политический вектор будет неуклонно развиваться с углублением разрыва интересов националистических представлений офиса Зеленского и желаний народа Украины. Фактически, начиная с искусственного построения государственной идеологии в начале 2000-х гг. на принципе «Украина — это не Россия», интересы украинского общества не совпадали с интересами военно-политического руководства Украины, националистических батальонов и отдельных ведущих политических радикалов (А. Билецкого⁶, О. Тягнибока, Д. Корчинского⁷ и пр.), представляющих современный антипроект развития Украинского государства, который исключает одну из ведущих гуманитарных составляющих — придание русскому языку статуса государственного на исторически сформировавшейся поликультурной и полиэтнической Украине. В результате антипроект базируется на узконационалистической доктрине «одна мова, один народ, одна віра». В итоге Россия вполне правомерно стала отделять интересы украинского народа от националистически ориентированных взглядов и проводимой политики руководства страны и поддерживающих его откровенных националистов, исповедующих почти квазирелигиозную философию узкого антипроекта политического развития Украины, воспринимая его идейно в виде «наш батько — Степан Бандера». Исходя из этого комплекса вопросов с мощной гуманитарной составляющей происходит изменение характера ведения СВО. Это означает, что Россия определилась с возможной политической проектностью будущей Украины или пространством, которое было Украиной и которое возникнет под воздействием внешних (международное политическое давление и расследование коррупционных схем, в ходе которых терялась материальная помощь западных союзников украинскому правительству Зеленского, требование возврата долгов и кредитов, претензии на ресурсы страны и территории, которые до 1945 г. принадлежали Венгрии, Польше, Румынии и пр.) и внутренних (экономический коллапс, радикализация общества, наличие вооруженных формирований — националистических отрядов, прошедших военный конфликт с Россией и борющихся за власть в стране и пр.) обстоятельств по окончании СВО.

С углублением экономических, политических и социальных противоречий в украинском обществе, вызванных деградацией экономики и социальной жизни, продолжением военных действий со стороны офиса Зеленского и диктатурой по-

следнего, в стране при поддержке его британскими спецслужбами в качестве новой возможной политической проектности или возможного устройства территориального пространства Украины по окончании СВО и наиболее возможным вариантом политического развития может быть проект создания «трех Украин». Первая полностью войдет в состав Российской Федерации и будет включать регионы востока, юга и частично севера страны (образца 1991 г.). Это собственно исторические, имперские территории еще царской России, связанные с ней духовно и исторически. Вторая часть будет западной, в нее войдет вся националистическая галицийская составляющая (с философией «униатской землянки-схрона ОУН-УПА⁸»), которая ментально чужда и враждебна современной России. Сформируется также и третья Украина (центральная) с минимумом армии, обладающая нейтральным внеблоковым статусом по отношению к Российскому государству, условно называемая «Киевской Русью», «Малороссией» или «Русью-Украиной» и пр., которая будет проводить де-юре и де-факто нейтральную или дружественную политику по отношению к Москве. Логика этого политического сценария вполне объяснима — южные и восточные (культурно и исторически имперские) земли, в которые исторически вкладывались на протяжении столетий многочисленные усилия и ресурсы Российского государства, вполне обоснованно отходят в его состав, что носит неслучайный и закономерный характер. Это связано с формированием новых естественных границ, развитием новых транспортных коридоров, владением присоединенных в ходе референдумов территорий — все это в комплексе позволит работать на новом уровне на государственные цели современной России, а также составлять существенную часть современной российской политики. Кроме того, подобный политический сценарий, территориальный распад и превращение в «Руину XVII в.» в ходе окончания СВО вполне характерны ментально и исторически для украинского социума и земель его бытования, которые, например, в годы Гражданской войны (1918–1921 гг.) представляли собой порядка 120 квазинезависимых «суверенных» территорий-полугосударств, руководимых различными «батьками-Ангелами», Директорией, поляками, деникинцами-врангелевцами, С. Петлюрой, Н. Махно и пр., которые практически не думали о «соборності неньки України», исходя из собственных узконаправленных политических и экономических интересов. Следует учитывать

⁶ Внесен в реестр террористов и экстремистов Росфинмониторингом Российской Федерации.

⁷ Внесен в реестр террористов и экстремистов Росфинмониторингом Российской Федерации.

⁸ Признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

и то, что населению современной Украины практически ничего в государстве уже не принадлежит, что вся ее полезная территория является собственностью международных компаний на примере американской Black Rock [5, с. 44–53]. Изменить подобную ситуацию становится возможным только при пересмотре взглядов украинского социума на проводимую Россией СВО и политику денацификации Украины. Гарантом существования нейтральной Украины будет выступать современное Российское государство. При этом националистическую Галичину никто в современной Европе, как и в России, финансировать не будет (поляки, например, не забыли Волынскую резню 1943–1944 гг., а Россия, исходя из приоритетов собственной национальной безопасности, была вынуждена начать проведение СВО). Следует учитывать и то обстоятельство, что в России практически никто не считает западноукраинских националистов братским народом. Фактически по своей духовности и менталитету это исторические отщепенцы Русского мира и метарусской восточноевропейской цивилизации, попавшие под влияние Ватикана и Запада. Вести какие-либо серьезные боевые и диверсионные операции за свои националистические ценности и территории, находясь в зажатом состоянии между Польшей и политически нейтральным, контролируемым Москвой, центральноукраинским государством, представляется маловероятным сценарием политического развития для Галицийской Украины.

Следует отметить, что изначально узконационалистический проект «ОУН»⁹ был сформирован в конце 20-х гг. XX столетия как антипольский сценарий развития и построения узкого этнонационального государства, который после вхождения Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической республики в 1939 г. оказался перенацелен при поддержке спецслужб Третьего Рейха («Абвер») против Советского Союза, а после 1991 г. при масштабной поддержке националистической канадско-британской западноукраинской эмиграции (возникла со второй половины 40-х гг. XX столетия) — против Российской Федерации. Это был своеобразный политический реванш за поражение в вооруженной и идеологической националистической борьбе 1944–1950-х гг., нанесенное национализму в западных областях Украины Советским государством, реабилитации которого прямо и косвенно содействовала высшая политическая власть в Киеве, начиная с 1992 г., исходя из своих политико-экономических интересов и сохранения своего правящего статуса на

Украине (Л. Кравчук, Л. Кучма, В. Ющенко, А. Турчинов, П. Порошенко¹⁰, В. Зеленский). В результате ведущей политической задачей России становится обеспечение своей безопасности в треугольнике Россия — Белоруссия — Украина (или тех территорий, которые возникнут на ее месте), чтобы не было никаких скоплений и сосредоточений войск в районах, прилегающих к границе России, или присутствия военных контингентов других государств. Особенно это касается территорий будущей нейтральной Украины, которая будет служить буфером между Российской Федерацией, Галицийской Украиной и рядом стран недружественного Запада (например, Польшей). На современной не разделенной на части националистической Украине это практически невозможно, а на будущей нейтральной Украине («Малороссия» или «Русь-Украина») в пределах 9–10 центральных исторических областей, составлявших подобное административное образование в условиях царской и императорской России подобный политический сценарий вполне возможен. При этом все неденацифицированное и неде милитаризованное должно быть политически выдвинуто в Галичину (идейную наследницу идеологии ОУН-УПА¹¹). В результате останется население, которое будет желать жить и развиваться в нормальных, а не в экстремально националистических условиях. Поэтому многие планы и цели, решаемые Россией в ходе СВО, носящие политический, исторический и технический характер, возможно, сложно выполнимы в отношении всей Украины, но хорошо реализуемы в случае существования трех Украин. В целом класс проводимой политики определяется способностью обеспечить ее политическую преемственность, иначе при сохранении прежнего националистического вектора развития Украины перед Россией прямо встанет вопрос, зачем проводилась СВО, но только еще более жестко. Подобная политическая схема «трех Украин» уже была реализована практически в отношении бывшей Югославии в 90-х гг. XX столетия, когда враждующих Сербию и Хорватию разделили нейтральной Боснией.

Рассматривая культурно-исторически формирование Украины, следует отметить, что она является неотъемлемой частью метацивилизации Руси, несмотря на возникшие после 1991 г. границы, которую исторически составляют русские, белорусы и украинцы — три братских народа с одной русско-византийской цивилизационной основой, для которой западноукраинский галицийский национализм стал страшной разрушительной трагедией, когда

⁹ Признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁰ Является членом объединения, признанного экстремистским на территории Российской Федерации.

¹¹ Признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

фактически под идейным и финансовым воздействием британских спецслужб и недружественного Запада брат пошел на брата. При этом в настоящее время, несмотря на имеющиеся идейные противоречия, десять миллионов граждан Украины имеют родственников в России — братьев и сестер, родителей, бабушек и дедушек. В итоге в первой четверти XXI в. возникла парадоксальная ситуация, когда одна часть метацивилизации Большой Руси отрицает другую ее историческую часть («москаляку на гиляку», «русские — это генетический мусор», «русские — это генетическая смесь татар и мордвы», «мы — европейцы», «Украина — это щит Европы на пути азиатской Московии» и др.), это становится страшной трагедией современности. Тем более это двойная трагедия, когда заинтересованные политические круги Запада наняли одну часть населения этой цивилизации для противоборства, включая вооруженное, с другой кровно-цивилизационной составляющей.

Несмотря на возникшие границы в 1991 г., в рамках одной метацивилизации цельность ее сохраняется и сегодня. Цельность не может быть территориальной. Границы государств на протяжении всей их истории были подвижными. Цивилизационная цельность всегда символическая и этическая, о чем свидетельствует, например, проведение российскими частями СВО, в ходе которой возникают исключительно минимальные потери среди местных жителей. При этом ведение настоящей войны всегда разрушительно, происходит с большим количеством жертв среди мирного населения. Это особенное, в том числе материальное подтверждение того, что СВО идет по особым этическим принципам со стороны Российского государства, радикально отличающимся от всех других типов войн, которые проходили за последнее столетие с массовой гибелью населения и масштабным разрушением инфраструктуры. Подобного точечного проведения СВО никогда и нигде не было. Это знаковый пример того, что территория Украины с ее населением представляет особое этическое пространство, в рамках которого столкнулись две силы, активно борющиеся друг с другом, но при этом местное гражданское население в условиях российской СВО страдает минимально. Следует отметить, что это особая специальная операция, идущая в особом цивилизационном пространстве. Следовательно, метаци-

визационная цельность существует, несмотря на радикальные противоположные утверждения националистически и русофобски ориентированного политического руководства в Киеве, желающего затянуть военные действия на многие годы с последующим вступлением в них вооруженных сил стран Европы и Соединенных Штатов, которые активно помогают киевскому режиму масштабными поставками оружия, тем самым фактически участвуя в военно-политическом конфликте с Российской Федерацией. В итоге у политического руководства Украины появляется прямая возможность:

- незаконно сохранять многие годы личную власть;

- далее получать экономические преференции (перераспределение в свою пользу ежегодной западной помощи стране);

- уйти от уголовной ответственности за втягивание России в военно-политический конфликт и разрушение самой Украины в ходе СВО и создание масштабной коррупции, пронизывающей украинский государственный аппарат управления и всю экономику и хозяйство страны.

СВО в той или иной форме будет вынужденно продолжаться до тех пор, пока украинцы, попавшие за последние 30 лет под массивную идеологию «схрона ОУН-УПА¹²», не осознают [6, с. 177–186], что есть особое этическое символическое пространство, внутри которого им не стоит себя противопоставлять и угрожать (например, вступление в НАТО) двум другим составным частям единой восточно-европейской русско-византийской цивилизации, сколько бы государств внутри этого цивилизационного пространства ни существовало. В качестве примера можно привести арабов, у которых есть единое символическое пространство (арабский мир) и 19 современных политических образований (государств), но которые осознают свое цивилизационное единство¹³. Следует также отметить существование в мире многочисленных англоязычных государств, объединенных единым культурным пространством, британской короной (от Австралии до Канады включительно), и которые существуют, пусть неофициально, и сегодня — так называемый «альянс трех глав» (в основе которого союз США, Великобритании и Австралии (AUKUS))¹⁴. Фактически это британский англоязычный альянс, несмотря на то что американцы стоят во главе его. Кроме этого,

¹² Признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹³ Арабский мир и его особенности. URL: https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/arabskiy_mir_i_ego_osobennosti/?ysclid=me44txzmcd696558629 (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁴ Разложение глобальной безопасности: новый альянс США, Британии и Австралии направлен не только против. URL: <https://fishki.net/anti/3944833-razlozhenie-globalnoy-bezopasnosti-novyy-alyans-ssha-britanii-i-avstralii-napravlen-ne-tolyko-proti.html> (дата обращения: 07.08.2025).

существует британское «Содружество наций», состоящее из 56 государств, бывших британских колониальных владений-доминионов, впитавших в себя исторически культуру Британии¹⁵. Подобные примеры единого цивилизационного пространства были уже и в глубокой древности. Например, Израиль был разделен на два маленьких государственных образования — Израиль и Иудею, но общим для них было также единое цивилизационное пространство¹⁶. Подобная цивилизационная цельность может проявляться на примере любой самой обычной семьи в Ужгороде (Закарпатье), представители которой за последнее столетие сначала юридически были гражданами Венгрии, потом Чехословакии, далее снова Венгрии, с 1945 г. находились в составе Советского Союза, а с 1991 г. оказались гражданами Украины. Но при этом они всегда этно-культурно были подкарпатскими русинами и культурно-исторически относились к восточнославянской метацивилизации, несмотря на все территориальные границы, разделявшие ее в XX столетии. Подобная ситуация характерна и для еврейского населения, веками разделенного различными территориально-государственными границами, но всегда этнически и культурно относившегося к единой ближневосточной иудейской цивилизации.

В результате наиболее важным в цивилизационном плане является не меняющиеся время от времени границы, а надполитическое, символическое и этическое единство того, что называется и является Русью, которая, как единая цивилизационная основа, исторически сформировала Россию, Украину и Белоруссию. При этом исторически именно Россия стала собирательницей земель русских от Западного Буга и восточных Карпат и далее на восток, возрождая на новой политической основе (Российская империя, Советский Союз, СНГ) в своем истори-

ческом цивилизационном единстве территориальную общность западной, юго-западной и северо-восточной Руси.

Таким образом, анализируя политическое развитие современной Украины и ее перспективы, следует отметить, что политическое пространство страны сегодня активно эксплуатируют не столько сам украинский социум и его руководство (1992–2013 гг.)¹⁷, сколько представители Запада и его украинские апологеты (2014–2026 гг.), усиливая через новые санкции, а также поставки оружия и финансовую помощь искусственный конфликт с Россией, с которой она, как и с Белоруссией, исторически находится в тесных рамках единого цивилизационного, этического и символического пространства («Земля Русская», которую крестил в X в. князь Владимир Святой) [7, с. 45–58], забывая в лице ее современного политического руководства и националистически настроенной части населения библейскую притчу о том, что «царство, разделенное в себе, долго не устоит»¹⁸. В результате Украины как политического государственного образования в границах 1991 г. уже не существует. Его нет этически, символически, политически и территориально. С окончанием СВО, вероятнее всего, под давлением внутренних и внешних обстоятельств возникнет другая, нейтральная для России Украина, возможно, с новым названием, например, Русь-Украина или Малороссия (но без галицийской националистической составляющей на западе)¹⁹, которая, скорее всего, будет в административных территориальных рамках 1932 г., но без ряда областей на востоке и юге страны, землях исторического Древнерусского государства, ставших со второй половины XVIII в. землями имперского освоения, присоединенными к России в ходе масштабных русско-турецких войн.

Список источников

1. Сивков К. В. Вероятный характер третьей мировой войны // Вестник академии военных наук. 2022. № 3(80).
2. Дугин А. Г. Москва — третий Рим: семь диспенсаций русской идеи. СПб., 2024.
3. Десягин М. Г. Цивилизация людоедов: британские истоки Гитлера и Чубайса. М., 2024.
4. Глазьев С. Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне. М., 2015.

¹⁵ Что такое британское Содружество наций и какие страны в него входят? URL: <https://aif.ru/politics/world/chto-takoe-britanskoe-sodruzhestvo-naciy-i-kakie-strany-v-nego-vhodyat> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁶ Разделение царства Еврейского на два: Иудейское и Израильское. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Slobodskoj/zakon-bozhij/99 (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁷ С. Лавров: Запад накачивает Украину оружием и мешает урегулированию конфликта. URL: <https://smotrim.ru/article/3832089?ysclid=mm51swj5ql949672153> (дата обращения: 27.02.2026).

¹⁸ Толкования на Евангелие от Матфея 12:26. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Mt.12:26&r> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁹ А. Арестович: Россия определилась с будущим Украины? URL: https://www.youtube.com/watch?v=VjFJ_2IVk4E&t=6546s (дата обращения: 08.08.2025).

5. *Ивашов Л. Г.* Современные вызовы и угрозы безопасности Российской Федерации // Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. М., 2022.
6. *Килимник Е. В.* Идейные особенности этнонационализма в постмайданной Украине. Культурно-политические условия развития идеологии украинского этнонационализма в 2013/14–2023 гг. (часть 2) // Философия права. 2025. № 4(115).
7. *Поппэ А.* О причине похода Владимира Святославовича на Корсунь. 988–989 гг. // Вестник Московского университета. Серия: История. 1978. № 2.

УДК 316.75

doi: 10.24412/1999-625X-2026-2101-225-229

5.7.7. Социальная и политическая философия

Идеология в XXI веке как мотив идеологической войны

Андрей Андреевич Ковалев

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления ¹,

✉ kovalev-aa@ranepa.ru

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия)

Расширение форм противостояния в мире XXI в. позволяет говорить о новых способах противоборства, среди которых — идеологическая война. Цель исследования состоит в изучении феномена идеологии в качестве мотива идеологической войны, являющейся вариантом борьбы за ценностные основания существования и ментальное пространство. Рассмотрение развития феномена идеологии и его противоречивого развития в настоящее время позволяет обозначить его важнейшие характеристики — идейную разнородность и притязания на универсальность. Манипуляция сознанием становится ключевым инструментом идеологической войны XXI в., отличающейся перманентностью и трудностью распознавания. Современный мир не нуждается в универсализме по западному образцу, у него сформировался запрос на уважение уникальности и государственного суверенитета с обязательной опорой на равноправное сотрудничество, согласие и доброжелательность, которые могут воплотиться в концепции-идее «русского мира».

Ключевые слова: идеи, смыслы, противостояние, фрагментарность, консолидация, манипулирование, альтернативная идея развития, «русский мир»

Для цитирования: Ковалев А. А. Идеология в XXI веке как мотив идеологической войны // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 2(101). С. 225–229.

Ideology in the 21st Century as a Motive for Ideological War

Andrey A. Kovalev

Candidate of Political Sciences, Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of State and Municipal Administration ¹,

✉ kovalev-aa@ranepa.ru

¹ Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management

(Saint-Petersburg, Russia)

The expansion of forms of confrontation in the world of the 21st century allows us to talk about new ways of confrontation, among which is ideological warfare. The purpose of the research is to study the phenomenon of ideology as a motive for ideological warfare, which is a variant of the struggle for the value bases of existence and mental space. Consideration of the development of the phenomenon of ideology and its contradictory development at the present time allows us to identify its most important characteristics — ideological heterogeneity and claims to universality. Mind manipulation is becoming a key tool of the 21st century ideological war, characterized by its permanence and difficulty of recognition. The modern world does not need universalism according to the Western model, it has formed a demand for respect for uniqueness and state sovereignty with the obligatory reliance on equal cooperation, consent and goodwill, which can be embodied in the concept-idea of the "Russian world".

Keywords: ideas, meanings, confrontation, fragmentation, consolidation, manipulation, alternative idea of development, "Russian world"

Citation: Kovalev A. A. Ideology in the 21st Century as a Motive for Ideological War. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 2(101). Pp. 225–229 (In Russ.).

В настоящее время одним из направлений противоборства выступает влияние на массовое сознание, которое становится более сложным и результативным благодаря созданию идеологических конструкций, воздействующих на ценностные координаты, морально-нравственные ориентиры, культурные традиции. Все эти способы против-

стояния становятся оружием войн нового поколения, имеющих нефизический характер как по применяемому инструментарию, так и по целям и результатам. Борьба за сознание в XXI в. актуальна по причине высокой мобильности и изменчивости глобализирующегося мира, а также потому, что нематериальные ресурсы жизнедеятельности че-

ловечества приобретают не меньшую значимость и смысл, чем материальные. Тем самым идеологический аспект войн нового поколения приобретает особую актуальность [1, с. 254].

Цель исследования — изучение феномена идеологии в качестве мотива идеологической войны, являющейся способом борьбы за ценностные основания существования и ментальное пространство. На основе поставленной цели были сформулированы следующие задачи: 1) раскрытие значения категории идеологии и формирование на ее основании феномена идеологических войн, направленных на разработку способов управления сознанием; 2) обоснование того обстоятельства, что характеристики современного понятия идеологии, среди которых, в частности, фрагментарность, становятся достаточными для превращения в идеологическую войну борьбы за идеи и смыслы в глобальном пространстве; 3) анализ потенциала России как консолидирующего начала для международных центров силы, ищущих альтернативу западной модели развития, с приведением его сильных и слабых сторон.

Философия идеологической войны изучается посредством обращения к междисциплинарному подходу, в котором содержатся элементы философского анализа, научные методы социальной теории, взятый из критической герменевтики инструментарий. В качестве методов были использованы историко-философский анализ, сравнительный подход и дискурсивный метод, также были применены элементы теории медиапространства для изучения потенциала идеологической войны в цифровом пространстве.

Появление понятия «идеология» относится к концу XVIII в. — периоду творческой деятельности французского философа Антуана-Луи-Клода Дестюта де Траси [2], который писал про «науку об идеях». Основной посыл этого нового знания был направлен на то, чтобы избавиться от заблуждений и сделать мышление более рациональным, такой подход способствовал бы просвещению общества. Однако для политической элиты изначальный смысл «науки об идеях» был невыгоден и в целом неудобен, поэтому идеология стала восприниматься и использоваться в качестве инструмента манипулирования массовым сознанием. Тем самым в период развития европейского просвещения, когда обоснование новых политических режимов и новых представителей власти стало первостепенным, управление массовыми эмоциями и сознанием превратилось в важную задачу.

С XIX в. идеология становится ключевым инструментом в сфере политического соперничества, которое утрачивает формальный характер и позво-

ляет практически каждой политической силе отстаивать собственную универсальность перед массами, опираясь при этом на узкие групповые интересы. Так, Ф. Гегель заключил, что идеология является продуктом своего времени. Иначе говоря, с помощью идеологии прогресс становится возможным благодаря стремлению человечества постичь абсолютный дух посредством преодоления телесных ограничений, при этом каждый исторический этап развития олицетворяет собой ту или иную ступень данного процесса самопознания [3].

Изменение подходов к идеологии в XX в. было обосновано тем, что народные массы и развитие средств коммуникации стали представлять исследовательский интерес и нашли свое отражение в научных работах. Так, Э. Дюркгейм [4] и М. Вебер [5] пришли к выводу о том, что идеология имеет не только потенциал оправдания того или иного политического порядка политической элитой, но также является и способом формирования и поддержания стабильности национальной идентичности, расширения связанных с социальной мобильностью возможностей, а также изменений в социальном поведении, обусловленных реалиями индустриального и постиндустриального времени.

В первой половине XX в. изучение феномена идеологии стало более разнообразным и детализированным по причине усложнения социальной практики. Этот период ознаменовался возникновением разных научных направлений, ориентированных на изучение различных социальных феноменов, в том числе и идеологии, среди которых, в частности, Чикагская социологическая школа и Франкфуртская школа. Со второй половины прошлого столетия идеология становится непостоянной, она приобретает черты фрагментарности, характеризуется изменчивостью и утрачивает единство. Так, М. Фуко обращает внимание на дискурсивные механизмы, благодаря которым аналитический фокус смещается в зависимости от эпохи, ее потребностей и особенностей [6]. Свой вклад в изучение феномена идеологии внесли Ж. Деррида [7] и Ж. Бодрийяр [8], изучая симулякры и их влияние на процесс подлинного взаимодействия, замещаемого созданной сетью гиперреальных образов.

В настоящее время идеология понимается как отражение гипермобильности и сложности происходящих социальных процессов, характеризующихся перманентной политической конкуренцией и необходимостью постоянного обоснования политической власти и подтверждения ее легитимности; важностью обеспечения сбалансированного взаимодействия различных символов, смыслов, норм, способов реагирования; значимостью организации социально-культурного пространства, неотъемлемы-

ми элементами которого выступают формирование сценариев будущего, оформление публичного пространства и управление им, сохранение основ коллективной памяти и многое другое [9, с. 28].

Коллективное мышление в современных условиях значительно трансформировалось, особую роль в этом процессе сыграли новые технологии и возникновение таких феноменов, как общество массового потребления и цифровое общество. Военные мотивы, которые олицетворяют собой борьбу, завоевание и доминирование, интенсивно замещаются конкуренцией. Конкуренция, в свою очередь, отличается тяготением не к экономическим или военно-политическим инструментам борьбы, а к контролю над информацией, управлению ее потоками, способами интерпретации и дальнейшей трансляции, в том числе и на тему вероятных (желательных или, напротив, нежелательных) сценариев будущего нации или всего человечества.

В таких условиях, которые характеризуются, с одной стороны, предпочтением «жесткой силы» инструментов «мягкой силы», но с другой, — перманентностью конкурентной борьбы во всех областях и непримиримостью противоборствующих сторон, актуализируется феномен идеологической войны. Так, в рамках настоящего исследования под *идеологической войной* понимается война идей, определяющих направление и смысл существования в прошлом, настоящем и будущем.

Идеологическое противостояние, которое в прошлом было вспомогательным способом при доминирующей военной силе, в настоящее время является определяющим. Это становится возможным по той причине, что фрагментарный характер современной идеологии как собирательного понятия смысловой, идейной, информационной и ментальной нагрузки общества XXI в. и индивидуализированность цифрового пространства позволяет планировать и реализовывать идеологическое воздействие точно. В этих условиях кажущегося мира и неочевидной войны выбор объекта такого воздействия падает не на нацию или какую-либо отдельную группу, а на каждого отдельного человека, носителя определенных смыслов, идей, предпочтений и потребностей [10, с. 25]. Одним из самых известных и эффективных способов идеологического влияния является создание так называемых информационных пузырей, которые сосредоточивают внимание и предпочтения пользователя на выгодной субъекту влияния информации за счет создания автономных когнитивных зон. Результатом здесь становится, прежде всего, разобщенность, отсутствие согласия по важнейшим вопросам и нарушение основ национальной и групповой идентичности, поскольку каждый отдельно взятый человек помещается в свой индивидуаль-

ный «информационный пузырь», созданный именно для него и препятствующий закреплению массовых элементов в его сознании (норм, традиций и т. д.). В таких условиях на статус правды начинает претендовать множество различных по смыслу и идейной наполненности нарративов.

Идеологическая война во многом определяется направленностью глобальной динамики, которая характеризуется стремлением международных центров силы, обусловленных многополярностью, по-своему интерпретировать прошлое, его влияние на настоящее и их совокупный потенциал для будущего. Современное международное пространство отличается постоянством противостояния, которое довольно сложно идентифицировать по критериям прошлых периодов, когда у кризисов и войн были ясные временные границы, цели, участники и последствия. Это означает, что современное человечество находится в состоянии перманентной идеологической войны [11, с. 5–9].

Ключевым признаком идеологической войны является манипулирование идеологическими основаниями существования общества, к которым относятся, в частности, ценности и смыслы, формирующие массовое и индивидуальное сознание. С помощью создания новых смысловых рамок, подмены привычных языковых моделей, планомерного изменения смыслового и ментального пространств осуществляется намеренное воздействие на ценностные координаты. При этом возникновение новых способов идеологического воздействия в настоящее время становится непрерывным процессом благодаря наличию возможности использовать различные коммуникационные платформы в качестве экспериментальных площадок для проверки эффективности нового инструментария и получения обратной связи от пользователей для его дальнейшего усовершенствования. Являющаяся закономерным результатом утрата прежних основ и смыслов существования запускает разрушительные механизмы, среди которых ощущение неопределенности, усиление социальной напряженности и тревожности. Важно также отметить, что такие условия возникают и по причине невозможности заместить утраченное какими-либо новыми смыслами, поскольку сами эти смыслы по своей природе являются симулякрами.

В условиях идеологического воздействия местом распространения информации становятся как классические каналы (радио, телевидение, печатные СМИ), так и цифровые платформы (блоги, социальные сети, видеохостинги, новостные агрегаторы и др.). Основным принципом работы всех этих каналов в рамках идеологической войны выступает навязывание идей, взглядов, установок, мировоззрения и т. д. в сочетании с вытеснением из медиaprостран-

ства невыгодных тем и вопросов, которые представляют собой альтернативу навязываемым и обсуждаемым сюжетам [12, с. 163]. Так общество постепенно научается мыслить по заранее заданной схеме, шаблонно и предсказуемо.

Сами СМИ также находятся в состоянии конкуренции и борются за внимание аудитории, стремясь увеличить ее охват, а также направлять ее смысловую ориентированность. В дополнение к этому важно отметить природу современных средств массовой коммуникации, функционирование которых строится по сетевому принципу. Тем самым это обстоятельство усиливает фрагментарность современной идеологии и фактически создает неограниченное пространство разнообразных смыслов. А частая ротация информационной повестки и информационная перегруженность, достигающая катастрофических масштабов, делают эти смыслы поверхностными, непроработанными (неусвоенными и неосвоенными) и потому незначимыми для аудитории. Иначе говоря, ценность этих смыслов фактически нулевая.

Таким образом, результатом идеологического противостояния становится вытеснение традиционных моделей существования, сформированных под влиянием естественных и долгосрочных процессов (общей истории и географии, религии, социальных практик взаимодействия, длительности того или иного политического режима и т. д.), конформистскими моделями, неорганичными, не подкрепленными какими-либо объективными факторами, не обладающими консолидационными признаками [13, с. 25–36]. Другими словами, современные смыслы — симулякры — это ситуативные, конъюнктурные механизмы, тренды, которые направляют энергию и творческий потенциал человека не на долгосрочное созидание и попытки осмыслить окружающую действительность, а на погоню за несуществующими и оттого недостижимыми идеалами. Тем самым единство, последовательность и целостность идей и взглядов — характеристики, которыми обладают традиционные ценности, признаны антитрендами и всячески порицаются (переосмысливаются, фрагментируются или даже высмеиваются).

Для современной России идеологическая война весьма актуальна, поскольку, несмотря на деидеологизацию нашего государства, закрепленную в Основном законе страны, идеология как совокупность значимых для нации идей и смыслов для России всегда имела особую ценность. Именно поэтому выстоять в идеологической войне — значит заслужить право самостоятельно определять свое дальнейшее развитие [14, с. 16]. Как пишет научный руководитель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ С. А. Караганов, Россия отправила миру следу-

ющие идейные послания: 1) стремление на международной арене всемерно поддерживать суверенитет, культурную самобытность, плюрализм; 2) готовность защищать человеческое и национальное достоинство во имя служения высоким, а не эгоистичным целям; 3) ориентированность на традиционные ценности, следование ключевым основам внешней политики, а в случае необходимости — отстаивание российских национальных интересов всеми доступными средствами, в том числе и силовыми [15, р. 18].

В современном идеологическом противостоянии у России оборонительная позиция, однако это не означает ее весьма вероятного проигрыша, напротив, за этим скрывается вполне жизнеспособный потенциал. Так, Россия смогла усилить свое гуманитарное влияние в мире во многом благодаря проявлению стойкости в условиях глобального давления, усилившегося с 2022 г., а также реальной возможности отстоять свои национальные интересы (доказательством тому служит развитие России в условиях беспрецедентного санкционного давления). Это означает, что принятые российской стороной обязательства по объединению незападного мира она сможет успешно выполнить, но только в случае разработки и презентации привлекательной для всех заинтересованных сторон идеи, обладающей консолидирующим потенциалом.

В частности, такой идеей (моделью развития, стратегией) может стать идея «русского мира», которая, к сожалению, в настоящее время является слабой стороной в российской информационно-гуманитарной сфере [16, с. 45]. Это означает, что сейчас у России нет альтернативы западно-либеральному универсалистскому пути развития [17]. Дополнительной сложностью становится то обстоятельство, что «русский мир» не является универсальной идеей, способной объединить таких разных международных акторов. Однако есть у этой идеи и сильная сторона, которая, безусловно, может развить ее потенциал в полноценную жизнеспособную альтернативу западной модели. Речь идет о стремлении защитить традиционные ценности и сохранить привычные и органичные каждой нации модели существования, т. е. в целом о приверженности консерватизму. Именно поэтому Россия должна стремиться к дальнейшей серьезной проработке альтернативной концепции для своих союзников, которая не должна стремиться к универсальности, однако при этом должна включать в себя важные консолидирующие признаки, олицетворяющие компромиссные, взаимовыгодные, уважительные и справедливые взаимоотношения.

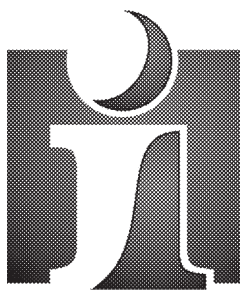
Таким образом, необходимо заключить, что современная идеология как обобщающее понятие демонстрирует полярный потенциал, благодаря ко-

торому можно как фрагментировать общество и ослабить его, так и консолидировать посредством создания логичной и последовательной идеи, выступающей альтернативой западно-либеральной модели развития. У современной России есть практические

инструменты для реализации этой задачи, важно только выстоять в идеологической войне и развить наметившиеся точки соприкосновения с национально-, а не глобалистски-ориентированными странами в полноценную концепцию существования.

Список источников

1. Стрелецкий Я. И. Гибридная война: идеологический аспект // Kant. 2021. № 2(39).
2. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., 2013.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М., 2014.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с франц. В. В. Земсковой ; науч. ред. Д. Ю. Куракина. М., 2018.
5. Вебер М. Экономика и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. М., 2016.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. В. Наумова. М., 2016.
7. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000.
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М., 2015.
9. Колин К. К. Культура и безопасность: гуманитарные уроки новой мировой войны // Информационные процессы, системы и технологии. 2022. Т. 3, № 3(24).
10. Багдасарян В. Э. Войны памяти как войны историософских матриц: борьба за победу после победы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3.
11. Ильницкий А. М. Идеология войны // Военный академический журнал. 2023. № 2(38).
12. Овчинский А. С., Борзунов К. К. Информационное противоборство с деструктивными сетевыми сообществами // Информация и безопасность. 2024. Т. 27, № 2.
13. Лукин А. Н., Хайрулин Ш. Ш. Философия войны: формирование современного дискурса // Социум и власть. 2022. № 3(93).
14. Малков С. Ю. Об особенностях современного межгосударственного противоборства // История и современность. 2020. № 2(36).
15. Karaganov S. New Ideological Struggle? // Vestnik RUDN. International Relations. 2016. № 16(3).
16. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Васильченко В. А. Идеологическая война против России: анализ идей внешних и внутренних акторов // Политическая экспертиза. 2017. № 3.
17. Nye J. S. The future of power. New York, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>). Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнару-

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu-

женные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,8 авт. л. (36 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: scientific_bulletin_omamvd@mail.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: 8 3812 30-12-01 (главный редактор Литвинов Артём Валерьевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.8 author's sheet (36,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: scientific_bulletin_omamvd@mail.ru or on electronic device (Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: 8 3812 30-12-01 (chief editor Artyom Valerievich Litvinov).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- Киберпреступность в период специальной военной операции: динамика и криминалистические вызовы для расследования МВД России
- Правовое регулирование противодействия международному морскому терроризму в Арктике

Право и государство

- Стратегические документы Президента Российской Федерации: правовая природа и необходимость корректировки подходов
- Систематизация вещественных доказательств и способов их хранения при производстве по уголовному делу как необходимое условие эффективности уголовно-процессуального доказывания

Юридические ретроспективы

- Генезис и институциональная трансформация судебного контроля в досудебном производстве: сравнительно-историческое исследование (на материалах Российской Федерации и Республики Таджикистан)

Философский и методологический инструментарий

- Эволюция идейных представлений и государственной политики этнонационализма в постсоветской Латвии
- Современные метаморфозы либеральной аксиологии

а также

- Правовая идеология как основа противодействия экстремизму
- Почетный правовой статус как отражение юридической памяти: правовые, этические и символические аспекты
- Влияние социальных процессов глобализации и регионализации на полицейское сообщество
- другие материалы

